Яков ШЕР

КУДА ИДТИ?

(Книга для тех, кто хочет изменить мир)

ПАРИЖ
1971

Яков ШЕР

КУДА ИДТИ?

(Книга для тех, кто хочет
изменить мир)

Париж
1971

Iakov CHER

OU ALLER ?

(Un livre pour ceux qui veulent changer le monde)

Droit de reproduction et de traduction
réservés pour tous pays, y compris l'U.R.S.S.
© Iakov Cher, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

		стр.
	Введение	5
1	«Позавчера» (первобытное общество или примитивный эгалитаризм)	8
2	«Вчера» (монодоминизм)	16
	1) «Вчера утром» (рабовладельчество или тотальный монодоминизм)	17
	2) «Вчера днем» (феодализм или полулиберальный монодоминизм)	36
	3) «Вчера вечером» (монопатронализм или либеральный монодоминизм)	41
3	«Сегодня» (мультипатронализм или групп-доминизм)	96
4	Между «вчера» и «завтра» (социализм или класс-доминизм)	123
5	«Завтра» (эргонизм или групп-эгалитаризм)	174
6	«Послезавтра» (панэргонизм или класс-эгалитаризм)	207
7	Выводы и сравнения	214
8	Силы и средства	228
	Приложения	253

ВВЕДЕНИЕ

Наше время кажется странным.

Две основные общественные системы, называемые капиталистической и социалистической, из которых вторая считает себя преемницей первой (хотя она родилась скорее от полуфеодальной системы, чем от капиталистической), — обе эти системы проходят тревожный период кризисов, волнений, критики, оспаривания.

И особенно интересен тот факт, что это брожение охватило с особой силой наиболее развитые и богатые страны. В этих странах люди, которые трудятся и учатся, обладают все более высоким уровнем знаний и все менее склонны мириться с тем фактом, что «сидящие наверху» — те кто присвоили себе права собственности и решения — обходятся с ними как с рабочим скотом, как с безответной массой, интересами которой можно пренебречь. В странах **обеих** систем трудящиеся массы и, особенно громко, студенты и интеллигенция выражают все большее недовольство, требуют радикальной перестройки общества. Главное их требование — это право самим решать свою судьбу, это нежелие быть ни угнетенными и управляемыми «сверху», т. е. **доминируемыми,** ни обкрадываемыми «сверху», т. е. **эксплоатируемыми.**

Если совсем недавно оппозиция в каждой из систем указывала на другую систему как на идеал общества или же предлагала «соединить» положительные качества обеих систем, то сегодня все отчетливее слышен молодой голос новой оппозиции, отбрасывающей обе системы как противоречащие достоинству человека и требующей какого-то **третьего,** нового общетва.

На вопрос «что делать?» все больше людей отвечает ясно: «Революцию!», ибо нет другого метода чтобы смести узурпаторов. Но как и в каком направлении действовать? Куда идти? Какое общество построить на месте старого? Ответа обычно ищут в марксизме, ибо сегодня практически не существует другой революционной идеологии. И если все оппозиции утверждают, что они опираются на только им известный «настоящий» марксизм,

то ни одной из этих оппозиций не удалось, основываясь на «их» марксизме, связно объяснить ни происшедшего в последние десятилетия, ни, тем более, событий последних лет (об «официальном» марксизме социалистических стран и говорить нечего — его банкротство очевидно). Объяснения всех оппозиций настолько противоречивы, что все чаще встает вопрос: а все ли в марксизме верно? А не произошло ли в мире что-то такое, чего марксизм не предвидел? А то что он когда-то предсказал как неизбежное и близкое будущее — может еще не свершилось?

Ответ на эти вопросы трудно найти в оппозиционных изданиях. В них конкретный анализ и теоретические выводы часто подменяются трескучими революционными фразами, покрытыми столетней пылью, от которых остается впечатление, что их авторы, искренние в гневе против болезней старого мира, предлагают однако устарелые и негодные лекарства.

Так студент, искренний в стремлении «сделать революцию» вместе с рабочими и пришедший к воротам завода с длинным списком того что надо «ломать», но без всякой связной программы на будущее, не может найти общий язык с рабочими, слишком хорошо знающими как легко ломать, но как трудно создавать, не имея ясного «чертежа» будущего. То что обычно предлагается взамен одной дурно пахнущей общественной системы, слишком сильно отдает скверными запахами другой системы и боязнь вырвавшись из одной западни попасть в другую удерживает многих от революционной борьбы. Оппозиционные партии и группы, каждая со «своим» марксизмом (или «социализмом») остаются разделенными между собой и не находя ответа на беспокойные вопросы, не находят широкого отклика в массах.

Всякому здравомыслящему человеку и, тем более, искреннему марксисту ясно, что в марксизме не все положения вечны и абсолютны, что некоторые выводы могли быть неполны, другие ошибочны, третьи могли потерять со временем свою действенность. Оставаясь рабом этих положений, невозможно выйти из идеологического тупика, в котором находится левая оппозиция обеих систем, невозможно даже объяснить истинную природу современного... социализма (!), невозможно дать ответ на все наиболее важные вопросы, которые могут, по нашему мнению, встать перед теми, кто верит в необходимость и неизбежность изменения нынешних общественных систем.

Мы попытаемся ответить на эти вопросы и доказать притом, что общественная система будущего будет **принципиально** отличаться как от капитализма, так и от социализма, а не станет их «гибридом».

Как многие явления атомного мира можно было объяснить лишь после открытия основных элементов атома (электрона, протона, нейтрона) и их взаимосвязи, так для объяснения многих общественных явлений мы изучим главные элементы, из которых состоит общество, и их взаимоотношения. По ходу анализа нам придется пересмотреть и иногда подвергнуть критике некоторые укоренившиеся и, казалось бы бесспорные, понятия марксизма, ввести ряд новых терминов и развенчать ряд старых, утративших их первоначальный смысл, но продолжающих вводить в заблуждение миллионы людей. Краткая экскурсия в прошлое будет необходима для понимания настоящего и будущего. Ни одна революция не смогла полностью избавить людей от прошлого и мы осмелимся заявить, что не все из прошлого следует отбросить. Чтобы знать что отбросить, а что оставить и лелеять, что перестроить, а что построить заново, — нужно понять суть всего что унаследовано от прошлого и что мы несем в настоящем. Лишь ответив на вопросы «откуда мы пришли?» и «где мы находимся?», можно ответить на волнующий нас вопрос: «куда идти?».

Желая чтобы книга была доступна всем, даже совершенно не посвященным в тайны политической экономии, и с тем чтобы не раздувать книгу до неудобоваримых размеров, мы упростили и сократили рассмотрение некоторых явлений, более глубокое исследование которых потребовало бы специального труда.

Выводы, сделанные в этой книге, мы не рассматриваем как окончательные и неоспоримые, и вполне допускаем, что мы могли кое в чем ошибиться. Мы будем рады если нас исправят и рассматриваем эту книгу как приглашение к дискуссии. Если говорят, что в «спорах рождается истина», то мы добавим: «там где нет споров не может родиться истина». И мы благодарим наших идейных друзей и — еще больше — противников, в спорах с которыми родились многие идеи этой книги. Истинность этих идей будет проверена в дальнейших спорах и, главное, — **жизнью**.

Глава первая

«ПОЗАВЧЕРА» (ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ ПРИМИТИВНЫЙ ЭГАЛИТАРИЗМ)

	стр.
Стадо, элемент Т	9
Элемент М	9
Речь	10
Первое общество	11
Его формула и название	12
Противоречия	13
Зачатки рабства и эксплоатации	13
Начало отделения функции «решения» и функции «исполнения», господства и труда, труда и средств производства	14

Непосредственные предки человека были уже объединены в стада — без чего они не могли бы противостоять враждебным силам природы. Эти объединения еще нельзя назвать обществом, так как единственной связью между членами стада был общий страх перед опасностями и необходимость совместной защиты от них.

Человек начался лишь после того как появился труд. Мы не будем здесь снова доказывать, что труд создал человека, явившись началом и причиной его развития.

Труд состоит в подчинении и использовании предметов, сил природы человеку. Он требует предварительного изучения предмета или явления природы, освоения его особенностей и возможностей подчинить себе (то есть познания), и затем — сознательного действия над ним, чтобы использовать его свойства для заранее избранной цели (то есть труда).

Труд возник раньше орудий труда и раньше языка. Предок человека, таскающий камни чтобы прикрыть ими вход в свою пещеру для защиты от хищных зверей — уже труженик, хотя он еще не пользуется ни инструментами, ни речью.

Первым элементом, еще не составляющим общества, но необходимым для его создания, является трудящийся, т. е. человек, способный произвести и производящий полезные или целесообразные для него или для других людей превращения предметов и явлений. Это и будет наша первая элементарная частица, характеризующая человеческое общество, частица самая древняя и, как мы увидим, — вечная, ибо без труда никакое человеческое общество немыслимо. Для того, чтобы позже мочь построить «химические формулы» человеческих обществ, обозначим этот элемент буквой Т (трудящийся, по-французски travailleur).

❦

И вот этот первый труженик все чаще замечает, что его сила удваивается, если он берет в руку (или точнее — в лапу) предметы, удлиняющие или утяжеляющие ее. С того момента, когда он уже без удивления, а привычно,

уверенно, точно знает свойства и возможности использования предмета, взятого им в лапу (а точнее — уже в руку) для усиления ее, — с этого момента в руке у него — инструмент.

Параллельно он уже осваивает и материалы, их качества, сначала — дерево, камень и шкуру, позднее бронзу, железо — т. е. те материалы, из которых он вырабатывает первые орудия и предметы потребления.

Совокупность орудий и материалов обработки, в общем всех материальных условий производства — т. е. средства производства — это и есть вторая необходимая элементарная частица человеческого общества. Как общество не может существовать без труда, так и всякий рациональный труд немыслим без средств производства.

Обозначим эту новую элементарную частицу буквой М (от французского слова moyens — средства).

❦

Все большая глубина познания природы, все более сложные отношения к предметам, все более сложный труд — требуют все более многообразных форм общения с другими членами стада. Чтобы передать открытия, сделанные благодаря труду и орудиям — этому получеловеку уже недостает лишь двух или трех «нот», выражающих довольство или предупреждающих об опасности. Число «нот» растет, переходит в «гаммы», т. е. от звуков односложных он переходит к двух- трех- или и многосложным, к их сочетаниям, т. е. к фразам.

Это животное — трудящееся, пользующееся орудиями и говорящее — это и есть человек. С освоением речи он уже не просто животное, а высшее животное — homo sapiens — человек разумный.

Речь — элемент необходимый для становления человека, для его общения с другими людьми, она служит и в производстве и во внепроизводственных отношениях, и ее роль, как и соотношение с другими элементами человеческого общества не меняется с изменением этого общества. Это означает, что речь — элемент нейтральный, как бы «не принимающий участия в химической реакции», и он нам не сможет объяснить изменений в «формуле» общества. Поэтому мы оставим этот элемент филологам.

Но все же отдадим ему должное — с его появлением стадо человекообразных (группа, объединенная для совместной защиты и добычи пищи, но не способная изменить окружение, ни общаться между собой в широком смысле)

превращается в общество. Научившись в какой-то мере подчинять себе природу и предметы, полуобезьяна стала получеловеком, начав же говорить, она стала человеком, т. е. даже больше чем общественным животным (пчелы тоже общественные животные, но весь их язык ограничен несколькими сигналами), а именно — высшим животным.

❦

Итак, мы видим человечество разбитым на отдельные племена (наследство от прежних стад), иначе говоря — на общины.

Чем же характерно первое объединение людей — эта община? Это объединение людей совершенно равных, хотя и не одинаковых. Его черты:

а) совместный труд, обязательный для всех, но не равный — а по способностям (старики и дети работают меньше других),

б) совместное владение средствами производства — леса и земли нет нужды «делить» между членами общины, а орудия настолько примитивны, что каждый может их создать сам, и потому нет никакой нужды «присваивать» их себе,

в) справедливое распределение предметов потребления — справедливое, хотя и не равное — старики и дети получают меньше, но пропорционально их потребностям, а не труду (не путать с полным удовлетворением потребностей!).

Откуда такое высокое «понятие справедливости» у диких людей? Нет ничего более естественного. Если учесть, что они совместно делят все труды и опасности жизни, что они ежедневно «на своей шкуре» убеждаются, что без других членов племени они не выживут и месяца — их удивительная солидарность окажется простой жизненной необходимостью, а их чудесный альтруизм — единственным способом выжить.

Но равные никогда не одинаковы.

Загадка какого-то явления, или разрешение спора могут оказаться слишком трудными или же мнения равных могут разделиться — в таких случаях обращаются за советом к наиболее умному или опытному (что часто означает — к старейшему). Или если среди равных не найдется достаточно сильного, чтобы раздробить слишком твердый камень — тогда зовут наиболее сильного.

Так из равных постепенно выделяется наиболее сильный или (чаще) наиболее умный и, признанный первым

среди равных, он становится старейшиной племени. Он ничем, кроме почета и уважения, еще не владеет и он скорее судья или советник, чем вождь. Он избирается племенем и его права не могут передаваться по наследству, не только потому что ум не всегда переходит к детям, но по той простой причине, что в племени нельзя определить кто чей сын — ибо семья не существует, все племя — одна семья.

Все важные решения принимаются племенем сообща и те же, кто принял решение, его исполняют, т. е. функции «решение» и «исполнение» не разделены.

Итак, мы имеем перед собой общество, которое можно назвать коммунистическим (от слова «commune» — общее), т. е. такое, в котором все — общее и все равны. Его обычно так и называют — «примитивный коммунизм». Но слово «коммунизм» в наши времена настолько избито, затаскано, ему придают столько разных и противоречивых значений, что мы пока, до выяснения, оставим его в стороне.

❦

Попробуем выделить суть этого примитивного общества и, если возможно, составить его «химическую формулу».

Перед нами группа «трудящихся» (элемент Т) совместно и на равных правах владеющих совокупностью средств производства (элементом М).

Понятие «группа элементов Т объединенных правами собственности» условно обозначим — ТТ, понятие «совокупность средств производства в групповом владении» обозначим — ММ, а понятие «владение» (или в других случаях — «подчиненность» или «связь») — стрелкой.

Теперь можем представить «молекулярную формулу» этого первобытного общества так:

$$ТТ \rightarrow ММ$$

Как можно заметить, эта формула характерна не только как формула примитивного общества, но и как формула единственного вида собственности на средства производства, свойственной этому обществу (здесь мы не касаемся личной собственности, которая является собственностью на средства потребления, а не производства, о ней мы будем говорить ниже). Чтобы дать имя этой собственности, рассмотрим ее главные особенности. Вот они: независимость и равенство элементов Т и прямая их собственность над элементом М.

Из трех корней французских слов, которые напрашиваются — indépendent (независимый) égale (равный), directe (прямой) — выберем наиболее «послушное» и получим термин «эгалитаризм».

Чтобы подчеркнуть групповой характер собственности (ибо, как увидим, существуют и другие формы эгалитарной собственности), назовем эту именно форму групп-эгалитарной, а первобытное общество ей соответствующее — примитивным эгалитаризмом (чтобы не спутать с групповым эгалитаризмом будущего).

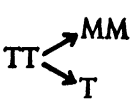
❦

Если внутри групп-эгалитарной общины нет никаких видимых противоречий, они существуют между отдельными общинами на почве взаимного оспаривания прав на «средства производства» — а именно на те из них, которые с трудом поддаются разделу — леса, пастбища, источники. И если индивидуальный эгоизм в общине находится в самых разумных границах (т. к. нет того что называют частной собственностью), то групповой эгоизм совершенно соразмерен со значением групповой собственности. Психика людей, групп и классов всегда зависит от господствующей формы собственности. Идут беспрерывные стычки, побоища, войны между племенами за «неоспоримые права» на территории.

Если в период, когда человек был лишь охотником и «искателем» пищи (т. е. когда собственно производства еще не было), противники просто убивались, то позже, когда человек стал приручать животных, засевать поля (т. е. когда труд стал «продуктивным») и когда у него появились запасы пищи, он начал брать противников в плен и «приручать», т. е. заставлять их работать, превратив в рабов.

❦

Вначале рабы принадлежали всей общине и формулу ее можно было бы представить таким образом:



(одно Т, т. к. рабы не объединены в группу никаким правом собственности).

Здесь еще члены общины остаются тружениками, но

община в целом становится собственником тружеников-рабов (собственником в абсолютном смысле — с правом на жизнь и смерть рабов).

Эта противоречивая ситуация неравенства не могла не разложить эгалитарную общину.

Раб только тогда рационален, если он производит больше чем «съедает», т. е. если он производит излишек, присваиваемый общиной. Явление, состоящее в том, что одни люди, тем или иным методом, заставляют других людей трудиться и затем присваивают часть продукта, вырабатываемого в процессе труда этими другими людьми, — это и называется эксплоатацией.

Ее можно измерить процентом отобранного продукта по отношению ко всему выработанному.

Изобретена эксплоатация, как видим, очень давно, она является следствием группового эгоизма, порожденного примитивным эгалитаризмом, и будет перенята, с еще большим «успехом», всеми последующими обществами, вплоть до наших дней.

Ввиду того, что при примитивном оружии и отсутствии государственной организации невозможно было удержать в повиновении большую массу рабов, их количество всегда было меньшим чем число членов общины, и значение рабского труда было второстепенным.

❦

Часть рабов обычно предназначалась для ухода за старейшиной как наиболее «ценной» и уважаемой персоной. В результате такого дара старейшина трудился меньше или вовсе переставал быть тружеником. Вместо независимых, хотя полных почтения, свободных членов общины — иметь перед собой покорных и безответных рабов и распоряжаться ими по своему усмотрению — такой была первая школа господства для старейшины.

Другой процесс предшествовал и сопутствовал рабству. Появлялись редкие материалы, более сложные орудия производства (например железный плуг), которые не могли быть распределены всем, и потому поручались старейшине как наиболее надежному хранителю.

С другой стороны появились излишки предметов потребления, ценности, которые тоже складывались у ног «первого среди равных» — то для хранения, то как дар за его заслуги, то как религиозные подношения (ибо старейшина часто был также жрецом).

Само по себе накопление этих ценностей не могло его сделать господином, эксплоататором, как, скажем, хозяин склада станков не может стать фабрикантом, не имея ни одного рабочего, тем более что старейшина был лишь «кладовщиком», а не хозяином. Но когда в его «хозяйстве» появились и рабы — все условия для того чтобы встать над общиной, стать господином, владельцем, эксплоататором — были налицо.

Община, допустившая «маленькое рабство», сама будет порабощена, ибо тот кто кует кандалы для другого, сам может в них оказаться.

Родился индивидуальный эгоизм во всей своей «красе». Человечество вступило в новую эру, эру неравенства, эру, в которой функции «труд» и «владение, управление» разделены.

Эру, в которой мы живем и которая кончится лишь тогда, когда эти функции воссоединятся.

Глава вторая

«ВЧЕРА»
(МОНОДОМИНИЗМ)

стр.

1) «Вчера утром» (рабовладельчество или тотальный монодоминизм) 17

2) «Вчера днем» (феодализм или полулиберальный монодоминизм) 36

3) «Вчера вечером» (монопатронализм или либеральный монодоминизм) 41

Глава вторая

Раздел первый

«ВЧЕРА УТРОМ»

(РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСТВО ИЛИ ТОТАЛЬНЫЙ МОНОДОМИНИЗМ)

	стр.
Становление рабовладельчества, рождение милитаризма	18
Элемент Д	19
Формула	20
Доминизм...	21
...Или частная собственность?	21
Радикальность перемены	22
Семья	22
Личная собственность	23
Государство	24
Две функции государства	25
Нации и национальности	27
Рынок, деньги	30
Раздробление общины, появление крестьянства, ремесла	31
Моноэгалитарная форма собственности, ее возникновение, формула и сфера деятельности	32
Положительная роль доминизма во времена его молодости	33

Как в насыщенном растворе кристаллизация начинается около какой-нибудь неоднородности, песчинки, так формирование индивидуальной собственности в общине началось вокруг ее «неоднородности» — старейшины. Вначале старейшина, не отделяясь от общины, все больше распоряжался порученными ему средствами производства и потребления, а также рабами, позже он стал выделять «его» рабов, а поля и скот, которыми они занимались, становились все больше «его» полями, «его» скотом и все реже старейшина спрашивал мнения общины. Так из старейшины — первого среди равных — он превращался в «вождя», стоящего над равными, в более «сильного», ибо опирающегося на значительные материальные и людские ресурсы.

Это не могло не вызвать разделения членов общины на послушных (или почуявших его силу) сторонников вождя и на сторонников «старых» эгалитарных методов. Результатом могла быть или полная «победа» сторонников вождя, с последующим полным ему подчинением и постепенным превращением большей части общины в рабов, или же раскол общины — т. е. отделение вождя с «его» рабами, полями, скотом и сторонниками.

Если в первом варианте община как таковая исчезала, то во втором она, ослабленная, все же сохранялась, соседствуя в постоянной борьбе за жизнь и земли с могучим соседом.

В обоих случаях часть сторонников вождя превращалась в вооруженных вассалов — новый атрибут ранее не существовавший, ибо в общине такой организации не было: там всякий боеспособный труженик становился воином лишь на время конфликта с соседней общиной.

Бывший старейшина, ставший рабовладельцем, не мог обойтись без такой специализированной военной организации, так как с тех пор как он **один** стал владеть множеством рабов и он **один** противостоял соседней общине, — с тех пор он не мог обойтись без такого «усилителя» его власти.

Отряд вассалов, эта постоянная военная сила, в пере-

рывах между «внешними» конфликтами занималась надзором над рабами, т. е. поддерживала «внутренний» порядок (который в общине поддерживался без посредства военной силы).

Если в соседней общине процесс раздела еще не дошел до критической точки, новоявленный господин с его военным отрядом мог помочь соседу, и во всяком случае служил ему примером.

❦

Чем же характерно новоиспеченное общество? Господин, отделившийся от общины — это уже не труженик. Главное, что его характеризует — это владение массой средств производства (элементом М) и владение (в данном случае прямое) тружениками (элементом Т).

Даже в случае если он и сам трудится, он вырабатывает лишь ничтожную часть нового продукта, тогда как большая часть вырабатывается подчиненными ему и лишенными средств производства тружениками (в данном случае они лишены и свободы, т. е. являются рабами). К тому же его характеризует и тот факт, что он присваивает выработанный «его» тружениками прибавочный продукт — т. е. эксплоатирует их. Его труд в таком случае — явление третьестепенное, вовсе не спасающее его от главного что его характеризует:

1) Он владеет средствами производства, над которыми трудятся другие (т. е. осуществляет нетрудовое право собственности, в той или иной форме), он ими управляет (средствами прямо, трудящимися прямо или косвенно) и он узурпирует право решений, право власти как в процессе производства, так и вне его — т. е. осуществляет функцию, которую одним словом можно назвать «доминацией», господством.
2) Он присваивает продукт труда (а точнее — часть прибавочной стоимости, подробнее выясним это ниже) других людей, которые трудятся над его средствами производства — т. е. осуществляет функцию, которая называется «эксплоатацией» (и которая не является просто «моральной» категорией, а может быть точно измерена в процентах отнятого продукта).

Как же его назвать: доминатор или эксплоататор? Как мы покажем ниже, в случае потери функции доминации, функция эксплоатации автоматически теряется, тогда как

даже будучи вынужден отказаться от функции эксплоатации, носитель этих функций не отказывается от доминации. Это значит, что функция доминации является первенствующей, ключевой, поэтому носителя ее, как и вытекающей из нее (хотя и не всегда) функции эксплоатации — назовем **доминатором,** форму собственности связанной с ним — **доминистской,** а общественный строй, в котором доминистская собственность играет главную роль — **доминизмом.**

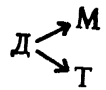
Обозначим этот новый элемент буквой Д (от французского dominateur). Он появился много позже чем человеческое общество, и не является необходимым для существования этого общества, в отличие от элементов Т и М. Однако он сыграл важную роль в целом ряде общественных систем и был необходим и неизбежен в течение целой исторической эпохи.

Избавиться от него — главная задача человечества нашего времени всюду там где этот элемент закончил свою роль мощного, хотя и зловонного мотора истории.

Здесь мы не преминем подчеркнуть, что понятия «доминатор» и «трудящиеся», которыми мы будем часто пользоваться в дальнейшем, являются не моральными, а конкретными экономическими категориями.

***

Формула рабовладельческого общества напрашивается сама собой:



или словами: доминатор в прямом единоличном владении средствами производства и трудящимися.

Часть этой формулы, а именно Д → М выражает единоличную собственность доминатора на средства производства, форму собственности, которую назовем **монодоминистской** («моно» — «один», чтобы подчеркнуть единоличный ее характер). Она означает также отделение труженика от владения средствами производства и переход силы, заключенной в этих средствах, к доминатору. Поэтому вопрос владения ими является ключевым в классовой борьбе.

Эта связь (Д → М) оказалась очень живучей и является основой формулы, тогда как связь «доминатор —

трудящийся» (Д → Т) претерпевала более быстрые изменения. Поэтому рабовладельческий строй, согласно нашей квалификации, мы окрестим: «монодоминизм с прямой собственностью на трудящегося» или, чтобы быть короче: «тотальный монодоминизм».

***

Итак, **под доминизмом вообще мы подразумеваем все разновидности общественных систем, в которых личности, группы или классы в целом, являясь собственниками средств производства, через их посредство и, опираясь на них, всеми иными путями осуществляют:**

1) **доминацию (господство) — как в процессе производства, так и вне его, узурпируя все права окончательного решения, и в результате также —**
2) **эксплоатацию, т. е. присвоение части не ими выработанной прибавочной стоимости,**

и то и другое — по отношению к другим личностям, группам или классам в целом, устраненным от права собственности на средства производства и от фактических прав решения социально важных вопросов как в процессе производства, так и вне его.

Какие формы принимал доминизм в разные эпохи и какие его формы дошли до нас и господствуют в разных странах — это будет предметом первой половины нашего исследования.

Без знания природы доминизма невозможно ни предвидеть будущее, ни, тем более, избежать возрождения доминизма в будущем, после его уничтожения.

***

Спрашивается, почему же вместо термина «доминизм» не применить привычный для всех термин «система частной собственности»?

Просто потому, что эти два понятия совершенно не идентичны. Как мы увидим, существуют частные формы собственности, не являющиеся доминистскими, и в то же время некоторые коллективные формы собственности основаны на доминации и эксплоатации.

К тому же мы рассматриваем доминизм как понятие выходящее за рамки собственности (хотя права собственности необходимы для осуществления доминации), так как

оно подразумевает господство и вне сферы производства, и даже когда это господство не связано с эксплоатацией.

Ошибка Маркса в том и заключается, что он, приняв свои чистые желания (пред которыми мы не можем не преклонить голову) за реальность ближайшего будущего, утверждал, что с исчезновением частной собственности придет царство труда. Он приписывал явление эксплоатации лишь частной собственности, а господство капитала (частный случай доминации) должно было рухнуть вместе с нею.

К сожалению, доминация и эксплуатация могут сохраниться и с исчезновением частной собственности и поэтому «царство труда» не наступает при наличии этих двух или даже одного из этих неприятных явлений. Это царство, которое человечество потеряло родив на свет этот навязчивый элемент Д, будет отзыскано лишь когда он будет похоронен.

❦

Изменение характера собственности при переходе от групп-эгалитаризма к монодоминизму было вдвойне радикальным. Собственность перестала быть как групповой, так и трудовой, и функции «владение и управление» отделились от функции труда, превратившись в доминацию.

Этот переворот вызвал к жизни целый ряд новых явлений и учреждений.

❦

В общине содержание и опека над детьми и беременными женщинами были обеспечены общиной в целом, имущество и орудия производства также служили всем и, не будучи разделены на отдельные «блоки», не могли служить центрами притяжения, вокруг которых община могла быть разделена. Отсюда — сексуальная свобода и отсутствие всякого разделения на семьи.

Но с момента, когда доминатор отделился от общины со «своими» полями, рабами, имуществом, со своей «кухней» — естественно, что за ним последовала одна или несколько женщин.

Мог ли он теперь «делить» своих женщин со своими подчиненными? Нет — по двум причинам: во-первых, он стоял уже «выше» и отдельно от других и, во-вторых — и что важнее — факт единоличного обладания обширными средствами производства ставил вопрос о их судьбе после его смерти. «Кому их передать?» этот вопрос был

бессмысленным в общине — там все дети, общие дети, вырастая, перенимали общее имущество.

Но доминатор, избравший «одиночество», должен был передать свое имущество «его» детям.

А чтобы знать, что дети его женщин — это исключительно «его» дети, он перестал «делить» с другими «его» женщин, т. е. сделал их своей исключительной собственностью.

Так возникла семья доминатора (обычно с несколькими женами), как результат отчуждения собственности на средства производства.

Позже, подорвав основу общины, ее групп-эгалитарную форму собственности и приведя к разделу земель, доминизм разделил и трудящихся друг от друга, разбил общий очаг на отдельные индивидуальные очаги, которые и стали основой моногамной семьи (здесь моногамия — результат равного раздела и бедности).

Следствия этого раздела, приведшие к распылению средств потребления (в особенности — жилища), привели к глубоким изменениям природы межполовых отношений, к изменениям, ставшим не только биологическими, но и экономическими, что в свою очередь наложило отпечаток на психику людей в вопросах межполовых отношений.

Хотя семья возникла благодаря возникновению доминистской собственности, она не исчезнет сразу же после уничтожения доминизма, так как это распыление, созданное им, сохранится надолго как в области материальной, так и в психике людей.

В человеческом обществе обычно последствия не исчезают сразу же с исчезновением вызвавшей их причины. Они обладают эффектом эха, долго еще звучащего после исчезновения вызвавшего его звука. Причина этого в том, что во многих явлениях есть своя рациональная сторона, сохраняющая свое положительное значение даже когда само явление отжило. В других случаях это может быть и укоренившееся отрицательное наследие, не исчезающее тотчас, но обреченное. Потому ни одна революция не является абсолютной. Поэтому также каждое последующее общество сохраняет некоторые черты предыдущего.

❦

С возникновением семьи выросло также значение личной собственности. В отличие от индивидуальной собст-

венности на средства производства это — собственность на средства потребления, т. е. на предметы, предназначенные для личного пользования, не служащие в производстве, т. е. в процессе создания прибавочной стоимости. Молоток, служащий в домашнем хозяйстве — средство потребления, тогда как такой же молоток на заводе, в руках слесаря — средство производства, ибо он служит для создания новой стоимости.

В общине личная стоимость ограничивалась лишь тем, что было индивидуально по своей натуре — т. е. одежда или обувь — по размеру, украшения — по вкусу, некоторые виды личного оружия — по привязанности и привычке. Все остальные предметы потребления (утварь, жилища строившиеся сообща и не становившиеся «личными») были групповыми.

С возникновением семьи все предметы потребления (прежде бывшие групповыми) делились и становились личными.

Но так как личная собственность это лишь результат производства, а ее распределение — следствие общественных отношений, а не активный элемент этих отношений — в формулу общества этот элемент не входит.

Эта форма собственности существовала, правда в примитивной форме, до появления доминизма и сохранится с его исчезновением, ибо связана не с ним, а с индивидуальными потребностями, особенностями и вкусами человека. Однако ее характер и методы распределения могут и должны измениться с тем, чтобы она служила человеку и прекратила быть добавочным средством его порабощения и единственной целью его труда.

❦

Как мы видели, доминатор-рабовладелец, чтобы держать своих рабов в повиновении и для охраны и расширения его собственности в борьбе с общиной, создал свою военную организацию.

Но и с нею он не мог быть совершенно спокоен. И тогда он стал искать поддержки рабовладельца-соседа, с которым ему нетрудно было найти общий язык. Заключив с ним договор о союзе и взаимной поддержке, он положил основу классового государства. Несколько таких договоров — и союз группы рабовладельцев заканчивается созданием первого микрогосударства, учреждением совместной военной силы, позволяющей всем отдельным чле-

нам союза уменьшить собственные отряды и за счет этого увеличить число рабов.

Для руководства этой силой бывшие старейшины (или уже их потомки) избирают старейшину, обычно владельца наиболее многочисленного военного отряда (что означает — самого богатого из них). От этого он становится еще сильнее и, с общей помощью, сможет покорить или заставить войти в их союз и других рабовладельцев, не желавших этого ранее. Эта же сила послужит для захвата общинных земель или для принуждения общин к уплате дани рабовладельцам (из-за этой дани оставлялись при жизни многие общины) или же для превращения непокорных общинников в рабов.

Итак, первое государство — от самого рождения — явно выраженный аппарат насилия одного класса над другим (а не вначале «слуга общества» — как утверждал Энгельс). Прямое владение рабами требовало также прямого и неприкрытого насилия.

Между рабовладельцем и рабом (как и между рабовладельцем и общиной) стоял явно и грубо — воин или надсмотрщик.

В дальнейшей истории эта грубая сила все больше маскировалась и упрятывалась за кулисами, все успешнее заменялась экономическим принуждением, но ее присутствие неизбежно, пока существует государство, основанное на доминизме (мы намеренно не говорим «классовое государство», ибо, как мы увидим, может существовать или точнее — будет существовать одна форма классового государства, лишенная доминизма).

❦

Это новорожденное государство вызывает к жизни новые требования. Для быстрого передвижения военных отрядов нужно прорубить дороги, для передачи известий или сигналов тревоги нужна система связи, для сбора дани с общин нужен «налоговый аппарат», для подавления грабежей и убийств индивидуального характера нужны особые небольшие военные отряды. Между отдельными государствами, границы которых неопределенны — возникают столкновения из-за права сбора дани с пограничной общины или (как когда-то между общинами) из-за пастбищ и лесов. Строятся оборонительные поселения (первые города — как центры обороны государства) и государство защищает тех, кого оно само угнетает (предусмотритель-

но не разоряя полностью) от добавочного и часто более беспощадного угнетения или даже полного разграбления и порабощения соседним государством (по сути дела защищая лишь свое право на доминацию).

Как мы видим, возникнув как аппарат чистого доминизма, государство осуществляет и некоторые функции в общих интересах (дороги, связь, защита от внешних врагов, от бандитов и т. п.).

Итак, у государства мы определяем две функции:

1) **Функция доминизма или политическая функция,** по-старому выражаясь — функция насилия одного класса над другим, что верно, но мы напоминаем, что не всегда наличие двух классов или двух систем собственности неизбежно рождает насилие, — лишь доминизм его рождает,
2) функция, служащая интересам общества в целом или **публичная функция.**

Функция доминизма в развитом государстве осуществляется методом экономического и психологического насилия (чему служит в огромной мере весь сложный производственный, финансовый, социальный аппарат, пресса и т. д.) или методом прямого насилия (юридический аппарат, тайная полиция, а в бурное время и армия).

Политика — это и есть теория и практика, имеющие отношение к функции доминизма. Поэтому те кто говорят: «политика — грязное дело», отчасти правы, но они забывают, что существует и политика, направленная против доминизма, которая гораздо чище, и потому те кто «не интересуются политикой», помогают господству доминизма.

Эта функция государства неизбежно исчезнет вместе с доминизмом и все учреждения, служившие лишь этой функции, исчезнут вместе с ней, тогда как другие учреждения останутся, но сохранят лишь ту часть деятельности, которая служила публичной функции.

А публичная функция (дороги, связь, здравоохранение, образование, защита от преступности и т. д.) останется, но методы ее разрешения, носившие классовый характер, также как и органы их олицетворяющие, видоизменятся. Хозяйственная координация, имевшая двоякий, как классовый, так и публичный характер, потеряет свою репрессивную, классовую сторону.

Государственный аппарат из главным образом репрессивного превратится в главным образом координационный,

но так же как семья, не исчезнет тотчас же с доминизмом (эффект эха) и даже сохранит некоторые репрессивные черты (противодействие индивидуальному криминализму, защита общественного здоровья и т. п.). Но когда тигр превращается в кошку, следует ли его попрежнему называть тигром? Развалины замка можно называть еще замком, но также и — руинами. Как назвать то что останется от когда-то грозного государства (грозен даже корень этого слова — «государь») — дело филологов. Мы бы его окрестили, скажем, конкордатом (соглашением) (зачем оставлять в исключительное пользование папе римскому такое милое слово?), так как оно было бы результатом первого действительно всеобщего (если не считать экс-доминаторов) соглашения и согласия.

❦

До появления доминизма общины жили обособленно, чаще избегая рискованного контакта с соседями, чем устанавливая его. Поэтому и язык общин совсем недалеких мог сильно отличаться, имея вместе с тем некоторый запас слов общих — результат редких контактов в пределах зоны, ограниченной естественными преградами (горами, водными рубежами, морем). При резких языковых отличиях люди анатомически ничем не отличались в пределах одной обширной климатической зоны, хотя между зонами с разным количеством лучей солнца в год и иными природными ресурсами, естественно менялся оттенок кожи и строение тела. Иначе говоря, расы, творение природы, существовали, но нации, этого абсурда, она выдумать не могла, ибо это противоречило бы всякой природе.

Это учреждение — дитя доминизма. Это он создал государство, как союз доминаторов, а его создание требовало выработки общего языка в его пределах, равно как и обособления «своих» подданных от «чужих» посредством границ.

Внутри государства обычно наиболее сильная группа навязывала другим свой язык и он постепенно распространялся в пределах этого государства, а часто вместе с новыми захватами экспортировался. Так язык (а заодно и религия) наиболее сильного государства становился господствующим в пределах определенной зоны влияния или захвата. Рабы изучали язык своих господ, слабые учили язык сильных. «Языкознание» насаждалось кнутом и мечом.

Нередко пределы государства совпадали с границами языка. Это единство людей, находящихся в тех же границах и говорящих тем же языком, и есть нация. Но так как границы были много подвижней чем распространение языка, то часто в пределах того же государства оказывались группы людей, говорящих на разных языках и эти группы, не имеющие своей отдельной государственности, можно определить как национальности, а государство их включающее становится многонациональным или же государством с национальным меньшинством.

Разграничение наций и национальностей, являясь в огромной степени функцией соотношения сил, вызвавших их к жизни, остается таким же расплывчатым и изменчивым, как и соотношение этих сил. В человеческой истории появлялись и бесследно исчезали, как мыльные пузыри, тысячи всевозможных наций и национальностей, и до сих пор принадлежность к той или иной нации часто неопределенна. Жители Эльзаса, к примеру становятся то немцами, то французами (принимая также и соответствующий язык, как национальный) в зависимости от того, какая из двух спорящих наций оказалась победительницей в очередной войне.

Но это искусственное разделение, результат войн между соперничающими группами доминаторов, стало источником всевозможных различий между нациями — языковых, культурных, экономических, религиозных и психологических. Эти различия впоследствии стали «оправданием» столкновений, истинной причиной которых всегда оставалось соперничество доминаторов, их алчность и ненасытность, а вечное раздувание этих различий провоцировалось и использовалось доминаторами для натравливания одних народов на другие и для прикрытия истинных и всегда грязных причин этих конфликтов. Все эти различия, не являясь классовыми различиями, сами по себе ни в коем случае не могли бы довести конфликт между двумя народами до военного столкновения. Единственный известный истории вид столкновения между трудящимися — это столкновения между полудикими эгалитарными общинами, но и то не из-за «различий», а по экономическим причинам (права на леса, источники и т. п.), причем лишь на уровне отдельных групп.

Во всяком случае бытовые, экономические, культурные, психологические и прочие различия между двумя рабочими двух стран гораздо меньше, чем между рабочим и доминатором той же самой страны (в этом случае можно

говорить лишь об их языковом и религиозном сходстве, совершенно не означающим ни тождества, ни близости).

Что же касается националистов всех стран, то смердят они совершенно одинаково, и при самом тщательном исследовании нам не удалось обнаружить никаких других различий между ними, кроме языковых.

Бесспорно ясно одно, что с исчезновением доминизма, этого постоянного источника национального эгоизма и, следовательно, военных столкновений — исчезнет всякое оправдание деления на нации, постепенно сотрутся границы одна за другой, смягчатся различия между нациями (и сейчас не такие большие как их раздувают), понятия расизма, национализма и шовинизма перейдут в разряд давно забытых и грязных слов, а с веками выработается и всеобщий язык человеческого рода — планетный язык (запас слов, совместных для многих языков уже сейчас беспрерывно увеличивается). В этой области однако эффект эха может оказаться особенно долгим. Исчезновение различий между нациями и полное их слияние возможно лишь между теми нациями, в которых общественный строй одинаково недоминистского типа и если они находятся на сравнимой степени развития. Процесс этот потребует много терпения и альтруизма, особенно со стороны развитых наций. Он совершенно не отрицает сохранения некоторых местных особенностей, традиций и даже местного языка (который может спокойно существовать наряду с планетным), — т. е. таких различий, которые не создают неравенства и не противоречат единству.

Что же касается расовых различий, то после осуществления равного развития всех континентов, расовое неравенство (мы говорим о фактическом неравенстве в развитии экономики и культуры) исчезнет, и эти различия сведутся к тому, чем они были на заре человечества — к разнице в степени «загара».

Ибо существует лишь одна раса, низшая по природе, чем другие и достойная самой глубокой ненависти — это «раса» расистов.

Если учесть что межнациональные войны (являясь следствием классового неравенства) были гораздо кровопролитнее чем классовая борьба внутри государства, мы можем утверждать, что нация была наиболее кровожадным из исчадий доминизма. И не будем жалеть, если оно исчезнет.

❋

Для удовлетворения своих примитивных потребностей община могла производить все, что ей было нужно, и не производила больше того, что ей было нужно. Весь прибавочный продукт распределялся в общине и потреблялся.

Доминатор же, отнимая у всей массы его рабов прибавочный продукт их труда, не мог его потребить весь, рабам же отдавалась лишь малая часть этого продукта. Даже при более низкой, по сравнению с общиной, производительности труда рабов, за счет ограничения их потребления доминатору оставались излишки (по принципу — с бедных по нитке, богатому на рубаху). Естественно, он эти излишки не выбрасывал, а старался обменять на полезные предметы, которых его хозяйство не производило, или же на украшения и другие редкие, хотя и бесполезные предметы.

Этот обмен мог быть сделан с соседом или, еще лучше, — там где можно было встретить многих и, следовательно, выбор был богаче — т. е. в городе. Когда обмен стал регулярным, в городе выделилось место встреч для обмена — рынок. Один привозил горшки, другой мешки с зерном, третий — украшения из редких материалов. Тот кто привозил для обмена горшки не обязательно нуждался в зерне, и наоборот, но так как редкие украшения интересовали всех, то было замечено, что обладая ими, можно заполучить любой другой товар. Сама редкость материала уже составляла ценность сделанного из него предмета. В одних странах этими предметами были редкие камни, в других — шкурки редких зверей, в третьих — слитки редких металлов. Эти предметы и стали первыми деньгами. Тот кто привозил горшки обменивал их на количество денег, пропорциональное труду, вложенному в изготовление горшков (т. е. **продавал** товар) а потом обменивал деньги на любой нужный ему предмет и в той же пропорции (т. е. **покупал**).

Но... остановившись в полпути он мог деньги также сохранить, не обменяв, т. е. не покупая. Тогда обладатель денег сохранял их потенциальную силу, мог эту «силу» накопить и использовать ее в любой момент и в желаемой пропорции. За эти деньги с их потенциальной силой, он мог приобрести любой продукт труда, мог купить рабов, инструменты и... делать новые горшки, продавать их и накоплять еще больше этой потенциальной силы, дающей такие широкие возможности.

Так деньги, являвшиеся вначале лишь «концентратом»

труда и средством товарообмена (функции безобидные, которые могут спасти жизнь деньгам и после смерти доминизма), стали как бы целью производства.

Доминизм родился из двух человеческих черт: из властолюбия (принцип самосохранения — требующий быть сильнее других, чтобы сохраниться, — в человеческом обществе это означало: властвовать над другими), и лени (принцип экономии энергии — согласно ему человек заставляет других трудиться на него, вместо него). Изучить человеческий характер — это задача психологов, мы же здесь изучаем обстоятельства и условия, благоприятствующие процветанию тех или иных его черт, возникновению группировок и их взаимоотношениям, ибо в конечном счете это определяет структуру общества, а место человека в этой структуре формирует его психику.

Как мы видели, определенные обстоятельства позволили этим чертам «освободиться», расцвести в определенной категории людей, родился доминизм, он создал товарообмен, а из него возникли деньги. И неожиданно эти деньги стали наилучшим выражением этих черт — властолюбия и лени («в деньгах — власть, в них сила, с помощью которой можно других покорить и заставить работать вместо меня, для меня!»). Тогда к этим чертам прибавилась алчность, которая даже заслонила лень. Ради денег доминатор мог проявить бездну энергии, но не в труде, а в лучшей организации труда его рабов и товарообмена.

Колесо истории завертелось быстрее.

❦

Община не могла не поддаться влиянию более живого, кипящего внешнего мира. Пример доминатора, возможности рынка и сила денег — все это подсказывало членам общины, что и они могут «подняться», — возможность, которую община, не создававшая излишков, не могла дать.

Некоторые общинники стали покидать общину (если еще не были согнаны с земли доминатором), и шли в город «пытать счастья», другие потребовали раздела общинных земель, надеясь на своем участке суметь выкроить это «счастье» — т. е. излишки, необходимые для товарообмена. Обычно община не разваливалась полностью, — некоторая часть земель оставлялась для общинных нужд (общинная земля, на которой все работали сообща) — главным образом для оплаты дани соседнему доминатору

и государству, остальные же земли делились поровну (между мужчинами) и обрабатывались порознь — каждый на своем участке (этот-то раздел и привел к разделению большой общинной семьи на отдельные моногамные семьи).

Так появился крестьянин-труженик, владеющий единолично средствами производства, из которых главное — земля.

Что же случилось с его собратом, отправившимся в город?

Первые специализированные работники были рабами в поместьи доминатора. Но когда доминатор отправлялся в город, он оставался без своих специалистов и там, в городе, (или в дороге), у него могла возникнуть нужда в специалисте — в шорнике, кузнеце, тележном или оружейном мастере. К тому же и город имел свои собственные нужды. Так в городе (или на пересечениях дорог) появились первые ремесленники из числа «вольных», бывших членов общины. Эти свободные ремесленники, обзаведясь нужным инструментом и материалом, становились, как и крестьяне, единоличными тружениками — собственниками средств производства (но в их случае не земля, а инструменты были главным средством производства).

❦

Итак, эти две категории, крестьяне и ремесленники («сельская» и «городская»), родившиеся из распада общины под ударами доминизма, представляли собой уже новую, не существовавшую ранее форму собственности.

Формулу этой собственности можно представить так:

$$Т \rightarrow М$$

Элемент Д в ней не участвует, и так же как и в формуле групп-эгалитарной собственности ($ТТ \rightarrow ММ$) здесь труженик является собственником средств производства (но единоличным, частным, как доминатор), и он, в принципе, хотя не всегда на деле, не подвержен доминации и эксплоатации. По аналогии с групп-эгалитарной назовем эту форму собственности моноэгалитарной («моно» — потому что единоличная, и «эгалитарная» потому что труженик не подвержен доминации).

Позиция моноэгалитариста двоякая. Он, безусловно, труженик, но «преуспев», он может легко превратиться в доминатора. Если же он «проигрывает» — он превращается в трудящегося без средств производства — в раба или наемного рабочего. Будучи постоянно тесним доминатором и государством (с помощью налогов), моноэгалитарист

может стать союзником обездоленных, в условиях же процветания он переходит в другой лагерь.

Возникнув, эта форма собственности уже никогда не исчезала, но ни в одном обществе не могла стать главной, ибо она связана с примитивным производством, не требующим ни большого количества средств производства (лишь столько, сколько может обслужить сам ремесленник или крестьянин и его семья), ни числа рабочих, превышающего число членов семьи. Если моноэгалитарист выходил за эти пределы, то есть если он нанимал работников — он превращался в доминатора, срочно покидая узкие, начинавшие трещать по швам одежды моноэгалитариста.

Таким образом, моноэгалитарная форма собственности, по самой своей хилой природе, должна была довольствоваться теми видами производства, в которые еще не соизволила вторгнуться или которые еще не полностью завоевала доминистская форма собственности. Развитие техники сужает сферу, где примитивный труд остается рационален. В отраслях производства, где механизация или просто рационализация затруднительна (починки бытовых приборов, к примеру), или в артистических ремеслах, или в сфере обслуживания где необходим индивидуальный подход (парикмахерские, пошив одежды по мерке) — в них моноэгалитарист-труженик все еще находит себе место.

Если предположить, что рационализация всегда будет оставлять «мертвые зоны» — эта форма собственности не исчезнет полностью, но ее отмирание неизбежно. Смерть доминизма не остановит это отмирание, но сделает его безболезненным, таким, при котором моноэгалитарист не раздавливается рационализацией, а приобщается к ней в той или иной форме.

❦

Итак, уже в начальной стадии доминизм породил ряд новых учреждений и явлений, которые в общих чертах сохранились до наших дней, что вполне естественно — ибо доминизм все еще жив, хотя в других формах.

Как же оценить его значение?

Родившись как продукт индивидуального эгоизма, породив войны, угнетение, неравенство, эксплоатацию, он сыграл и положительную роль.

Доминизм разбил изолированность общины, вызвав обмен всякого рода (и наиболее важный вначале — обмен знаниями) между общинами, группами, районами, стра-

нами, соединил их путями сообщения, системой связи, создал и другие общие функции.

Доминатор, стаскивая вокруг себя скудные богатства, которыми обладало человечество, создавал островки изобилия и досуга, в которых могли развиваться искусство и науки. Он породил и специализацию, распределив между работниками обязанности и создав новые потребности. А работник, не имеющий других обязанностей чем, скажем, производство телег, не мог не усовершенствовать телегу и методы ее производства в сравнительно короткий период. А иной тележный мастер начинал исследовать механику движения, превращаясь в ученого. Звездочет, единственной обязанностью которого было угадывать судьбу своего хозяина по звездам — неизбежно становился астрономом. Тому кто имел способности в рисунке поручалось исключительно украшение жилища доминатора, это украшательство становилось ремеслом (требующим лишь знания «техники») или искусством (что равносильно ремеслу плюс вдохновение). Наука и искусство, эти приемные дети доминизма (родившиеся еще в общине, но остававшиеся в ней в чахлом состоянии из-за нехватки времени и материальных условий у их «родителей»), при нем окрепли, расцвели и ныне уже не нуждаются в покровительстве доминаторов, ибо общество в целом взяло на себя заботу о них. И они служат, хотя не в равной степени, и доминаторам и трудящимся, но отчасти служат также и оружием доминаторов против трудящихся — роль, освободившись от которой они очистятся и их расцвет будет еще большим.

Те кто видит лишь репрессивную сторону культуры (под культурой мы понимаем совокупность науки и искусства) — такие же слепцы как и те кто этой роли не замечает, видя лишь ее общечеловеческие проявления. Будем надеяться, что найдется мало неразумных, требующих уничтожения скульптур Микельанджело под тем предлогом, что они почти все — на религиозные темы (а религия, безусловно, всегда служила доминаторам), не видя, что они — одно из высших проявлений величия и красоты человека. Отбросить всю «буржуазную» культуру без разбора, было бы таким же варварством, как, скажем, сжечь заводы потому что они «капиталистические». Первое привело бы к нищете духовной, второе — к нищете материальной.

Доминизм позволил также концентрацию значительных людских и материальных ресурсов для постройки та-

ких сооружений, о которых община не могла мечтать — ирригационных систем, каналов, монументальных общественных зданий и, наконец, городов как центров управления и обороны государства. То есть труд стал эффективнее (хотя не всегда — производительнее).

Одним словом, доминизм явился довольно сильным двигателем прогресса, несмотря на реки крови и слез пролитые им.

Всегда ли прогресс будет напоминать продвижение вперед группы из двух людей, из которых один сидит на шее у другого? Мы верим, что не всегда. Все меняется и ничто не вечно. Этот «союз всадника с лошадью» также не вечен, ибо «лошадь» становится все сильнее и разумнее, все меньше нуждается во «всаднике» и однажды она, сбросив его со спины, пойдет облегченно своей дорогой.

Когда трудящиеся поймут, что они уже могут идти без этой ноши на спине, когда они научатся сами выбирать дорогу — придет конец доминизму. И конец этот близок.

Некоторые пессимисты могут не согласиться, утверждая, что разделение человеческого рода на два вида, на доминаторов и трудящихся, из которых первый ведет паразитический образ жизни за счет второго, — вечно. Это совершенно неверно. Человек существует уже много сотен тысяч лет, а доминизм появился лишь десять-двадцать тысяч лет тому назад и уже сегодня видны все признаки его издыхания. Следовательно, это не явление «вечное», биологическое, а социальное и временное, некая «детская болезнь» человечества, излечение от которой неминуемо.

Сегодня, когда пишутся эти строки, в мире нет еще такой страны, где бы не господствовал доминизм в том или ином виде. Говоря это мы забегаем вперед, но мы делаем это намеренно, чтобы читатель, знакомясь с последующими страницами, не относил «плохие» явления только к той современной общественной системе, которой он не симпатизирует.

Глава вторая

Раздел второй

«ВЧЕРА ДНЕМ»

(ФЕОДАЛИЗМ ИЛИ ПОЛУЛИБЕРАЛЬНЫЙ МОНОДОМИНИЗМ)

Наемный труд, крепостные, аренда, феодализм 37
Формула 38
Королевства, войны 38
Развитие товарообмена, расцвет городов и ремесла 39
Переход доминизма в сферу ремесла и изменение его сущности 40

Тотальный монодоминизм, т. е. рабовладельческий строй, настолько изменил мир, что пришло время и ему меняться, приспосабливаться к этому новому, им же созданному миру.

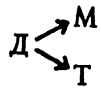
В некоторых случаях (к примеру во время уборки урожая) доминатор был вынужден прибегать к помощи соседней общины, нанимая ее членов за определенную оплату — продуктами или деньгами. Производительность этих наемных работников, в определенной степени заинтересованных в результате труда (оплата зависела от выработки), а также в сохранении работы (дававшей добавочные, а в случае найма безземельного работника и единственные средства существования) была несомненно выше, чем производительность труда раба, в любом случае получавшего лишь минимум еды и одежды, и не боявшегося «потерять работу».

Наемный труд стал постепенно вытеснять рабский. Профессия безземельного наемного батрака стала узаконенной, а крестьянин, выделившийся из общины, «подрабатывал» в хозяйстве доминатора.

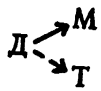
Что же случилось с рабами? Доминатор стал сдавать участки земли с орудиями производства своему же рабу, с условием что он будет отдавать определенную часть выработанного продукта владельцу земли. Раб, оставаясь попрежнему лишенным собственности, стал полусвободным тружеником, ибо надсмотрщик уже был ненужен, так как раб стал заинтересован в результатах труда. Но он был лишен права покинуть хозяина, и права этого он лишался с помощью прямого насилия — удравший раб, будучи пойман, сурово наказывался или даже бывал убит. Так возникли крепостные и аренда.

Часть земли доминатор оставлял при себе и крепостные, помимо арендной платы, должны были отрабатывать определенное время на землях доминатора. Такой доминатор называется феодалом, а общество — феодальным.

В принципе формула, характеризовавшая рабовладельческий строй:



и здесь остается в силе, с той разницей что связь Д → Т несколько ослабилась, хотя связь Д → М полностью сохранилась. Так что феодальный строй можно назвать монодоминизмом с неполной собственностью на трудящихся, или полулиберальным монодоминизмом, а представив ослабление связи Д → Т прерывистой линией получим формулу:



Это частичное «освобождение» труда, кроме всего, послужило толчком к рождению и быстрому распространению христианства, так же как позже «полное» освобождение труда породило Декларации прав человека, довольно сходные в разных странах, а также — атеизм. В обоих случаях некоторый прогресс в области отношений «доминатор — трудящийся» сопровождался потоком торжественных и благонамеренных слов, прикрывавших не слишком благовидную действительность, главной чертой которой оставалась ничем ненарушенная связь Д → М, основа доминизма.

❦

Моногамная семья для бедных была узаконена религией, доминатор же (феодал в данном случае), формально соблюдая «приличия», по-прежнему обладал в этой области широкими правами.

Государства слабые стирались с карты, а сильные все укреплялись. Нации стали многочисленнее и стабилизировались географически.

В принципе, глава государства, объединявшего множество более или менее крупных феодальных владений, избирался феодалами. Обычно выбирался самый богатый или тот чье войско было наиболее сильным (что на деле одно и то же), ибо избирать более слабого было бессмысленно — все равно более сильный сбросит слабого. Став главой государства, королем, он еще больше укреплял свою власть и тогда уже никто и ничто не могло его убрать. Естественно, такой глава государства не хотел уже пере-

давать свою власть никому, кроме как своему наследнику — вместе со всем имуществом. Он навязывал права наследства короны, а феодалам ничего не оставалось, как эти права узаконить, ибо закон — это право сильного, свод его желаний и запретов, им установлен и ни в чем его не обязывает, кроме соблюдения видимости будто он и сам подчинен закону (отметим, что позднее появились и законы — уступки силе трудящихся).

Наследственные династии существовали и до феодализма, но стали повсеместными лишь с увеличением размеров государства, а с ними еще большего усиления мощи короля, ставшего незыблемым. Но ни узаконение этих прав, ни освящение их услужливой религией не могли остановить бесконечные интриги, убийства, отравления, заговоры, войны за «корону», а точнее за все богатства и привилегии с нею связанные.

В обществе, основанном на доминации, в среде самих доминаторов невозможно равенство, как в среде мошенников не может царить честность. Если взять в руки любой учебник истории — почти все его содержание сводится к описанию этой грязной борьбы за право доминации между доминаторами того же государства или разных государств, борьбы, которая тотчас прекращалась и превращалась в священный союз в случае угрозы их классовой доминации со стороны трудящихся.

Война по своей сути (она всегда, по крайней мере с одной стороны, ведется за право доминации), неразрывно связана с доминизмом, а не с частной собственностью, как утверждают догматики марксизма. И только с доминизмом исчезнет. Кстати, к догматикам марксизма мы никак не причисляем самого Маркса, гениально и предусмотрительно заявившего: «Несомненно одно, — я не марксист». Для нас несомненно также и другое, — что Маркс был ревизионистом марксизма от самого его, Маркса, рождения и до самой смерти. Нет ничего глупее и несовместимей с учением Маркса, чем догматик, утверждающий: «Все течет, все изменяется, кроме... марксизма».

❦

Частичное «освобождение» трудящихся увеличило производительность труда, с нею увеличился объем товарных излишков, а с ними — товарообмен.

Развитие товарообмена неизбежно привело к расцвету и размножению городов, — уже не обязательно в качестве центра государства и главной его крепости, но, главным образом, как товарообменного пункта. А с городами раз-

вивалось, специализировалось, совершенствовалось ремесло, потребность в котором беспрерывно росла.

Так как примитивность необходимых средств производства давала доступ к ремеслу почти любому из свободных выходцев из общины (несколько простых инструментов и несложная наука были достаточны, чтобы стать ремесленником), то не было никакой необходимости наниматься к «мастеру» дольше, чем на период «науки», после чего подмастерье становился «самостоятельным». Поэтому вначале увеличение спроса вызывало лишь рост числа ремесленников, а моноэгалитарная форма собственности сохранялась.

❦

Но так было лишь вначале. Увеличенный товарооборот требовал все более сложных транспортных средств (все крупнее нужны были корабли, все сложнее повозки). С ростом государств в войнах принимали участие все большие массы войск, и армия заказывала все более тяжелое и сложное вооружение. Начало применения пороха произвело скачок в области производства оружия. Для отливки пушек уже не было достаточно ремесленника-одиночки с его примитивными инструментами. Чтобы стать ремесленником уже требовались средства производства значительные, да и знания посложнее. Подмастерье-ученик уже не мог превратиться в самостоятельного мастера, даже если его знания были достаточны. Из его скудной оплаты он не мог выделить значительные средства, нужные для открытия «дела», его надежды таяли и он оставался наемным рабочим навсегда.

Мастер же, с усложнением заказов нанимал все новых «учеников», как они тогда назывались, ибо они обладали еще иллюзиями. Фактически это уже были наемные рабочие (т. е. «ученики», лишенные всяких иллюзий стать моноэгалитарными собственниками), а «мастер» уже стал доминатором. Средневековые цеха, бывшие вначале профессиональным объединением моноэгалитаристов (т. е. собственников-тружеников), превращались в союзы доминаторов против их наемных рабочих. Ремесло начало превращаться в промышленность.

Так частичное освобождение труда в доминистском обществе, стимулировав развитие товарооборота и техники, привело к тому, что доминизм перекочевал также и в область ремесла.

Но он не только перекочевал, но и изменился.

❦

Глава вторая

Раздел третий

«ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ»

(МОНОПАТРОНАЛИЗМ ИЛИ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ МОНОДОМИНИЗМ)

Новая сущность отношений «доминатор — трудящийся» 43

Формула, название 43

Конфликт с феодализмом, победы буржуазии — городских патронов 44

Превращение феодалов в сельских патронов 47

Новый хозяин государства 48

Вступление к прибавочной стоимости 49

Пример — завод и состав его персонала . . . 49

Как создается прибавочная стоимость 50

Коэффициент ее плотности, «идеальный патрон» и «идеальное» распределение прибавочной стоимости 51

Реальность и эксплоатация 55

«Честно» заработанное 56

Степень эксплоатации и иерархическая лестница 57

Зарплата и прибыль 58

Соотношение «прибавочная стоимость — капитальные затраты» 60

Постоянство степени эксплоатации, капитальные затраты, бюджет и национальный годовой продукт 60

Максимальная прибавка зарплаты или максимальное сокращение продолжительности рабочего дня 62

Через год 63

Девальвация и кризисные тенденции 64

Зачем революция? 65

Цена 1 часа труда 67

Стоимость рабочей силы — ошибка Маркса. Соотношение сил 71
Коммерческая прибавочная стоимость, товарооборот 76
«Опасности» роста зарплаты 81
Использование прибыли 82
«Плохой» завод, национализация или продажа 85
Завод «выше среднего» 88
Концентрация и соперничество патронов . . . 89
Соперничество между нациями 90
Маркс, предвидения и наши задачи 92

Разница между «сельской» и «городской» доминистской формой собственности была немалой. Если раньше «ученика» удерживали на работе его надежды научившись, стать мастером, то и позже, когда он терял иллюзии, его не нужно было держать силой, превратив в раба. Ему некуда было уйти. От земли он оторвался, а в городе он мог поступить лишь к другому мастеру, отчего его положение вовсе не менялось. Он не мог «перепрыгнуть» барьер средств производства, ставший более высоким в промышленности, чем в сельском хозяйстве.

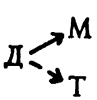
Крестьянин, если бы его не удерживали силой, мог бы уйти, найти свободные земли, в те времена еще существовавшие, поселиться на них и преспокойно работать сам на себя. Рабочего же просто незачем было держать силой. Боясь потерять заработок, единственное его средство пропитания, он работал лучше именно оставаясь «свободным», ибо его добровольный наем давал хозяину также право увольнения рабочего — угроза, действовавшая лучше чем кнут надсмотрщика.

Так что мы видим, что постепенное «освобождение» труда было результатом вовсе не увеличившегося «добросердечия» доминаторов, а вызывалось причинами чисто экономическими: во-первых, «свободный» труд производительней, благодаря его «заинтересованности» или страху потери заработка; во-вторых, с усложнением средств производства даже «освобожденный» трудящийся никуда не мог уйти от доминатора.

❦

Мы знаем две формулы монодоминистской собственности:

т. е. с полным рабовладельческим владением трудящимися, и



т. е. с неполным феодальным владением трудящимися.

В новой, «городской» форме собственности часть Д → М осталась нетронутой, элемент Т, «освободившись» оторвался от элемента Д (собственность на трудящегося исчезла), но остается с ним фактически связанным через посредство элемента М (т. е. средств производства).

Тогда формула этой новой формы примет вид:

Д → М → Т

Итак, это монодоминистская форма собственности без владения трудящимися или с «освобожденным» трудом, для краткости — либеральная монодоминистская форма.

Она обычно называется капиталистической. Название это совершенно неточно. Понятие «капитал» означает сумму средств производства, служащую для производства прибавочной стоимости, и оно вовсе не связано лишь с «капитализмом». Капитал существовал и до «капитализма», существует и в «социализме» и не исчезнет после них.

Весь вопрос заключается в том, кто капиталом владеет — рабовладелец, феодал, владелец завода, акционеры, целый класс, называющий себя «слугой народа», или же коллектив трудящихся без всяких других владельцев. Всех этих владельцев капитала можно бы назвать «капиталистами», но мы сейчас рассматриваем лишь случай собственности, соответствующей единоличному владельцу капитала, не имеющему собственности на трудящихся. Из приведенных здесь случаев под эту формулировку подходит лишь владелец завода или «патрон», как его называют в западных странах.

Поэтому такую форму собственности мы назовем **монопатроналистской,** а общественный строй, в котором такая форма собственности преобладает — **монопатронализмом** («моно» — чтобы подчеркнуть что патрон единоличный собственник, так как позже мы увидим, что могут существовать и группы объединенных патронов).

Итак, либеральный монодоминизм мы добавочно окрестили монопатронализмом — согласно классификации по названию владельца капитала (тогда как первая классификация ведется по формуле и ее элементам).

❦

Фигурально выражаясь, семена патроналистской формы собственности, брошенные в плодородную почву усиленного товарообмена, начали буйно прорастать. Увеличенный спрос быстро превратил небольшие мастерские в

мануфактуры, в корабельные верфи, плавильные и оружейные цеха. Вместе с ними росла и масса наемных работников, из которой формировалась новая социальная сила — рабочий класс.

Во многих отраслях производства мелкие моноэгалитарные мастерские начали вытесняться более сильными, более производительными предприятиями монодоминистского типа, а разоренные (или соблазненные более высокими заработками) ремесленники пополняли ряды рабочего класса.

Но все городские ресурсы рабочей силы были уже недостаточны для буйно растущей промышленности. Немногочисленные свободные крестьяне, превращавшиеся в рабочих навсегда или лишь сезонно (зимой), также не могли удовлетворить все растущих запросов.

Вся огромная масса людских ресурсов оставалась привязанной к земле крепостническим феодализмом.

Поэтому новый класс, монодоминаторы-патроны (а в данном случае их городская разновидность — буржуазия) начали революционную борьбу с монодоминаторами-феодалами за «освобождение» трудящихся. На их стороне были как крепостные, никогда полностью не прекращавшие борьбы с феодалами, так и рабочие, которых не могли не привлечь пышные лозунги свободы, равенства и братства.

Союз этот был достаточно силен, чтобы победить там, где буржуазия была крепкой и где она больше всего нуждалась в рабочей силе.

Первой, еще в 17-ом веке, смела остатки феодализма Англия — ее географическая изолированность требовала значительного морского флота, значит и крупных верфей, развитого парусного, канатного, текстильного, пушечного производства — следовательно, и многочисленного рабочего класса.

Эта мера удвоила силу Англии, укрепив ее позиции первой державы мира. Ее корабли бороздили все океаны, ее люди открывали новые земли, новые источники товаров — полученных в «обмен» или в результате прямого грабежа. Из реестра этих экзотических товаров «свободолюбивые» английские доминаторы не исключали и... рабов.

Крики доминаторов о свободе не мешали им же вести работорговлю, наоборот, — крики эти заглушали звон денег, получаемых за эту гнусную торговлю (к счастью, деньги не пахнут и доминаторам не приходится выливать парфюмерные реки, чтобы заглушить их зловоние).

Другие страны бросились догонять слишком преуспевшую Англию, сумевшую сколотить Британскую империю. Империализм, т. е. доминация одной нации над другими — изобрели не британские доминаторы, но это их, доведших ее до планетных масштабов, нужно благодарить за введение этого слова во все языки мира.

С большим шумом, после кровавой и, безусловно, Великой Революции, но лишь в конце 18-го века объявила свою Декларацию прав человека Франция. Характерно для доминизма то, что объявление «свободы, равенства и братства» во Франции вовсе не сделало из Англии и Франции «братьев» по идеям, а лишь, усилив Францию, усилило и ее соперничество с Англией.

Французская буржуазия сначала, вместе с трудящимся людом, нарубила немало феодальных голов, после чего, отрубив головы и части своих, слишком буквально понявших красивые лозунги союзников из «плебса», прикончила демократию «черни» и установила свой порядок, олицетворением которого стал Наполеон, император. Он твердой рукой укрепил новый патроналистский (буржуазный) порядок и, опираясь на остатки энтузиазма трудящихся, начал распространять по Европе этот новый порядок, заодно устанавливая повсюду французскую доминацию. Но он не мог ввести этот порядок силой в странах, где не было экономических основ для его введения и где феодализм вовсе еще не был при издыхании. К тому же доминатор, даже приходя как освободитель, не может не стать нежелательным оккупантом. Даже освободив, он не уходит пока его не выгонят, выбросив вслед потускневший ореол освободителя. Поэтому Наполеон потерпел военное поражение.

Священный союз буржуазной Англии со всей феодальной Европой «победил». Но рана, нанесенная феодализму, была смертельной. Буржуазия не была скинута со стула, а лишь вынуждена была временно потесниться, уступив краешек его тому что осталось от аристократии. В 1830 году и эти остатки полетели в мусорный ящик истории.

Европейские страны одна за другой освобождали своих крепостных. Последней, лишь в 1861 г., это сделала Россия. Последствия такого опоздания всем известны.

Характерна война промышленного Севера с рабовладельческим Югом в США в 1861-65 г.г. за освобождение рабов — война, в химически чистом виде, за рабочую силу для промышленности. Эта страна, бывшая со времен ее открытия европейцами в особенно выгодных условиях, за

несколько сотен лет прошла все этапы, которые в других странах длились тысячелетиями.

❦

Освобождение крестьян привело к глубоким изменениям в сельском хозяйстве. Феодалы превратились в землевладельцев-патронов, владеющих лишь средствами производства, но не рабочей силой. Крестьяне начали массами уходить в город, надеясь там заработать на покупку собственной земли, — что и требовалось городским патронам.

Чтобы удержать рабочую силу землевладельцы вынуждены были увеличить плату за труд, а с ростом цены труда должны были относиться к нему бережнее, т. е. увеличить его продуктивность — ввести механизацию, рационализацию.

Плохоорганизованное монодоминистское хозяйство уже не могло выжить, замкнувшись в себе, ибо чтобы оплатить наемный труд оно было обязано продавать и, следовательно, было подвержено законам рынка — его ценам, его конкуренции.

Некоторые из крестьян, применив методы их же бывших господ, преуспевали лучше своих «учителей» и часто скупали у них имения, частью или полностью. Земля распродавалась, росло число крупных и средних (монодоминистского типа) и мелких (моноэгалитарного типа) ферм.

Сельское хозяйство все больше стало напоминать промышленность в том смысле, что в деревне мы встречаем точно такие же формы собственности и те же общественные отношения что и в городе. Нынешные крупные фермы ничем, в принципе, не отличаются от небольших фабрик, а мелкие фермы имеют ту же трудную судьбу что и ремесленники, ибо, занимая ту же позицию в той же форме собственности (моноэгалитарной), они фактически составляют две категории того же класса.

Таким образом, освобождение труда — несомненное завоевание буржуазии — полностью переродило деревню, патроналистская форма собственности стала с этого момента преобладающей и отныне ее формулой

$$Д \rightarrow М \rightarrow Т$$

можно охарактеризовать установившуюся общественную систему.

Общепринятое ее название — «классический» капитализм (в отличие от «монополистического»).

По нашей же формулировке это — монопатронализм,

г. е. та из трех разновидностей монодоминизма, которая характерна отсутствием собственности на трудящихся. Иначе говоря — либеральный монодоминизм.

❦

Что же изменилось?

Суть доминации сохранилась, ибо общественное устройство оставалось монодоминистским, но феодалы как класс исчезли, превратившись в сельских патронов, главной же силой стала буржуазия — городские патроны.

Естественно, что форма государственного устройства видоизменилась. Основа феодальной наследственной монархии была подорвана (однако в некоторых странах, где переход не был бурным, монархия сохранилась как форма совершенно лишенная содержания), власть осуществляли представители патронов, назначенные или избранные. Даже введение всеобщего избирательного права не может изменить незыблемого закона — у власти всегда стоят если не сами владельцы капитала, то их верные представители, ибо лишь тот кто владеет средствами производства обладает реальной властью. В редких случаях, когда голосование приводило к несоответствию реальной и политической власти, «порядок» восстанавливался силой — или в результате гражданской войны, или с помощью иностранных доминаторов, или обеими методами вместе (Испания 1936 года — яркий тому пример).

Демократия, т. е. в переводе с греческого «народовластие», является фикцией во всех странах, где господствует доминизм, реальностью же является плутократия (т. е. «власть богатых»). Под словом демократия понимают обычно лишь сумму некоторых относительных «свобод», но не действительное осуществление власти **всем** народом, т. е. трудящимися совместно с доминаторами, не говоря уже о власти самих трудящихся («власть труда» по-гречески звучало бы — «эргонократия» — слово никому даже не пришедшее в голову, настолько такая власть кажется неправдоподобной).

Итак, хотя новый доминатор видоизменил формы своей власти (rexpublica — то же что и демократия, но по-латыни: «король — народ»!), владельцем государства оставался по-прежнему тот кто владел средствами производства. И если кто-то скажет вам, что в каком-то случае это не так — можете смело назвать его лжецом.

❦

Что же касается эксплоатации, то ее «городская», более скрытая форма (связанная с оплатой деньгами), повсеместно вытеснила старую феодальную, явную (отнятие части выработанного продукта или разделение труда на часы, проработанные у феодала и «на себя»). Поэтому мы здесь подробнее остановимся на разборе прибавочной стоимости, прибыли, заработной платы и т. п., кое в чем следуя Марксу, но не забывая ни на минуту что его «Капитал» вышел в свет целое столетие тому назад — срок для наших бурных времен огромный, что забывают многие из его слишком верных, но не всегда искренних последователей, оказывая ему этим медвежью услугу. Мы не сомневаемся, что Маркс, воскреснув в наши дни, уже по прочтении нескольких свежих газет бросился бы к письменному столу, чтобы произвести существенный пересмотр многих его теорий и выводов, не говоря уже о предсказаньях. Что же касается марксистов-догматиков, то от них он не оставил бы камня на камне. Мы бы не уважали его памяти и его мудрости, если бы хоть на секунду предполагали, что он поступил бы иначе.

Как истинным последователем закона сохранения энергии был Эйнштейн, а не те кто без конца, как попугаи, повторяли этот закон в его прежнем виде, так истинный последователь Маркса — не тот кто тупо повторяет его открытия, а тот кто их развивает, исправляет и дополняет, применяя к новым условиям.

❦

Возьмем для начала упрощенный пример.

Имеется завод механической обработки, скажем, водопроводных кранов. Владелец завода, патрон, трудится исполняя обязанности директора. На заводе 100 станков и, так как для обслуживания каждого станка нужен 1 рабочий, патрон нанял 100 рабочих. Каждый рабочий трудится по 9 часов в день. Продукция завода — 900 кранов в день, отсюда средняя выработка рабочего 900 : 100 = 9 кранов в день или 1 кран в час.

Для разработки проектов кранов и технологии их изготовления — на 900 кранов нужно потратить 36 «инженерских» часов, значит патрон наймет 4-ех инженеров из расчета чтобы каждый из них имел занятие в течение всего рабочего дня в 9 часов (36 : 9 = 4). Для заказа материалов, учета, связи с клиентами, административного руководства и т. д. необходимо потратить в день (или на

900 кранов) 56 «административных» часов. Патрон, сам «заполняя» 9 часов, наймет еще 5 администраторов, которые заполнят недостающие 56 — 9 = 45 часов в день. Для упрощения примем, что больше никакого вида труда не нужно для обеспечения работы завода. Действительность сложнее, но, в общем, можно всегда разделить персонал на три категории: рабочих, технический персонал и административный персонал или, еще проще, объединив две последние категории, получим деление на физических и умственных работников, деление, которое в будущем (не скоро!), с развитием образования и автоматики, исчезнет, но пока еще, к сожалению, довольно отчетливо.

❦

Покупка металлической отливки, из которой изготавливается 1 кран, обходится в 48 франков, электроэнергия для производства крана обошлась в 1 франк и износ станка в 1 франк (если предположить, что станок стоил 4 000 франков и после изготовления на нем 4 000 деталей он пришел в состояние негодности, то износ его на 1 деталь равен 4 000 фр. : 4 000 = 1 фр.).

Итого все материальные (или капитальные) затраты равны 48 + 1 + 1 = 50 фр.

Если в данный период в промышленности средняя рыночная цена, по которой патрон продает 1 час среднего рабочего времени, равна 10 фр. (о том откуда она берется разговор будет позже), то можно сказать, что эти 50 фр. капитальных затрат эквиваленты 50 фр. : 10 фр./час = 5 часам среднего рабочего времени.

Итого на производство крана будет затрачено:

а) на капитальные расходы — 5 часов среднего рабочего времени

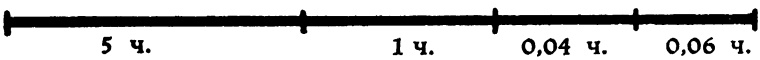
б) $\dfrac{\text{9 часов в день рабочего времени}}{\text{9 кранов}}$ = 1 час раб. вр.

в) $\dfrac{\text{36 часов «инженерского» времени}}{\text{900 кранов}}$ = 0,04 часа инж. вр.

г) $\frac{\text{56 часов «административного» времени}}{\text{900 кранов}} = 0{,}06$ ч. адм. вр.

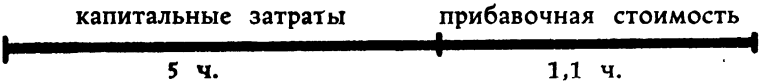
Итого: 5 ч. + 1 ч. + 0,04 ч. + 0,06 ч. = 6,1 ч. на 1 кран.

Изобразим все потраченное время в виде суммы отрезков:



5 ч. 1 ч. 0,04 ч. 0,06 ч.

Из этих 6,1 ч. труда, потраченных на производство крана — 5 часов были потрачены вне завода (производство металлической отливки, электроэнергии, доли станка соответствующей его износу). Только 1,1 ч. — это труд вложенный коллективом завода в изготовление крана. Эти 1,1 часа (добавленные к 5 часам затраченным ранее вне завода) — и есть прибавочная стоимость, выраженная в абсолютном времени и созданная коллективом завода. Представим это графиком:



5 ч. 1,1 ч.

Итак, завод добавил 1,1 : 5 = 22% абсолютной прибавочной стомости к капитальным затратам.

Является ли эта прибавочная стоимость однородной? Если бы это было верно, то, имея в виду что среднерыночная цена 1 часа рабочего времени равна 10 фр., патрон продал бы кран за 6,1 ч. × 10 фр. = 61 франк, затем вернул бы 48 фр. за металлическую отливку, 1 фр. за электро-энергию и 1 фр. долга за станок (или, если станок оплачен, отложил бы этот франк на покупку в будущем нового станка). В руках у него осталось бы 11 франков — ровно столько сколько стоит 1,1 ч. прибавочной стоимости созданной заводом (1,1 ч. × 10 фр./ч. = 11 фр.).

❦

Сначала предположим, что мы имеем дело с «идеальным» патроном, который распределит эти 11 фр. между теми кто их создал.

Должен ли он их распределить «поровну», т. е. пропорционально лишь времени, вложенному каждым в производство крана, что означало бы равную оплату каждому проработавшему свои 9 часов в день? Оказывается, это было бы несправедливо. Производительность среднего рабочего мы получили, разделив всю продукцию завода за день на число рабочих, что нам дало 9 кранов в день на рабочего или 1 кран за 1 час физического труда.

Но среди рабочих есть более квалифицированные, более опытные, которые изготовили в день по 12 кранов (или же 9 кранов, но более сложных или высшего качества — значит более дорогих), т. е. за час труда создали 12 : 9 = 4/3 крана = 1,33 крана. Иначе говоря, 1 час труда такого рабочего в 1,33 «гуще» чем 1 час среднего рабочего времени. Или же можно сказать, что его квалификация в 1,33 выше. Поэтому мы можем это соотношение в равной степени назвать коэффициентом плотности прибавочной стоимости или коэффициентом квалификации, или же производительности. Если бы этот рабочий с этим коэффициентом вместо 12 обычных кранов делал в среднем те 9 более сложных кранов, то можно даже сказать, что этот сложный кран в 1,33 «качественнее» обычного, т. е. можно использовать этот же коэффициент как мерило качества.

Другие же рабочие, необученные, неопытные, изготавливали лишь по 6 кранов в день (или же 9 кранов, но более простых или низшего качества и, естественно, менее дорогих), т. е. за час труда выработали лишь 6 : 9 = 2/3 крана = 0,66 крана. А, значит, их коэффициент квалификации или плотности прибавочной стоимости равен 0,66.

Следовательно, в нашем примере труд квалифицированного рабочего создает в 4/3 : 2/3 = 2 раза больше кранов, его время как бы в 2 раза гуще и он создал двухкратную прибавочную стоимость за то же время, по сравнению с необученным рабочим. И если первый из них получает плату в 2 раза большую чем второй, то это лишь результат справедливой уплаты одинаковой суммы денег за выработку одинаковых кранов. Обратное было бы абсурдом — одинаковая плата обоим за рабочий день (т. е. за производство разного количества кранов) привела бы к тому, что никто из рабочих не стал бы производить более 6 кранов, средняя производительность упала бы (для начала!) с 8 до 6 кранов в день, т. е. на треть и, если представить что такое явление произошло бы на всех заводах, — станет ясным что общество, сократив на треть производство, тотчас обеднеет.

Поэтому равная зарплата всем рабочим — явление не только несправедливое, но и вредное.

Но перейдем к другим категориям персонала.

Инженерно-технический персонал по своей квалификации должен превышать даже наиболее квалифицированных рабочих, ибо он дает им программу, методы, технологию производства. Следовательно, этот персонал создает в час еще большую прибавочную стоимость чем наиболее квалифицированный рабочий, хотя выражается это не количественно (12 кранов вместо 9 в случае с квалифицированным рабочим), а качественно (проект крана и технологии его изготовления сложнее, чем само его изготовление — как изготовление сложного крана труднее, чем простого).

Часть этого персонала обычно выходит из среды наиболее квалифицированных рабочих, другая часть — из специализированных учебных заведений. Для этой второй части встает вопрос компенсации лет авансированного и неоплаченного труда (т. е. учебы), затраченных для приобретения квалификаций.

Учтя все это, нельзя не признать, что высшая оплата этого персонала, создающего за то же время большую прибавочную стоимость — так же совершенно справедлива и обоснована, как и градация оплаты рабочих в соответствии с их квалификацией.

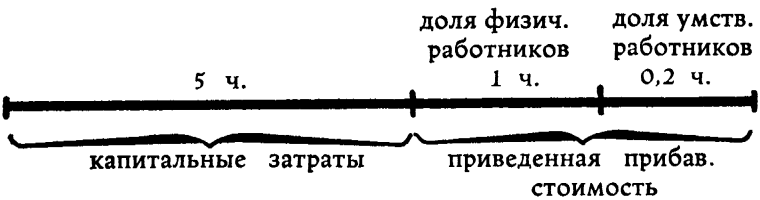
Заметим, что это рассуждение не относится к некоторым категориям вспомогательного технического (и части административного) персонала, работа которого не требует высоких квалификаций. Для упрощения не будем здесь рассматривать этот случай.

Что же касается той части административного персонала, работа которой также требует высоких квалификаций, то и к ним можно в равной степени отнести рассуждения обоснованности их высшей оплаты.

Оценка производительности (т. е. массы прибавочной стоимости, созданной за час труда) здесь сложнее, чем в случае с рабочим, где эта оценка может быть произведена в цифрах (сравнением числа кранов, произведенных в час), ибо здесь мы находимся в области качества, гораздо труднее поддающегося сравнению. Не углубляясь в эту оценку (дело экономистов), примем, что инженер или администратор в среднем создает в час в два раза больше прибавочной стоимости, чем средний рабочий, т. е. его коэффициент плотности прибавочной стоимости или что то же — коэффициент квалификации — равен 2.

Следовательно, ему оправдана двойная плата, а 0,1 часа вложенных в производство крана техническим и административным персоналом эквивалентно 2 × 0,1 ч. = 0,2 ч. среднего рабочего времени.

Тогда структура стоимости крана, приведеная к сравнимому среднему рабочему времени будет такой:



Здесь, между прочим, мы можем подсчитать коэффициент квалификации всего персонала завода, равный отношению приведенной прибавочной стоимости к абсолютной прибавочной стоимости: 1,2 : 1,1 = 1,09.

Итак, ввиду того что 1,1 часа абсолютной прибавочной стоимости эквивалентно 1,2 часа приведенной к средней рабочей прибавочной стоимости, то это означает, что кран будет продан не за (5,0 ч. + 1,1 ч.) × 10 фр. = 61 фр., а за (5,0 ч. + 1,2 ч.) × 10 фр. = 62 фр., и после уплаты 50 фр. за капитальные затраты в руках у патрона останется 12 франков.

Если бы этот патрон и в дальнейшим продолжал оставаться «идеальным», он распределил бы эти 12 фр. просто: 10 фр. рабочему, сделавшему этот кран, 2 фр. распределил бы между всеми 10 умственными работниками (можно их также назвать служащими) пропорционально их квалификациям, т. е. в среднем по 0,2 фр. каждому за их участие в создании крана.

Это дало бы следующую дневную оплату:

рабочему, сделавшему 6 кранов в день: 6 × 10 = 60 фр.
рабочему, сделавшему 9 кранов в день: 9 × 10 = 90 фр.
рабочему, сделавшему 12 кранов в день: 12 × 10 = 120 фр.
служащему в среднем: 900 × 0,2 = 180 фр.

Патрон, как один из административных работников, должен был бы удовлетвориться заработной платой порядка 180 фр. (больше или меньше — в зависимости от его квалификации), которую он вполне заслужил, участвуя в процессе производства. При таком распределении даже самый бешеный революционер не мог бы говорить об экс-

плоатации, так как каждый работник получил бы сполна денежный эквивалент прибавочной стоимости им созданной.

Прекрасный сон!

❦

Но какова действительность?

Ввиду того что патрон — владелец капитала, вся прибавочная стоимость оказывается в его руках и ее распределение зависит от него. Продав на рынке 1 час среднего рабочего времени, вложенного в кран, за 10 фр. он, как и все другие патроны, платит рабочему (и служащему) лишь часть этой суммы. Он бы охотно (и то не очень) платил не больше того, что нужно работнику для скромного пропитания и поддержания сил, необходимых для работы (такая именно плата существовала в начальной стадии патронализма). Но со временем рабочие своей непрерывной классовой борьбой (и лишь благодаря ей, а вовсе не росту производительности труда) вынудили патронов пойти на уступки, перейдя эти нищенские пределы, но никогда, в общем, не доходя до полной оплаты выработанной прибавочной стоимости.

Если примем, что из 10 фр., полученных за 1 час приведенной прибавочной стоимости, патрон выплачивает 6 фр. тем кто ее создал, — мы будем недалеки от сегодняшней действительности. Если бы он применил эту мерку ко всем своим наемным работникам, то из общей суммы прибавочной стоимости, выраженной в деньгах (12 фр. за кран, 900 кранов в день, что дает 12 × 900 = 10 800 фр.) ему бы оставалось 4 фр. из каждых 10 фр. (чтобы не усложнять расчета примем, что патрон также и из своей зарплаты отбирает 4 фр. из 10 фр., что впрочем не удивит никого, кто знает характер патронов), т. е.

$$10\,800 \text{ фр.} \times \frac{4}{10} = 4\,320 \text{ фр.}$$

в день, плюс «обкраденая» им же самим зарплата патрона в

$$180 \text{ фр.} \times \frac{6}{10} = 108 \text{ фр.}$$

в день. Это дает ему месячный доход порядка 100 000 фр. — сумма комфортабельная, но не фантастическая для хозяина завода в 110 человек, считая и его самого за человека (что означает меньше 1 000 фр. прибыли с работника в месяц).

Средний рабочий получал бы в день $90 \times \frac{6}{10} = 56$ фр. или около 1 400 фр. в месяц.

Присвоение этих 4-х франков из 10 фр. — это и есть эксплоатация.

Эта сумма в 4 320 фр. в день — это деньги украденные у работников, прибыль патрона. Т. е. трудящиеся с полным правом могут заявить: «Хозяева жрут наш хлеб!»

❦

Если патрон основал фабрику, вложив в нее деньги заработанные его честным трудом, к примеру 400 000 фр., то после менее чем 100 дней, откладывая по 4 320 фр. в день, он полностью вернет вложенные деньги, т. е. весь завод до последнего винтика после 100 дней работы уже «выкуплен» трудом его работников, и в нем уже не осталось ни сантима, ни гроша принадлежащего патрону и права патрона на владение заводом с этого момента — результат чистого обмана и насилия. Деньги, приходящие к нему после этих 100 дней, уже явно краденые и все чем он обладает — следствие этой кражи.

Если же завод перешел к нему по наследству, то кража начинается с первого дня вступления в наследство, ибо отец патрона или дедушка, вложивший свои «честные» деньги, уже давно их вернул с фантастическими процентами.

Грабитель, который однажды за его честно заработанные деньги купил топор и потом с его помощью награбил огромное состояние, также может утверждать, что это состояние честно заработано, ибо сколочено с помощью честно заработанного топора. Первое дело в таком случае — отобрать топор и использовать его для более благородных целей чем грабеж.

К тому же заметим, что человек физически не в состоянии честным (т. е. своим) трудом сколотить огромную сумму. Объясним это. В лучшем случае человек работает 50 лет в своей жизни, т. е. около 20 000 дней. Даже будучи хорошо оплачен с самого начала его трудовой деятельности, взяв из нашего примера цифру в 180 фр. в день, он заработает за все 50 лет своей жизни лишь 3 600 000 фр. Учтя, что по меньшей мере половину он должен потратить «на жизнь», он **к концу** такой «жизни», к 70 годам, не сколотит и двух миллионов. Следовательно, владелец

капитала превышающего эти два миллиона не создал его своим трудом, тем более если этому владельцу нет еще 70 лет. Значит, кто-то «помог», или он у кого-то «отдаливал».

❦

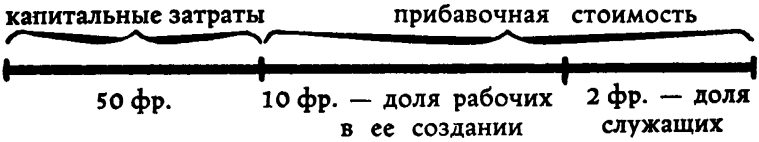
Но вернемся к нашему реальному патрону, который, как мы видим, далеко не идеален. У него рабочий вместо заслуженных 9 × 10 фр. = 90 фр. получает 9 × 6 фр. = 56 фр., а сам патрон, кроме 108 фр. заработанных, имеет еще 4 320 фр. краденых (включая 180 — 108 = 72 фр. патрональных — краденых из левого кармана патрона и положенных в правый). Обычно, по мере приближения к патрону по иерархической лестнице степень эксплоатации уменьшается (а по мере удаления увеличивается). Если степень эксплоатации среднего рабочего в нашем примере равна 40% (т. е. 40% прибавочной стоимости украдено патроном) то неквалифицированный рабочий эксплоатируется на 50%, какой-нибудь средний инженер — на 20%, иной администратор повыше получает сполна то что он выработал, а пара ближайших сотрудников патрона (скажем, главный инженер и административный директор) получают даже добавки из украденных 4 320 фр. Таким образом патрон привязывает к себе верхушку административного и технического персонала, которая, по своему статуту относясь к труженикам (не являются собственниками средств производства, если они еще не стали акционерами), уже участвуют в эксплоатации и помогают доминации.

Мимоходом отметим разницу между доминацией, имеющей классовый характер, и необходимой производственной иерархией, имеющей чисто технический, организационный характер (без которой невозможно ни дом построить чтоб не развалился, ни вести поезда так, чтоб не столкнулись). К примеру, если главный инженер наказывает шахтера за курение во взрывоопасной шахте — это из области более или менее законной иерархии, если же он увольняет рабочего за участие в забастовке — это уже из области совершенно незаконной доминации. В последнем случае инженер выступает в роли полицейского на службе у патрона.

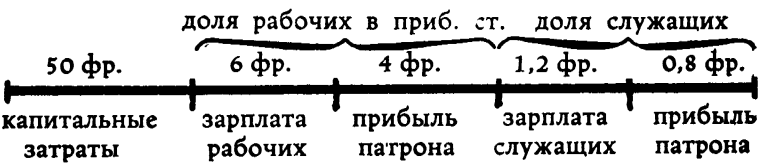
Как мы видим, при доминизме не каждый кто по статуту труженик, — является противником доминации.

❦

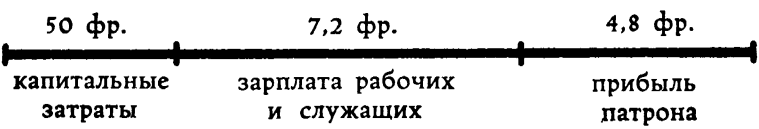
Изобразим графически новое распределение прибавочной стоимости и, чтобы представить это грязное дело в чистом виде, примем, что все работники эксплоатируются на 40%.



И ниже представим распределение этой прибавочной стоимости между тружениками и патроном:

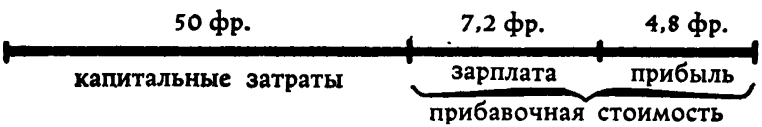


Или, объединив зарплаты и прибыль:



При этом мы напоминаем, что зарплату патрона, и вполне приличную, мы намеренно сохранили, включив ее в обшую зарплату трудящихся, чтобы он не мог жаловаться, что в случае ликвидации прибыли как таковой ему совершенно не на что будет жить и останется один выбор: голодная смерть или расстрел голодных. А если верить истории, во всех случаях когда появлялась угроза прибыли, патрон не колебался в выборе ни секунды. Надо отдать должное его решительности, всегда спасавшей его от голодной смерти и сохранявшей его лоснящийся вид. Однако до сих пор, несмотря на тщательные поиски, нам не удалось обнаружить патронов, желающих отказаться от своей прибыли и довольствоваться лишь честно заработанной зарплатой.

Теперь представим слагаемые цены крана полностью:

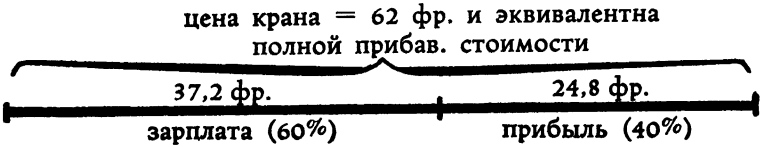


Итак, чистая прибыль «нашего» патрона (4,8 фр.) по отношению к «его» расходам (50 фр. + 7,2 фр. = 57,2 фр,. ибо зарплата для него расход) составляет 4,8 : 57,2 = 8,4% (всего лишь! — стоит ли из-за такой мелочи вести столько разговоров?).

Но так же как и наш кран, цену любого другого продукта производства можно разложить на эти же три составляющие (капитальные затраты, зарплата, прибыль, а следовательно — и цены всех предметов, входящих в капитальные затраты — т. е. металлической отливки, станка (или точнее — части его, соответственно износу) и даже электроэнергии, которая вырабатывается на «заводе энергии» в принципе (в смысле экономической структуры) не отличающемся от нашего завода кранов.

Иначе говоря, если пойти на литейный завод, где изготавливают отливки для кранов, то и там цена отливок (48 фр.) может быть разбита на капитальные затраты (покупка металла, износ оснащения, энергия), зарплату работников литейного завода и прибыль его патрона. Если заупрямиться и исследовать происхождение капитальных затрат литейного завода то, пойдя на шахту, мы их сможем разбить на... и т. д. и т. п.

Если продолжить эту прогулку в пространстве и времени, то мы заметим, что капитальные затраты каждого предприятия соответствуют зарплате и прибыли плюс все меньшие капитальные затраты каждого «последующего» предприятия-поставщика, и вся стоимость крана будет состоять в конце концов только лишь из зарплаты тружеников и прибыли патронов всяких заводов, электростанций, шахт, принимающих участие в производстве крана. И вся цена крана будет состоять из сплошной прибавочной стоимости, и в этом нет ничего удивительного, ибо он весь от начала до конца создан трудом тружеников. И если предположить, что во всех предприятиях степень эксплоатации одинакова и, как в нашем примере, равна 40%, то всю цену готового крана (62 фр.) можно представить так:



Как мы видим, хотя для нашего патрона кажущийся процент прибыли равен «всего лишь» 8,4%, то с помощью

всех других патронов процент прибыли в нашем кране равен 40%, т. е. средней степени эксплоатации.

❦

Соотношение «прибавочная стоимость — капитальные затраты» может совершенно отличаться на разных заводах. Если, к примеру, патрон завода механической обработки кранов купит завод отливки корпусов кранов (или же построит цех отливки, что приведет к тем же результатам), то после этой покупки его капитальные затраты на 1 кран резко уменьшатся, а доля прибавочной стоимости созданной на его увеличенном заводе возрастет, с нею возрастет и кажущийся процент прибыли, соотношение прибыли к сумме капитальных затрат и зарплаты — бывшее в нашем примере 8,4%, увеличится, стремясь к 40%, но достигнет его лишь в случае, если тот же патрон скупит и шахты, и электростанции, и станкостроительные заводы, и будет делать « у себя» все что необходимо для производства.

❦

Что же касается истинного процента прибыли, т. е. доли прибыли во всей прибавочной стоимости (или что то же самое — степень эксплоатации), то он, как мы предположили выше, остается неизменным.

Действительно, если бы существовала отрасль, где степень эксплоатации была бы выше средней, эта степень автоматически вернулась бы к средней по всей промышленности, по двум причинам: из-за отлива из этой отрасли рабочей силы (ибо, скажем, увеличение степени эксплоатации с 40% до 50% означает что средний рабочий вместо 6 фр. за час работы стал получать лишь 5 фр.) и прилива капиталов (патрон вместо 4 фр. за час труда рабочего стал получать уже 5 фр!). Оба явления поднимут спрос на рабочую силу в этой отрасли, а значит — вызовут рост зарплаты и снижение степени эксплоатации — и степень эта вернется к средней.

Подобный эффект, но в обратном направлении, вызвало бы уменьшение степени эксплоатации в отдельной отрасли.

Так что единственной постоянной величиной является степень эксплоатации (он же — действительный процент прибыли), тогда как и кажущийся процент прибыли и про-

цент прибавочной стоимости могут быть разными в разных отраслях и на разных заводах.

Итак, мы поступили правильно, разбив всю цену крана на зарплату и прибыль в той же пропорции, которая существует на заводе кранов.

Но что верно для крана будет верно и для любого другого продукта труда, иначе говоря, вся цена любого продукта — это конденсированный труд, т. е. прибавочная стоимость, и цену эту можно разделить на зарплату и прибыль в пропорции равной степени эксплоатации в данной стране и в данное время.

Выразим это графически:

Если же ограничиться во времени, к примеру бюджетным годом, то производство предмета, начатого в данном году может, в некоторых случаях, быть закончено лишь в будущем. Тогда часть прибавочной стоимости, созданная в данном году, для бюджета этого года примет вид капитальных затрат, так как они не дают видимой прибыли (предмет нельзя продать и тем выявить прибавочную стоимость, заключенную в нем). Каждый рабочий час, даже будучи отнесен к капитальным затратам и не дающий немедленный стоимостный результат, раньше или позже все же выявляет свою стоимость.

Таким образом, лишь ограничившись в пространстве (рамками завода, к примеру) и во времени (скажем, рамками бюджетного года), можно говорить о капитальных затратах. На деле же капитальные затраты «явные», инвестируемые в будущий год, компенсируются скрытыми капитальными затратами, остающимися с предыдущего года. Мы говорим здесь не о денежном выражении этих затрат, которое может измениться, а о затратах выраженных во времени. Учтя эти взаимные компенсации, можно утверждать что вся прибавочная стоимость, созданная за год какой-либо страной равняется лишь числу приведенных к средним рабочих часов, проработанных за год всеми трудящимися этой страны участвующими в производстве.

Чтобы выразить эту стоимость в деньгах достаточно помножить число этих часов на среднюю рыночную цену одного рабочего часа. Возьмем пример: во Франции 12 миллионов трудящихся. Каждый из них прорабатывает в

год около 2 000 часов. Итого: 12 млн. × 2 тыс. ч. = 24 миллиарда часов. Час труда «продается» примерно за 20-25 фр. — цифра известная всякому кто чинил автомобиль во французском гараже. Следовательно, национальный валовой продукт Франции должен быть равен около 24 млрд. × 22,5 фр. = 540 млрд. франков. И действительно — по данным Французского объединения предпринимателей (Патроната), опубликованным в газете «Ле Монд» за 19 ноября 1969 г., этот продукт в 1968 году равнялся 557,8 млрд. франков.

Это и есть национальный годовой продукт, который, так же как и любой другой продукт и в той же пропорции, можно разделить на зарплату и прибыль.

Получаем новый график:

Итак, степень эксплоатации в масштабах нации целиком отражает эту степень в рамках завода, и эта же пропорция сохранена в каждом продукте человеческого труда при системе доминизма.

Иначе говоря, те же 40% из нашего примера мы встретим всюду, если расширим пример до масштаба нации (на деле, если учесть моноэгалитарный сектор, где эксплоатация слабее, цифра эта будет ниже).

Кстати, чтобы показать что цифра в 40% близка к действительности приведем процент прибыли (т. е. степень эксплоатации) в национальном доходе Западной Германии по данным немецкого Федерального статистического бюро, опубликованным в форме графика в газете «Ле Монд» за 13 мая 1969 г. Вот эти цифры:

1960 г. — 39%
1962 г. — 38%
1964 г. — 39%
1966 г. — 37,5%
1968 г. — 37,5%

❦

В нашем примере максимальная возможная прибавка заработной платы (за счет прибыли, но не увеличения цен — т. е. в рамках реальной стоимости продукта), которую могут требовать трудящиеся без всякого вреда — и даже

с пользой для экономики — равна отношению прибыли к зарплате, то есть:

$$\frac{40}{60} \times 100\% = 66\%$$

Практически необходимость накопления для расширения производства снижает эту цифру до 55 — 60% (мы здесь не упоминаем необходимости расходов на публичные нужды, ибо они взимаются в виде налогов с уже выплаченной зарплаты).

Вместо этого, оставаясь при прежней зарплате, трудящиеся могли бы требовать сокращения рабочего дня (или недели) максимум на 40%, т. е. на время, которое они тратили для изготовления подарка патрону в виде прибыли. Учтя необходимость накопления, следует снизить эту цифру до 30 — 35%.

Возможна и комбинация увеличения зарплаты (хлеба!...) с уменьшением длины рабочей недели (... и зрелищ!).

❦

Попробуем проследить, что случится с нашим заводом через год.

Со временем организация производства улучшится, опыт рабочих возрастет, старые станки сменятся новыми, более производительными (при той же их цене). Завод увеличит свою продукцию, скажем на 10% при том же персонале, и время производства одного крана уменьшится пропорционально.

Но за год возрастет на те же 10% эквивалент труда, мерило его цены — количество золота добытого за час работы в золотоносных шахтах (ибо и там производительность растет), что означает что денежная цена 1 часа рабочего времени возрастет на 10%, т. е. в 1,1 раза. А так как, напротив, время затраченное на производство одного крана (или его абсолютная прибавочная стоимость) уменьшилось в 1,1 раза, то прибавочная цена крана на нашем заводе не изменится и останется попрежнему равной 12 франков. А так как подобные изменения произойдут и на других заводах, то и полная цена крана — 62 фр. — не изменится (снизится лишь цена продуктов, в производстве которых рост производительности труда был большим чем средний рост по промышленности).

Значит каждый работник, изготавливающий теперь на 10% больше кранов, должен получить зарплату также на 10% большую. Патрон, продавший на 10% кранов больше, в такой же пропорции увеличит свою прибыль. А, значит, степень эксплоатации попрежнему равнялась бы 40%, т. е. рост производительности труда, помогая увеличению и зарплаты и прибыли, не меняет степени эксплоатации.

Тот кто ставит своей целью эту степень несколько уменьшить или удержать ее увеличение — действует, несомненно, в интересах трудящихся, но его деятельность ограничена и никогда не разрешит проблему эксплоатации. Его можно сравнить с пастухом, старающимся вырвать зубы у живого волка.

Тот кто ставит себе целью свести степень эксплоатации до нуля — это уже революционер. Его задача — умертвить волка доминизма, ибо не уничтожив доминации, невозможно уничтожить эксплоатацию навсегда.

Доминизм как сорняк, корни которого — доминация, а стебли — эксплоатация. Даже срубив стебли и оставив корни, нельзя избавиться от сорняка, ибо он снова вырастет. Однако, чтобы вырвать этот сорняк с корнем, не мешает иногда ухватиться за стебли, только крепко ухватиться, поближе к корню и тянуть решительно.

❦

Картина этих изменений несколько искажается всевозможными временными факторами, а также тем постоянным фактором что золото становится все более редким и трудным для добычи металлом даже при возросшей технике его добычи, отчего его цена обгоняет добычу, т. е. нужно больше денежных единиц для покупки того же количества золота.

Это постоянное обесценение денег (инфляция) — явление натуральное и само по себе ничего бы не изменило в недоминистском обществе, ибо золото — лишь посредник. С увеличением цены золота на 5% — достаточно было бы увеличить настолько же зарплату и цены на продукты, чтобы восстановить равновесие.

В патроналистском обществе этого не происходит. Рыночная цена одного рабочего часа растет в двойном темпе — и с ценой золота и с ростом производительности, тогда как зарплату патрон соглашается увеличить (и то не всегда, и то в результате нажима) лишь пропорционально производительности труда. Следовательно, ры-

ночная цена тех же продуктов растет со временем (хотя они заключают в себе все меньше прибавочной стоимости), а зарплата (основная и единственно верная покупательница) отстает от этого роста.

Равновесие нарушено и от ослабления зарплаты продажа готовых продуктов тормозится, производство замедляется, безработица растет, инфляция усугубляется. Накопление этих явлений ведет к кризису.

Патрон, вначале выигрывавший на инфляции, которая ему позволила увеличить степень эксплоатации, сам становится жертвой своей же алчности. И если патроналистская экономика еще не развалилась полностью, то лишь благодаря все увеличивающемуся давлению трудящихся, восстанавливающему нормальные пропорции зарплаты, — и именно усиление этого давления избавляет эту экономику от глубоких кризисов, а не «планификация», как стараются объяснить защитники «государственного капитализма» да и сами патроны.

Если в этом разрезе проанализировать события в мае 1968 года во Франции, то следует признать, что вырвав у патронов значительные добавки к зарплате, трудящиеся спасли экономику от кризиса, подступавшего со всех сторон, и одновременно уменьшили степень эксплоатации. За что патроны должны были бы горячо благодарить профсоюзы и компартию, спасших этим не только экономику, но и государство от полного краха, вырвав волку два больных зуба и огласив это великой победой трудящихся.

Признав, что рост зарплаты подхлестнул и оздоровил экономику, патроны (и государство-патрон) ростом цен все же захотели вернуть прежнюю степень эксплоатации, что вновь поставило экономику на грань девальвации, которая в условиях патронализма означает рост цен без увеличения зарплаты, а это равносильно кризису.

Вместо больных зубов у волка выросли два здоровых и он смог еще больнее укусить своих дантистов во время мартовских переговоров с ними на улице Тильзит, а затем и последовавшей в августе 1969 г. девальвацией.

❦

Наивные могут сказать: «Вы сами говорите, что зарплата трудящихся растет с каждым годом и рабочий живет все лучше. Если в начале века он за свою недельную зарплату мог купить три пары ботинок, то сегодня он мо-

жет купить шесть пар, проработав меньше часов в неделю. А раз дела идут все лучше, то, конечно, чтобы сохранить эту тенденцию нужно делать забастовки, но зачем же преувеличивать и кричать о необходимости революции? Чтобы устроить социализм как в Советском Союзе, где рабочий беднее чем в капитализме»?

Ответим. Сначала возразим, что речь не о том чтобы «устроить социализм» как в Советском Союзе, ибо такой «социализм» — это лишь особая форма доминизма, и об этом поговорим позже. Пока же поговорим о ботинках.

В начале века рабочий производил в неделю товаров на сумму, эквивалентную, скажем, 6 парам ботинок. Из нее он «брал» себе 3 пары (будем вести расчет не в деньгах, а в парах ботинок), а 3 пары забирал себе патрон. С тех пор прошло много времени, за которое трудящиеся (а не патроны) повысили свои квалификации, усовершенствовали станки и т. д., и в результате стали производить 10 пар ботинок в неделю вместо 6-ти. Из этих 10 пар, после многочисленных забастовок, они добились права забирать себе уже не 3 пары, как раньше, а 6, оставив патрону 4 пары. Рабочий стал в два раза богаче.

Это верно, но старые вопросы, издавна не дававшие ему покоя — остались неразрешенными. Спрашивается, почему каждый трудящийся должен отдавать 4 пары ботинок патрону (и если у патрона 100 тружеников — он, патрон, присвоит в неделю сумму эквивалентную $100 \times 4 = 400$ пар ботинок)?

Почему бы ему, трудящемуся, не забрать все 10 пар, которые он собственноручно сделал, и тогда все 100 рабочих получили бы по 10, и патрон за свою работу тоже 10, даже 20 пар, но не 400!?

А почему бы ему, трудящемуся, после того как он сделал 6 пар ботинок не бросить инструменты и в остальное время пойти домой, взять детишек, отправиться в лес и полежать с книжкой на травке?

Почему нет? Да потому что существует патрон и это он (а не рабочий) владеет станками, хотя он сам этих станков не делал (да и не мог бы физически всех их изготовить). А он, патрон, не удовлетворится ни шестью, ни десятью парами ботинок в неделю. Ему нужно множество вещей для него одного. Ибо его жадность и тщеславие не имеют границ (не имея этих черт он не лез бы в патроны, а пользуясь лишь честными методами, не эксплоатируя, он бы не мог никоим образом сколотить состояние). И он, владея средствами производства, может заставить

все 100 рабочих, лишенных этих средств, остаться и сделать эти 400 лишних пар ботинок.

Можно представить дело иначе — что 60% трудящихся делает «ботинки» и все необходимое для себя и для других 40% трудящихся, тогда как эти 40% только тем и заняты что работают лишь для патронов, — одни косвенно, другие явно удовлетворяют прихоти патронов: строят им аппартаменты и виллы, делают, водят и чинят дорогие автомобили, изготавливают мебель, ловят омаров, охотятся, или разводят редкого зверя на шубы для жен патронов, перерывают горы земли в поисках драгоценных камней и золота, стряпают в дорогих ресторанах, шьют, учат, лечат, подают, услуживают, стирают, веселят — все это лучшего качества — исключительно для патронов. Другим людям, которые не обкрадывают себе подобных (т. е. буквально следуют заповеди «не кради!») и обладают лишь тем, что они сами создали своими руками (и то лишь частью созданного, тогда как другая — украдена и она-то и создает богатство паразитов), им все это недоступно — «слишком дорого».

В этом главное расточительство всякого доминизма, даже наиболее «рационализированного», наиболее «гуманного» или «свободного». Значительная часть труда, затраченная для удовлетворения желаний кучки паразитов — явление, существование которого связано лишь с существованием доминизма и достаточное чтобы осудить доминизм на смерть.

И он не только ограбляет трудящихся, но и унижает их достоинство до пределов, за которыми начинается возмущение, бунт.

А чтобы избавиться от доминаторов полностью — нет и не может быть другого пути, кроме революционного.

❦

Теперь вернемся к вопросу, который мы давно обещали рассмотреть — к вопросу о денежном выражении цены 1 часа среднего рабочего времени.

Заметим, что если 1 час рабочего времени — единица измерения абсолютная, и хотя его материальное, вещественное содержание (столько-то кранов в час) зависит лишь от уровня техники и организации производства в данной стране и в данное время, то денежное его выражение меняется с ценой денег, которая связана как с производством

в данной стране, так и с уровнем мирового производства золота и его запасами в мире и в данной стране.

Но как же мы определим среднюю рыночную цену 1 рабочего часа в данной стране (в нашем случае она равнялась 10 франкам)?

В принципе, для страны со средней, в мировом масштабе, производительностью труда она эквивалентна количеству золота добытому за час работы в средней, в мировом масштабе, золотоносной шахте.

А чтобы определить среднюю мировую производительность, скажем, в производстве кранов, следует все количество кранов произведенных в мире поделить на всю сумму приведенных человеко-часов труда, потраченных на их изготовление. Это нам даст среднее мировое количество кранов произведенных за час труда. То же самое можно сделать с «производством» золота. Если этот расчет даст, скажем, половину производительности из нашего примера, т. е. 1/2 от 1 крана в 6,2 часа (иначе говоря, 12,4 часа на 1 кран), и 0,25 грамма золота в час, то средняя мировая цена установится в 12,4 × 0,25 = 3,1 грамма золота за кран и по той же цене этот кран будет продаваться в стране со средней производительностью кранов, а цена 1 часа среднего рабочего времени будет равна 0,25 грамма золота.

В стране же, в которой на производство крана тратится в среднем 6,2 часа вместо 12,4 часа, т. е. производится в два раза больше прибавочной стоимости в час по сравнению с мировым уровнем, цена этого часа труда в золоте возрастет в той же пропорции и будет равна (12,4 : 6,2) × 0,25 = 0,5 гр. золота.

Если рассмотреть соотношение цен 1 часа труда во всех других продуктах данной страны по отношению к мировому уровню, то, учтя «удельный вес» каждого продукта в общей сумме прибавочной стоимости, созданной в данной стране, можно вывести среднюю по стране цену в золоте одного среднего рабочего часа.

Если учесть, что в пределах одной страны, вследствие «автоматической регулировки» (перелив капитала в отрасли, где за продажу 1 часа рабочего времени владелец капитала получает больше золота, приводит к увеличению предложения и, следовательно, к снижению цены этого часа до среднего уровня или даже, временно, ниже его) цена 1 среднего рабочего часа установится одинаковой во всех отраслях, то, без сомнения, этой средней точкой, вокруг которой выравниваются цены 1 часа в разных отраслях, бу-

дет именно та средняя точка, которая была установлена при сравнении цен 1 часа труда в золоте во всех продуктах по сравнению с ее мировым уровнем (и переместить которую могут лишь таможенные барьеры, налоги или другие меры искусственного характера). Т. е. те же 0,5 гр. золота будут, в среднем, содержаться в 1 часе прибавочной стоимости не только крана, но и кастрюли, и стула, сделанных в данной стране, если эта цифра соотношения производительности (2 раза по сравнению с мировой) в среднем верна для всех продуктов данной страны (с учетом доли каждого продукта во всем производстве).

Иначе равновесие было бы нарушено, а именно — произведение цены часа труда в золоте на число рабочих часов (что дает национальный продукт в золоте, равный сумме всей зарплаты и прибыли) не было бы равно выраженной в золоте сумме мировых цен выработанных данной страной продуктов.

На практике такое нарушение равновесия происходит, но может привести к инфляции (обесценению денег) и отплыву золота из страны в случае «завышения», и обратного эффекта (дефляции) при «занижении» цены, по которой владельцы капитала продают на рынке 1 час труда их рабочих (например, в случае демпинга — т. е. продажи продуктов ниже реальной цены).

Конечно, средняя цена 1 часа труда устанавливается не специалистами по статистике путем подсчета (хотя они могли бы делать такой подсчет для проверки здоровья экономики и установления «здоровых» цен), а естественным путем — саморегулированьем, действующим в обществе, основанном на «свободной инициативе», хотя часто с опозданием, с побитыми носами, с финансовыми крахами.

В нашем примере, при удвоенной производительности по сравнению с мировой (можно сказать, что коэффициент производительности или квалификации данной страны равен 2), цена 1 среднего рабочего часа в данной стране — двойная, т. е. равна 0,5 гр. золота. Выразить это во франках было бы просто: нужно помножить 0,5 гр. золота на цену во франках одного грамма. Если в данный момент эта цена — 20 фр. за грамм, то цена 1 рабочего часа будет $0{,}5 \times 20 = 10$ фр. — вот откуда мы взяли эти 10 фр., о которых была речь раньше.

Но почему 20 фр. за грамм, а не 2 фр. или 10 фр.?

Понятие «франк» или «луидор» («Луи д'ор» — «Людовик из золота» по-французски) или всякой другой де-

нежной единицы имеет происхождение субъективное — просто когда-то золотую монету, скажем, в 1 гр. назвали франком (от имени племени «франков»?). С тех пор как были выпущены бумажные деньги (во избежание потери золотых монет или вывоза их за границу), которые подменили золотые, но в принципе были ими покрыты, гарантированы, — произошел разрыв между реальной стоимостью этого франка и его «бумажным» выражением, ибо не всегда бумажные деньги были покрыты золотом. Каждая девальвация и денежная реформа изменяла «содержание» золота в бумажном франке, и нынешние бумажные ассигнации сохранили лишь старое название. Фактически содержание денежной единицы зависит от степени здоровья экономики, ибо это она — главная гарантия покрытия, и если экономика больна, то для покупки того же количества золота понадобится больше денежных единиц, так как доверие к ним подорвано по сравнению с доверием к золоту, — «монете», гарантированной всей мировой экономикой.

Что касается количества золота в банках данной страны, то оно само по себе не является показателем этого здоровья, а лишь его результатом, причем излишнее его накопление за счет, скажем, снижения капиталовложений так же вредно, как полное его отсутствие для покрытия заграничных платежей.

Главное богатство каждой страны — это ее люди, их квалификации, а также средства производства и природные ресурсы страны. Золото и деньги — лишь средства товарообмена, и сами по себе богатства страны не выражают, а лишь являются «термометром» этого богатства.

Наивны те доктора, которые, чтобы вылечить больного, предлагают разбить термометр — мы имеем в виду тех, кто утверждает что все болезни общества происходят «из-за денег» и если их сжечь, а из золота построить общественные уборные по проекту Ленина, то человечество (от этих уборных?) станет счастливым. Ленина они плохо поняли — он предлагал сначала вылечить больного, а потом разбить термометр как ненужный, хотя мы считаем, что термометр может пригодиться и здоровому человеку, чтобы предупредить болезнь. Мы считаем, что использование золота лишь для технических целей — дело сравнительно недалекого будущего, но нечто вроде денег еще долго сохранится как мерило труда, вложенного в продукт труда, — для оценки рациональности того или иного проекта, технического решения или метода — и в этой функ-

ции деньги могуть сыграть положительную роль, помогая беречь и экономить человеческий труд.

❦

Сейчас мы рассмотрели вопрос выражения в золоте цены 1 часа труда. С этим вопросом связан и другой, в котором мы расходимся с Марксом, — вопрос о разделе прибавочной стоимости на зарплату и прибыль. Мы заявили, что если исходной точкой для определения цены 1 часа труда было количество золота, добытое в среднем в мире за 1 час труда в золотоносных шахтах, для каждой страны помноженное на ее коэффициент производительности, то в пределах этого часа раздел его цены на зарплату и прибыль является лишь результатом классовой борьбы, соотношения спроса и предложения — в общем, в конечном счете, результатом соотношения сил между трудящимися и патронами.

Маркс пользуется другим методом. Он говорит, что труд не имеет стоимости, ибо его нельзя иначе выразить как в часах, а сказать, что рабочий день из 10 часов стоит 10 часов труда — абсурд, не дающий отправной точки для определения стоимости труда. Дальше цитируем («Зарплата, цена и прибыль»): «Рабочий продает не непосредственно свой труд, а свою рабочую силу, которую он ссуживает капиталисту во временное пользование. Что же тогда такое стоимость рабочей силы? Точно так же как и всякого другого товара, ее стоимость определяется количеством труда, необходимым для ее производства. Рабочая сила человека состоит в его живой индивидуальности. Чтобы помочь развить и поддерживать свою жизнь необходимо, чтобы он потреблял определенное количество средств существования».

Дальше он перечисляет, что труженику нужно поддержать не только себя, но и своих детей, которые заменят его как изношенную машину, нужны расходы также и для обучения профессии. Он подчеркивает, что разный род работ требует разных расходов по содержанию и поэтому требование равной оплаты — ошибка, и никогда не будет удовлетворено. Затем: «После того, что мы сказали видно, что стоимость рабочей силы определяется стоимостью предметов первой необходимости, нужных чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить рабочую силу. Предположим, что среднее количество обычных предметов, необходимых для жизни одного рабочего, требует

для их производства 6 часов среднего труда и воплощены в количестве золота, эквивалентном 3-м шиллингам. Эти 3 шиллинга и будут ценой или денежным выражением однодневной стоимости рабочей силы этого человека».

Дальше Маркс показывает, что остальные 6 часов труда в день рабочий будет создавать прибыль, с чем спорить нельзя, при условии, что первая часть его рассуждения правильна.

Сказав, что 6 часов труда содержат цену золота, равную 3-м шиллингам, Маркс без труда определил цену 1 часа труда в 1/2 шиллинга. Но он вместе с тем утверждает, что эти 3 шиллинга это не цена труда, а цена рабочей силы, и только в этом смысле можно говорить о «стоимости труда».

Но, спрашивается, каким образом можно установить нужно ли рабочему для восстановления рабочей силы именно 3 шиллинга, а не 2 или 4? Нужно ли ему для этого 1 буханку хлеба или 3 буханки с фунтом масла, необходимы ли ему 2 пары ботинок в год или 4, должен ли он прокормить одного ребенка или трех? Возможно, на 1 шиллинг он тоже проживет и восстановит свои силы, питаясь одним картофелем?

Установить такую цену рабочей силы нет совершенно никакой возможности. Действительно, как при такой оценке можно объяснить заработки современных рабочих, выходящие нередко за пределы лишь той суммы, которая необходима для восстановления их рабочей силы, позволяющие купить такие совершенно излишние для этого предметы как холодильник, автомобиль, телевизор — к тому же не являющиеся предметами первой необходимости. Ведь если принять теорию стоимости рабочей силы, то ввиду постоянного уменьшения числа рабочих часов в неделю, уменьшения физического усилия рабочего в результате автоматизации, а с нею и относительной цены предметов первой необходимости, — его зарплата должна была бы постоянно уменьшаться (что Маркс и предсказал), и именно тем быстрее, чем страна развитее. Но сегодня никто не может отрицать, что происходит обратное.

Если Маркс, базируясь на теории стоимости рабочей силы, сделал вывод о неизбежном абсолютном обнищании пролетариата, которое скорее всего произойдет в развитых странах, а, следовательно, революция в них — дело ближайших лет, то Ленин уже должен был говорить лишь об относительном обнищании, которого ему также хватало, чтобы предсказать близкую мировую революцию.

На деле нет ни абсолютного, ни относительного обнищания пролетариата. А если жизнь не подтверждает теорию, то не следует упрямиться и — теорию пересмотреть.

Именно эта, казалось бы безобидная ошибка Маркса стоила неисчислимых разочарований, жертв и просчетов миллионам людей, с нетерпением ожидавших близкого избавления.

А избавление придет, но не из-за обнищания пролетариата, а с совершенно другого, можно сказать — с обратного направления, и именно в высокоразвитых странах. Но об этом — позже.

При самом лучшем желании, не умея определить цену рабочей силы, мы еще не можем признать, что эта цена существует. Сам Маркс указывал лишь нижний предел этой цены — ее минимум, ниже которого уже нельзя опуститься (где он?), и, кстати, сам он дает примеры когда победившая в войне с якобинцами (1815 г.) английская аристократия платила своим трудящимся «ниже минимума» (следовательно — минимума нет), заставляя трудиться «дольше максимума» (в смысле максимальной продолжительности рабочего дня).

А дальше Маркс делает замечание, еще больше затуманивающее понятие цены рабочей силы (кстати, здесь он уже в равной мере пользуется выражением «стоимость труда», понимая под ним «стоимость рабочей силы»): «Параллельно с этим чисто психологическим элементом, стоимость труда определяется в каждой стране традиционным уровнем жизни. Он состоит не только в физическом существовании, но и в удовлетворении определенных нужд, порожденных социальными условиями, в которых люди были воспитаны и живут».

Мы не можем поверить, что Маркс этим хочет сказать будто есть сердобольные патроны, лишь из уважения к традициям повышающие заработки. Мы можем предположить обратное — что наличие традиций создает давление со стороны трудящихся, **требующих** уважения этих традиций, и лишь эта сумма требований, это **давление** трудящихся заставляет патрона повысить заработок.

Итак, где же метод, по которому Маркс обнаружил цену рабочей силы? Мы его еще не имеем, и цифра в 3 шиллинга остается таинственной, неизвестного происхождения. Читаем дальше. И вот, казалось бы, разгадка: «Максимум прибыли ограничен лишь физиологическим минимумом зарплаты и физиологическим максимумом ра-

бочего дня. Ясно, что между этими двумя пределами максимальной прибыли возможно множество вариаций. Ее степень определяется лишь непрерывной борьбой между капиталом и трудом. Капиталист постоянно старается снизить заработки до их физиологического минимума и продлить рабочий день до его физиологического максимума, тогда как рабочий оказывает постоянное давление в обратном направлении. Вопрос сводится к соотношению сил борющихся сторон».

Замечательно! Если граница между «ценой рабочей силы» и прибылью — лишь функция соотношения сил, то нет ни минимума, ни максимума ее, ни какой-либо реальной цены этой «силы», равной сумме цен каких-то таинственных предметов первой необходимости, а есть переменная величина, которая равна сегодня 3-ем шиллингам, а завтра, после забастовки она будет равна 3,5 шиллинга, возможно, послезавтра, в результате кризиса и безработицы упадет до 2-х шиллингов, но через 10 лет, с укреплением профсоюзов, поднимется до 4-х, однако никогда, пока существует патрон, не дойдет до 6-ти шиллингов, и вряд ли даже до 5-ти.

Итак, гениальный Маркс сам исправил свою ошибку, а это значит, что обнищание рабочего класса в развитых странах не произойдет и революции в них по причине обнищания пока ждать не следовало, ибо, к тому же рабочий класс был плохо организован (Парижская Коммуна позднее только подтвердила незрелость пролетариата для победоносной революции и была основана не как результат обнищания, а по причинам политическим — и то и другое признал Маркс в его замечательном труде «Гражданская война во Франции»).

Но, увы!, что же мы читаем дальше? Отметив, что с развитием техники доля постоянного капитала (т. е. цены машин, оборудования и т. д.) по отношению к переменному (т. е. к зарплате) беспрерывно растет, — что увеличивает силу капитала и относительно (механизация!) уменьшает спрос на рабочую силу (еще одна ошибка Маркса), — Маркс делает вывод: «Само развитие современной промышленности должно неизбежно все больше склонять чашу весов в сторону капиталиста за счет рабочего и, следовательно, общей тенденцией капиталистического производства не является рост заработков, а их падение, т. е. доведение стоимости труда, в большей или меньшей мере, до ее самого низкого уровня».

Отсюда Марксу остается один шаг к тому, чтобы

предложить как один из пунктов проекта резолюции, предназначенного для первой конференции Интернационала, следующие слова: «Общей тенденцией капиталистического производства является не рост среднего заработка, а его снижение».

Ошибка! Не на этом нужно было строить революционную стратегию и тактику! Чтобы сделать пролетариат более революционным, вовсе не следовало его пугать обнищанием, ибо от страха перед этим обнищанием пролетариат отдавал слишком много сил экономической борьбе, — а обратить его внимание и на другие аспекты доминизма.

Строя многие из своих предвидений на этом ложном выводе, Маркс переоценил шансы революции, а революционеры действовали в ложном направлении. Революция пришла, но не там где ее ждали, и не такая, о которой мечтали.

Вдобавок кажется странным утверждение Маркса о том, что соотношение сил изменяется в пользу капитала и в ущерб пролетариату, но что, однако, такой ослабленный пролетариат свергнет все усиливающийся капитал. Если принять теорию о все усиливающемся капитале, то следовало бы заявить, что шансы революции тают вместе с силами пролетариата, ибо заявить, что все «слабеющий» пролетариат победит лишь потому, что ему «нечего терять», так же наивно, как утверждать, что голый и безоружный человек победит вооруженного да зубов только потому, что ему «нечего терять».

Мы с этим не согласны.

Силы трудящихся (и не только пролетариата), их сознательность, знания и организованность растут, а силы владельцев капитала, их знания и организационные способности, раньше бывшие их исключительной монополией, все в большей мере переходят в руки трудящихся и соотношение сил меняется в пользу трудящихся. В результате соотношение между зарплатой и прибылью не может не меняться в пользу зарплаты, и поэтому обнищания трудящихся не происходит. И зарплата не является денежным выражением «цены рабочей силы», а просто частью прибавочной стоимости, отражающей соотношение сил между трудящимися и владельцами капитала. В противном случае почему бы не назвать прибыль «ценой патрональной силы», равной сумме цен предметов роскоши и т. д. и т. п. На деле это соотношение можно было бы на-

звать соотношением «силы трудящихся» и «силы патронов». **Только так** можно определить цену рабочей силы. Т. е. она — **товар особого рода**, а не — «как всякий другой...»

В нашем примере степень эксплоатации (или что то же — доля прибыли в каждом часе труда) была равна 40%. Значит «соотношение сил» равно 60 : 40 в пользу трудящихся, причем оно, как и степень эксплоатации, не зависит от коэффициента производительности (или квалификации) так как в принципе (на деле патрон подкупает верхушку), рабочий и высшей и низшей квалификации отдает 40% выработанной им прибавочной стоимости патрону. Как мы видим, эта магическая цифра в 40% вылезает отовсюду.

Полная победа трудящихся будет достигнута, когда это соотношение будет 100 : 0 в пользу трудящихся. А для этого нет другого пути, кроме революционного, означающего изменение самой формулы собственности, на которой основано общество.

❦

Но вернемся к нашему крану, все еще лежащему на складе завода, но уже проданному вместе с другими его собратьями оптовому торговцу.

Прежде чем покинуть этот склад, следуя за краном, который уже грузят на огромный грузовик, поблагодарим патрона кранового завода за гостеприимство и извинимся перед теми патронами, которые не считают себя идеальными, — за не слишком лестные о них высказывания. Что же касается «идеальных» патронов, которых без сомнения подавляющее большинство (хотя нам настолько не повезло в жизни, что мы ни одного из них не встретили и даже перестали верить, что таковые могли бы выжить, как беззубый волк не мог бы выжить среди зубастых), то этим идеальным обижаться не на что — их мы не обидели.

Здесь мы не забудем подчеркнуть, что наш кран — это коллективное дитя **всего** персонала завода, а не только тех, кто этого крана «касался» физически или интеллектуально (рабочий, инженер, счетовод). Уборщица, подметающая бюро, заводской пожарник, сторож и т. д. — все они соучастники создания крана. Никто из персонала не может сказать: «Этот кран сделал я». Прибавочная стоимость заключенная в нем — результат коллективного труда, нечто большее чем простая сумма индивидуальных усилий (при разделении труда 1 + 1 = 3). Именно поэтому мы

начали наши расчеты не с анализа прибавочной стоимости изолированного крана, а наоборот: пришли к отдельному крану, взяв за отправную точку общую продукцию завода и весь его персонал.

С другой стороны, следует отметить, что существуют виды человеческого труда, создающего прибавочную стоимость, не имеющую материального выражения. Если, к примеру, еще можно «потрогать» продукцию фабрики кукол или мастерской марионеток (потребительская ценность этой продукции — в развлечении, в удовольствии которое она доставляет), то прибавочная стоимость, созданная тем кто эти марионетки приводит в движение (т. е. артистом) уже невещественна и труднее поддается измерению. Но тем не менее она вполне реальна, и общая цена билетов, которую коллектив зрителей платит коллективу артистов за спектакль — более или менее верный эквивалент этой стоимости, плода стольких-то часов труда такой-то квалификации.

Так же, к примеру, шофер такси, который трудится порой не меньше чем рабочий у станка, создает прибавочную стоимость, хотя и невещественную, но обладающую потребительскими качествами (экономия времени, удобство передвижения пассажира).

Но — не будем отвлекаться.

Итак, наш кран новенький, блестящий, проданный оптовику за 62 фр. и предназначенный для продажи какой-нибудь домохозяйке, пожелавшей им украсить свою ванную комнату, — готовится к путешествию. Другие ящики таких же кранов остаются на складе и будут отправлены прямо в строительные фирмы, которые установят их в новых домах.

Все эти краны закончили свое физическое превращение и приняли окончательный вид, пропитавшись одновременно прибавочной стоимостью в 62 фр. (из которых 12 фр. «влезли» в кран лишь за время его пребывания на заводе).

Но каждому ясно, что домохозяйка заплатит за него несколько больше. Не значит ли это, что в наш кран впитывается еще какая-то таинственная прибавочная стоимость, хотя с момента его выхода с завода он физически ничуть не изменился?

Так оно и есть. Чтобы превратить воду в пар, недостаточно нагреть ее до 100°С, но нужно добавить еще определенное количество тепла — внутреннее тепло испарения. Точно так же, чтобы превратить продукт труда в

товар и затем в предмет потребления, нужно потратить добавочный труд для передачи этого предмета из рук производителя в руки и собственность потребителя — только тогда он перестает быть товаром и превращается в вещь. Этот добавочный труд добавляет к производственной (или физической) прибавочной стоимости новый вид ее — коммерческую прибавочную стоимость.

Говоря о прибавочном труде коммерциализации, мы имеем в виду лишь социально необходимый труд, а не всяческое разбазаривание труда, к примеру, — рекламу, которая ведется за счет прибыли и не создает никакой прибавочной стоимости, а лишь помогает «вырвать» покупателя из рук конкурентов или заставить его потратиться именно на один вид товара, а не на товар иного типа (в этом смысле мебель — конкурент автомобиля, а не только мебель одного фабриканта — конкурент мебели другого).

В чем же этот труд заключается?

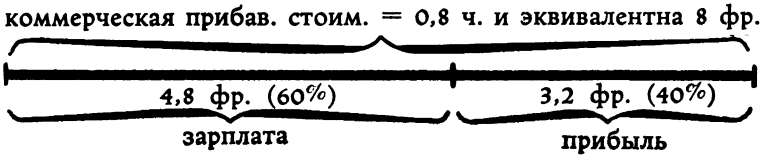
В нашем примере он начался еще на заводе — упаковкой, но чтобы не усложнять анализа мы, ничего не сказав, незаметно включили труд, потраченный на нее в тот час труда, который рабочий потратил на изготовление крана (т. е. за час рабочий сделал кран, полностью изготовил упаковку и упаковал кран в том виде, в каком он оказался на складе). Это был первый шаг. Затем — погрузка, перевозка, разгрузка на оптовом складе, развозка по магазинам и, наконец, — продажа.

Во всех этих процессах трудились грузчики, шоферы, продавщицы, административный и технический персонал. Все они потратили определенное число часов труда на доставку (берется среднее расстояние) и продажу определенного числа кранов. Точно так же, как и на заводе, имелись и капитальные расходы (износ грузовиков, бензин, содержание помещений и т. д.), которые можно перевести в часы, поделив на среднерыночную цену 1 часа труда. Приведя все часы труда к средним рабочим часам, учтя коэффициент квалификации и поделив часы на краны, получим среднюю коммерческую прибавочную стоимость, приходящуюся на один кран.

Предположим, что мы получили 0,8 часа/кран. При среднерыночной цене 1 часа в 10 фр., мы получим $0{,}8 \times 10 = 8$ фр. этой коммерческой прибавочной стоимости. Итого кран должен быть продан за $62 + 8 = 70$ фр. Это его реальная коммерческая цена, а не, как предполагают, — реальная цена плюс дутый барыш коммерсанта, ибо ба-

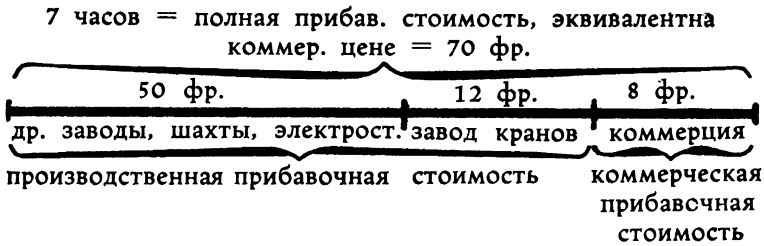
рыш может «раздуваться», в принципе, лишь «внутрь» этих 70 фр. — за счет зарплаты, а не «наружу» — увеличением цены.

Эти добавочные 8 фр. будут, естественно, также разделены на зарплату и прибыль и в той же пропорции что и 12 фр. прибавочной стоимости, выработанной заводом (принцип «автоматической регулировки» степени эксплоатации в разных отраслях). График этого раздела:



Если оптовик и владелец магазина — не одно и то же лицо, то оптовик продаст краны владельцу магазина по цене большей, чем 62 фр. на величину коммерческой прибавочной стоимости, вложенной его персоналом (т. е. если это были 4 фр., то его цена будет 62 + 4 = 66 фр.). В конечном итоге оптовик и владелец магазина поделят между собой прибыль пропорционально числу рабочих часов, вложенных персоналом каждого из них, но результат будет тот же, как если бы оба были одним и тем же лицом.

Окончательная коммерческая цена крана представится так:



Цена эта — реальная и она была бы такой же точно, если бы не существовали патроны, оптовики и прочие доминаторы.

Кража происходит, в принципе, не вздутием цены выше реальной, а внутри этой цены, благодаря изъятию прибыли, которая должна была бы оставаться зарплатой тех кто ее создал. Ошибаются те кто считает, что ликвидация патронов (как класса, — речь не об их физической ликвидации) привела бы к снижению цен. Нет, — цены

остались бы теми же, но заработки увеличились бы на величину прибыли, что не одно и то же (тот кто не работает предпочел бы снижение цен, те кто трудятся предпочтут увеличение заработка, а не облегчение жизни бездельников).

В случае прямой покупки кранов на заводе или у оптовика, скажем, владельцем водопроводной фирмы, «путь» крана короче, труд коммерциализации проще, значит коммерческая прибавочная стоимость меньше и краны будут проданы «со скидкой». Скидка эта лишь кажущаяся. Фактически они всегда, в принципе, продаются в полном согласии с полной прибавочной стоимостью, которую они содержат в каждом случае.

Итак, наш кран лежит на полке магазина и на нем красуется ярлычок с надписью «70 фр.». Нам пришлось хорошо попотеть, чтобы открыть тайну этой цифры, мимоходом обнаружив целый ряд многозначительных явлений, не всегда лестно характеризующих современное общество.

Мы здесь не будем изучать временные колебания цены вокруг этой цифры вследствие того или иного «соотношения сил» между покупателем и продавцом, т. е. между спросом и предложением, колебания приводящие или к «сверхприбыли» или к «недоприбыли» — они не меняют общей картины.

Рабочий завода уже получил свою зарплату за этот кран от патрона, патрон получил свою прибыль от оптовика, оптовик, продав кран хозяину магазина, также получил свою прибыль и уплатил своим рабочим, а хозяин магазина уплатил своим продавщицам.

А кран все лежит. Рядом продается токарный станок, кастрюля, стул, бриллиант и т. д.

Так как сумма цен товаров равна сумме зарплаты и прибыли, распределенной в результате изготовления и доставки этих товаров, то для их продажи необходимо, чтобы **вся** зарплата и **вся** прибыль участвовали в покупке.

Только тогда все предметы будут куплены — жена рабочего купит кастрюлю, шофер купит стул, продавщица купит кран, патрон купит токарный станок для расширения производства и бриллиант для личного накопления, а также должен будет заменить пару износившихся станков новыми, но эти будут оплачены не из прибыли патрона, а из отчислений на капитальные (или материальные)

затраты завода кранов, которые, как мы видели, соответствуют зарплате и прибыли всех предприятий — поставщиков станков, отливок, электроэнергии, и поставщиков этих поставщиков (т. е. и эти капитальные затраты — лишь скрытая зарплата и прибыль иных предприятий).

Хозяин магазина, получив 70 фр. за кран (и если банк не был кредитором во всех предыдущих операциях), отсчитав от них очередную зарплату своим продавщицам и свои капитальные затраты, даст оптовику деньги на закупку нового крана (т. е. 66 фр. — сумму равную 62 фр., которую оптовик заплатит на заводе кранов, плюс сумму соответствующую коммерческой прибавочной стоимости, созданной оптовой фирмой), и у хозяина магазина останется его «законная» прибыль. Оптовик, взяв эти деньги, в свою очередь... и т. д. и т. п.

И, как говорится, «дела идут», что означает, что товарооборот имеет циклический характер. Завод получает заказы, транспорт — грузы, магазины — клиентов. Кто и что может нарушить этот цикл? Труженик тратит обычно всю свою зарплату на потребление и мало что ему остается, а если даже он и откладывает немного в близлежащем банке, то банк эти деньги тотчас ссуживает тому, кто собирается что-то купить (если ссуда идет патрону на дела, приносящие прибыль, банк получает часть ее, если же ссуда идет другому труженику на покупку квартиры — банк получает часть зарплаты труженика — в виде процентов, однако банк сам никакой прибавочной стоимости не создает).

Что касается патрона, то он вовсе не вынужден тратить всю свою прибыль. Купит ли он станок для расширения производства, или предпочтет купить два бриллианта, а может ни того и ни другого, а вышлет свои деньги в швейцарский банк, понадежнее, — это зависит от конъюнктуры и его «вкусов».

Но в случае изъятия им из товарооборота части денег соответствующая ей часть товаров не будет выкуплена, цикл прервется, заказы заводам (в том числе и заводу этого несознательного патрона) уменьшатся, а все что за этим следует — известно.

Что же может произойти, если степень экспоатации уменьшится, т. е. если зарплата увеличится за счет прибыли?

Оставим в стороне возможность временного роста цен, вызванного неожиданным (если он был внезапным) увеличением спроса, которое впоследствии перекроется снижением цен вследствие последующего роста предложения, если другие факторы не вмешаются.

Безусловно спрос на бриллианты уменьшится, но на кастрюли возрастет и если «индустрия» предметов роскоши оскудеет, то вся прочая промышленность оживится. И в целом общество только выиграет, так как распределение богатств будет однороднее (если на улицах бриллианты будут попадаться реже. то зато хорошо одетых людей будет больше — плакать об этом могут лишь грабители всех сортов).

Единственное «но» — это то, что часть прибавочной стоимости должна использоваться для накопления и, разумеется, для публичных нужд (последнее, возможно, в виде налогов с зарплаты).

То есть если всю прибавочную стоимость превратить в зарплату плюс налоги и накопление (не оставляя и его в руках патрона), вытеснив полностью прибыль, — экономика от этого лишь выиграет.

Казалось бы увеличение зарплаты потребует больше денежных знаков. Если при ежемесячной зарплате денежные знаки сделают 12 циклов в год (т. е. оборотов — труженик, магазин, банк, труженик), то платя даже двойную зарплату, но в два срока в месяц, т. е. сократив срок цикла вдвое (т. е. увеличив их число до 24 в год), можно обойтись той же массой денежных знаков. Той же цели может служить расширение оплаты чеками.

В общем — это лишь техническая проблема.

Вывод из всего вышесказанного — уничтожение доминизма будет лишь благословенно для товарооборота.

Рассмотрим как патрон использует прибыль.

Одна ее часть, как мы уже отметили, идет на подкармливание верхушки технического и административного персонала.

Другая часть используется для расширения производства (добавочное оборудование, новые цеха, что является тем видом накопления, который необходим для развития экономики, хотя при доминизме это накопление богатств вокруг доминатора не всегда означает обогащение общества в целом; например, если один доминатор проглотил

другого — от этого польза лишь проглотившему). Во всяком случае эта часть прибыли имеет больше всего «оправданий» быть украденной у трудящихся. В случае если бы трудящиеся сами были владельцами завода, им бы тоже пришлось (но на этот раз для их общего обогащения) откладывать часть заработанных ими денег для накопления, т. е. расширения производства.

Третья часть, вместе с той суммой, которую патрон честно заработал (если он работал вообще-то) идет на его обильное потребление, которое в большой степени имеет характер страховки или откладывания на «черный день», а именно — покупка недвижимости, ценных картин, золота и драгоценностей. Эта часть — самое обыкновенное расточительство за счет обеднения всего остального общества.

Четвертая часть прибыли, личное накопление патрона, нередко уплывает в иностранные банки понадежнее — добавочная страховка от всяких внутренних опасностей и метод укрывания неоглашенных доходов. Эта часть не всегда возвращается в экономику страны, что приводит к нарушению цикла товарооборота. Если такой отплыв значителен — товарообмен в доминистском обществе заторможен и, как выше, цикл — замедление производства, безработица, инфляция — кончается кризисом. В нормальных условиях этот отплыв частично или полностью компенсирован приплывом иностранных сбережений, но когда положение тревожное — все капиталы удирают. Избавить общество от этой проблемы может лишь превращение всей прибавочной стоимости в зарплату, которая не имеет свойств удирать за границу и полностью участвует в товарообороте, что означает — уничтожение прибыли, т. е. и доминизма.

Если вклады делались во внутреннем банке — они продолжают участвовать в товарообороте, будучи использованы банком для оказания кредитов другим патронам или трудящимся.

Очевидно, что между личным потреблением патрона и его личным накоплением трудно установить резкую границу.

Наконец, пятая часть прибыли — налоги. В принципе, налоги — это определенный процент с прибыли, на практике это процент с декларированной, а не с реальной прибыли, ибо патрон имеет все возможности скрыть некоторую ее часть, например, под видом дутой зарплаты членам его семьи, или подставным лицам не участвующим в производстве, или не оформив часть заказов и т. д. и т. п.

Работник такой возможностью не пользуется — вся его зарплата на виду, честно записана в ведомостях завода, открытых для налогового инспектора, и трудящийся платит налоги сполна.

Маленький пример из газеты «Ле Монд» (от 27 февраля 1969 г.) со слов генерального секретаря Ц.Ф.Д.Т. Дэкана: «На одном текстильном предприятии на севере, с персоналом в 100 человек, забастовщики в мае (1968) обнаружили в книгах по отчетности, что персонал имел средний заработок в 600 франков, тогда как каждый из 10 кадров зарабатывал по 6 000 франков в месяц. Все 10 кадров принадлежали к семье патрона, которая таким образом получала столько же, сколько 90 других тружеников этого маленького предприятия».

Последнее не совсем верно, ибо кроме этих 10 × 6 000 = 60 000 фр., записанных в виде дутой зарплаты, семья патрона получила, несомненно, еще и «официальную» прибыль, зарегистрированную в книге оборотов фирмы.

...Пример, который мы предлагаем читателю для упражнений в экономическом анализе.

Но вернемся ко всеми любимой теме налогов.

Налоги используются государством для двух функций: 1) публичной, которая всегда лучше служит патрону, чем рабочему и 2) политической, т. е. функции классового угнетения, которая, разумеется, нужна лишь патрону. Таким образом, платя налоги из своей зарплаты за дубинку, висящую над его головой, труженик обкрадывается второй раз, на сей раз государством, что, в конечном счете, означает — тем же патроном. И этот вид кражи не исчезнет пока жив доминизм (мы уже не говорим о третьей стадии обкрадывания, когда трудящийся как покупатель платит дутые обложения предметов широкого потребления).

Итак, прибыль разбита на следующие части:

1) «подарки» высшим кадрам
2) производственное накопление
3) личное накопление патрона
4) личное потребление патрона
5) налоги.

По сути дела, все части прибыли служат патрону, — если не прямо, то косвенно.

Ничего удивительного: «его» прибыль — ему и служит.

❦

До сих пор мы говорили о случаях «средних» для всей промышленности. Но не все заводы одинаковы и не все коммерческие сети одинаковы.

Одни — «выше» средних, другие — «ниже», так же как и среди рабочих не все — одинаковой квалификации. На одном заводе оборудование и организация лучше, на другом — хуже.

График стоимости крана на «среднем» заводе был таков:

Итого 62 фр. — заводская средняя цена крана, которая установилась на оптовом рынке.

Теперь посетим другой завод кранов. Много факторов могут влиять на его работу в «плохом» направлении: худшая организация труда, наличие лишнего персонала (например, двадцати администраторов вместо социально необходимых при данном уровне «техники администрации» шести), низкая средняя квалификация рабочих (что ведет к повышенному браку отливок, к большему износу станков, к большей затрате электроэнергии), устарелость оборудования (отсюда меньшая производительность, более частые простои из-за ремонтов и т. д.). Причин могут быть десятки, но каждый из недостатков ведет к тому, что график стоимости «ухудшится».

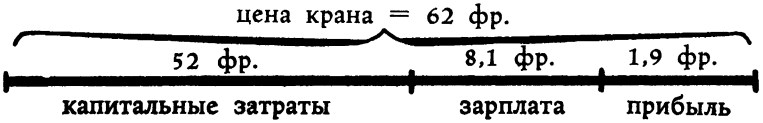
Для простоты примем, что персонал завода имеет те же квалификации и тот же состав, что и на «среднем» заводе, но патрон, оказавшись особенно алчным, использовал для своих личных целей (по-просту говоря — включил в прибыль) отчисления от капитальных затрат, предназначенные для обновления оборудования. Оборудование устарело, часто портится и, естественно, рабочий не в состоянии обработать 9 кранов в 9 часов, а обработает, к примеру, лишь 8. Что касается зарплаты, то в принципе она не может заметно отличаться от средней по промышленности для данной квалификации, ибо (при условии что нет безработицы) это вызвало бы уход рабочего от плохо платящего патрона.

Значит рабочий за 8 кранов получит ту же зарплату, что и его коллега на соседнем «среднем» заводе за 9 кра-

нов, т. е. на плохом заводе зарплата, приходящаяся на один кран, будет не 7,2 фр., а $7{,}2 \times \frac{9}{8} = 8{,}1$ фр.

Худшее оборудование означает также, что отливки кранов чаще портятся при обработке, станки потребляют больше электроэнергии и, если даже отчисления на замену станка и вовсе не делаются, — сумма капитальных затрат может возрасти.

Примем что она возросла до 52 фр. Тогда, не забывая что заводская цена крана не может быть больше 62 фр. (оптовик не заплатит больше, ибо по такой цене он покупает краны всюду), наш график станет таким:



Патрону осталось лишь 1,9 фр. Значит патрон плохого завода получил меньше прибыли с крана, а учтя, что кроме того количество кранов, выпущенных его заводом также меньше (800 — вместо 900 на среднем заводе), то и масса прибыли уменьшится еще больше: $1{,}9 \times 800 = 1520$ фр. в день (вместо 4 320 фр. на среднем заводе) и он будет много «беднее» среднего патрона.

Присвоив 1 фр., предназначенный на обновление станков, он теряет $4{,}8 - 1{,}9 = 2{,}9$ фр. прибыли с одного крана, и к тому же продает меньше кранов, чем его коллега средней жадности.

Такие же точно рассуждения можно применить и к оптовику, и к владельцу магазина, так же зажатым пределами средней коммерческой прибавочной стоимости, т. е. им нужно уложиться между твердой ценой рынка в 70 фр. и заводской столь же жесткой ценой в 62 фр. и им обоим даны для всех маневров 8 фр. разницы.

Но мы рассмотрели этот случай не для того, чтобы давать уроки морали патронам, что было бы совершенно пустой тратой времени, а чтобы понять как они друг друга съедают вместе с потрохами, а также чтобы знать как должны будут поступать трудящиеся во времена, когда понятие «патрон» перейдет в категорию анахронизмов и этим словом будут пугать маленьких детей («если не будешь кушать, то придет патрон и съест тебя!»).

Как мы видим, наш плохой патрон еще может жить (впроголодь, правда), ибо ему остается кое-какая прибыль, и если он вовремя догадается посвятить все свои деньги на обновление оборудования (желаем ему от всей души сделать это еще перед революцией), — то есть надежда, что он вытянет свой завод. Но — еще один недочет в организации производства, и сумма капитальных затрат с зарплатой превысит цену крана и этот бедный патрон не только лишится прибыли (что никого бы не огорчило, кроме него самого и сборщика налогов), но не будет в состоянии оплатить рабочих, электроэнергию, материалы.

Оказавшись всем должен, он, чтобы расплатиться, вынужден будет продать свой завод более ловкому патрону. Или государство переймет завод в уплату долгов, само становясь патроном, — и именно так обычно происходит национализация в патроналистском обществе (пример: национализация английской фирмы Рольс-Ройс в феврале 1971 г.).

Чаще всего такая национализация происходит в отраслях, в которых по самой их технической природе нужны огромные капитальные затраты при небольшой, по сравнению с ними, прибыли (железные дороги, шахты, телефонная, газовая, водопроводная и электрическая сети, авиационная и атомная индустрия), и где злополучная тенденция патронов проглатывать отчисления на обновление оборудования особенно вредна.

К тому же начать «дело» в этих отраслях много труднее, ибо требуются значительные начальные капиталы, поэтому новые отрасли промышленности (к примеру, атомная) уже с начала рождаются как государственные.

Государство, обладая огромными доходами, собираемыми в виде налогов как с прибыли, так и с зарплаты, способно основывать и вести эти отрасли, и даже может ограничить свои аппетиты и делать необходимые отчисления, обладая более «широкой натурой» (мы не говорим о вопросах, касающихся зарплаты), чем патроны.

Но это не значит, что только оно и способно на это, ибо есть и другой хозяин способный вести эти отрасли. Но здесь мы уже забегаем вперед.

Вернемся к плохому заводу.

Как должны были бы вести себя его труженики, если бы они стали собственниками? Если бы такое чудо случилось на среднем заводе, то, как мы видели, его труженики могли бы, практически, увеличить свою зарплату на 55-60%. Но на «плохом» заводе они могли бы увеличить

свою зарплату (8,1 фр. за кран) всего лишь на величину соответствующую скудной прибыли экс-патрона (1,9 фр.), т. е. максимум на (1,9 : 8,1) × 100 = 23,5%. Если же учесть, что им кроме накопления еще необходимо срочно сменить оборудование, то практически увеличение их зарплаты более чем на 10-15% было бы губительным для новых владельцев.

Только лишь обновив оборудование и достигнув, по меньшей мере, средней производительности, они могли бы увеличить зарплату в значительной степени, догнав в этом отношении другие заводы.

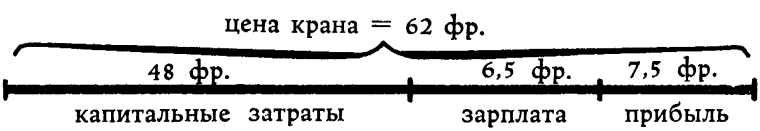
❦

А теперь посмотрим, что происходит на заводе, где дела идут «выше» среднего и где патрон имеет более упитанный вид.

И здесь те же факторы, но в положительном направлении изменят график цены крана.

Если этим фактором явилось лучшее, более совершенное оборудование, то он, этот фактор, уменьшит брак, расход электроэнергии и, вместе с отчислениями на износ станков, капитальные затраты будут меньше, к примеру они станут равными 48 фр. Количество кранов выпущенных заводом, при том же персонале, увеличится, — к примеру, вместо 9 кранов 1 рабочий изготавливает 10 кранов в день (примем для простоты расчета, что производительность служащих тоже увеличилась пропорционально), но так как зарплату хозяин платит среднюю по промышленности, т. е. такую же как и рабочему той же квалификации на среднем заводе, изготавливающему 9 кранов в день, то зарплата приходящаяся на 1 кран здесь уменьшится и будет равна (9 : 10) × 7,2 = 6,5 фр.

Тогда, оставив заводскую цену той же, получим следующий график:



Значит прибыль патрона здесь выше средней и, при той же дневной зарплате трудящихся, степень эксплоатации здесь выше. Здесь максимальное увеличение зарпла-

ты могло бы быть (7,5 : 6,5) × 100 = 115% или, вычтя необходимые накопления, оно было бы порядка 100%.

Масса прибыли патрона будет равна 7,5 фр. × 1000 кранов = 7 500 фр. в день по сравнению с 4 320 фр. на среднем заводе. По всей видимости этот «богатый» патрон и будет покупателем завода, принадлежавшего «бедному патрону», или же они заключат между собой «союз всадника с лошадью», объединив заводы. «Бедный» завод будет переоборудован или же попросту ликвидирован, что избавит «богатого» патрона от конкурента и увеличит число заказов его заводу.

Он может применить и другой метод избавления от конкурента — начать продавать краны по цене ниже рыночной и, этим перехватив заказы, быстро разорить слабого конкурента, который не сможет продавать свои и без того малоприбыльные краны, или же вынужден будет их продавать по новой, низшей цене, но уже вовсе без прибыли или даже в убыток: чтобы вернуть хотя бы часть вложенного в них. Такая продажа практикуется, и иногда снижение цены вследствие этого может перекрыть девальвационную тенденцию и цена товара на рынке упадет, приблизившись к реальной прибавочной стоимости кранов «лучших» заводов (которая ниже средней, ибо на производство крана там тратится меньше времени).

❦

Этот «могучий» патрон (как, впрочем, и другие его коллеги) во сне и наяву мечтает стать единственным фабрикантом кранов в мире. Не имея конкурентов, т. е. став монополистом, он бы заполучил все, все, все заказы и мог бы сделать чудо: поднять цену крана выше его реальной прибавочной стоимости (что означает — продавать 1 час рабочего времени по цене выше рыночной) заполучив добавочную сказочную прибыль, которая позволила бы ему устроить себе маленький коммунизм — личную уборную из золота или что-нибудь в этом же роде.

Если бы это чудо удалось ему и другим его коллегам (речь не об уборной, а о повышении цены), это привело бы лишь к относительному обеднению наиболее верного покупателя — трудящегося (пользующегося хотя и простыми уборными, но в большом количестве), к упадку рационализации, ненужной ввиду отсутствия конкурентов, к разрыву цикла товарооборота и к кризису (вот когда зо-

лотая уборная может спасти! вот что значит быть запасливым!).

Таким образом, если некоторая концентрация патроналистской промышленности содействует рационализации, то излишняя (образование монополий), приносит лишь вред и хозяйству в целом, и трудящимся, да и в конечном счете самому капиталисту.

Но он этого знать не хочет и старается изо всех сил стать монополистом, скупая заводы или объединяясь с одними конкурентами против других.

Заводы укрупняются, появляются тресты, концерны, компании, в общем — происходит концентрация капиталов. Борьба крупных акул, клик, кланов становится все ожесточеннее, одинокий патрон уже чувствует себя беззащитным и спешит присоединиться к одному из кланов, пока его не раздавили его многоуважаемые коллеги.

Так что разный уровень предприятий в той же отрасли и конкуренция автоматически ведут к устранению слабых и к концентрации капиталов.

Но чтобы стать этим сильным — нужно беспрерывно улучшать оборудование, организацию, производительность, и в этой погоне за рациональностью — главная сила патронализма. По мере того как «слабые» предприятия исчезают, средние тоже **вынуждены** поднимать свою производительность, ибо теперь — они последние в списке, а последние обречены. Число предприятий уменьшается, но их размеры и производительность растут.

Прогресс такого общества напоминает продвижение колонны, в которой слабые и отстающие умерщвляются или съедаются сильными. Естественно, что в ней царит волчий дух, эгоизм, жестокость, но ее движение вперед непрекленно, хотя и неровно.

❦

Подобная борьба происходит и на ином уровне. Разные национальные колонны продвигаются с разной скоростью, одни вырываются вперед, другие отстают. Те кто отстал много, вынуждены догонять бегом, не останавливаясь ни для трапезы, ни для отдыха. На такой бег патронализм не способен, ибо он, чтобы продвинуться вперед должен сначала «съесть» все что он произвел и особенно много энергии тратит на то чтобы накормить прожорливых «сильных».

В отставшей колонне строй, виновный в отставании,

сметается и на его место устанавливается другая общественная система, более пригодная к бегу. Но о ней — речь будет позже.

Почему европейские страны в последние тысячелетия развивались быстрее других?

Возможно благодаря умеренности климата — не слишком мягкого и щедрого, чтобы сделать человека беспечным и ленивым, но достаточно трудного, чтобы требовать от него некоторого усилия воли и мысли для борьбы за существование; но и не слишком сурового, чтобы борьба с природой отнимала все его силы. Действительно, такой умеренностью климата не может похвастаться ни один континент (если не говорить о двух районах средних широт Северной и Южной Америки, которые в момент завоевания европейцами были-таки заселены племенами сравнительно высокой культуры).

Разницу же в развитии отдельных стран европейского континента объяснить еще труднее. Возможно влияло их более или менее центральное положение, расположение торговых путей, рельеф, микроклимат, плодородность почвы, меняющаяся с техникой важность тех или иных природных ресурсов или средств транспорта, захват богатых колоний, — в общем целый ряд постоянных и временных факторов, сумма которых благоприятствовала то одному, то другому государству, помогая ему временно вырваться вперед, после чего другие государства спешили его догнать и оттеснить.

Во всяком случае, в наши времена все большего обмена товарами, знаниями, людьми, все более развитой коммуникации (во всех смыслах), все большей специализации и взаимной зависимости стран — разница в их развитии становится все более недопустимой, и поэтому именно отставшие страны все чаще прибегают к «системе бега». Ибо помощь отставшим народам со стороны опередивших так же редка и неискренна, как и помощь отставшим предприятиям.

В нынешнем мире каждый народ может расчитывать, в основном, лишь на свои собственные силы, ибо, в конце концов, никто не сможет ему «прислать» миллионы и миллионы часов труда, необходимых для того чтобы догнать развитые страны. Никакая заграничная помощь никогда еще не вывела из состояния отсталости народ, не сделавший сам усилий для этого. Напротив, народ, мобилизовавший все свои силы для развития, может, хотя и боль-

шей ценой, сам, без всякой помощи вырваться из отсталости, и этому примеры имеются.

❦

Прежде чем идти дальше, рассмотрим что же дала монопатроналистская форма собственности или, как мы классифицировали соответствующее ей общество — либеральный монодоминизм. По сути дела, многие ее достоинства и недостатки мы рассмотрели по ходу этой главы. По словам Маркса, главным достоинством системы, в которой эта форма собственности господствует и которую обычно называют капитализмом — было то, что она создала своего могильщика — пролетариат, понимая под ним физических работников, лишенных средств производства и работающих по найму у владельцев промышленного капитала.

Маркс предполагал, что там где пролетариат будет наиболее многочисленным и где он будет приведен к большей нищете относительно более сильными владельцами капитала, т. е. по его мнению в наиболее развитых странах, там он, пролетариат, свергнет владельцев капитала и установит свою власть на время, необходимое для ликвидации классов, после чего будет создано счастливое свободное общество, — коммунизм, в котором труженики станут владельцами средств производства и, значит, эксплоатация, неравенство и система зарплаты исчезнут, а государство отомрет как ненужное.

По всей видимости Маркс ошибся?

Ибо революция произошла прежде всего в странах отсталых, полуфеодальных (Россия, Китай, Югославия, Вьетнам, Куба, не считая Корею и те страны Восточной Европы, перемена строя в которых приизошла не в результате революции, а вследствие вмешательства извне), находившихся на начальной стадии патронализма и в которых рабочий класс был крайне молод и немногочислен. Хотя он и явился ядром революционой армии, главной ее массой было крестьянство, руководство же ею осуществляли представители той части интеллигенции, которая (вместе с наиболее образованными рабочими) сознавала необходимость изменения отсталой общественной системы.

И оказалась эта революционная сила в большей мере могильщиком серьезных остатков феодализма и колониализма, чем лишь начавшего развиваться капитализма.

Можно ли утверждать, что в результате революции хотя бы в одной из этих стран была установлена диктатура пролетариата? Ни в одной из них пролетариат не является владельцем средств производства (даже в Югославии рабочее самоуправление весьма поверхностно), и тем более не управляет государством. Ибо тот, кто считает себя марксистом, должен согласиться, что государством не может управлять, ни тем более осуществлять диктатуру в течение долгого периода никакой другой класс, кроме того, который владеет основной массой средств производства. Ведь государство — для марксиста — это не что иное, как аппарат власти класса-владельца этих средств над классами их лишенными (если этой власти нет, государство следует называть иначе).

А если пролетариат **ничем не владеет, ничего не решает и ничего не может изменить,** значит утверждать, что он осуществляет диктатуру — полнейший абсурд, насмешка над пролетариатом.

Владелец — **кто-то другой,** в чьих руках реальная власть, реальная собственность, но об этом речь будет отдельно.

Получается так, что предвидения Маркса не сбылись ни в том, что касается места революции, ни ее характера, ибо кто-то другой, а не пролетариат захватил власть и средства производства.

И вот тут-то мы беремся опровергнуть одновременно:

1) тех кто утверждает, что происшедшие революции — это именно те, которые предвидел Маркс — т. е. фальсификаторов марксизма, и
2) тех кто уверяет, что Маркс совершенно ошибся в в своих предвидениях — т. е. ликвидаторов марксизма.

Мы беремся доказать:

1) что эти революции — это не те, которые имел в виду Маркс, ибо они, уничтожив одну форму доминизма, заменили ее другой (которой Маркс не предвидел), позволяющей более быстрый выход из состояния отсталости, а не полное уничтожение неравенства и эксплоатации, возможное не раньше, чем после выхода из этого состояния;
2) что революция, которая уничтожит всякую форму доминизма произойдет там, где трудящиеся классы наиболее сильны и сознательны, т. е. сна-

чала в высокоразвитых странах — а это означает, что (с некоторыми поправками на изменения за истекшие 100 лет, и без теории обнищания) Маркс был совершенно прав в этом своем предвидении — и время его осуществления приближается;

3) что вред тех кто, как попугаи, повторяет (и чаще со злым умыслом, чем по глупости или по ошибке) некоторые устаревшие идеи марксизма — может быть сравнен лишь со слепотой тех, кто вместе с устаревшими отбрасывает и основные идеи марксизма.

Со времен Маркса революция, которую он предвидел, не произошла потому, что патронализм тогда еще не исчерпал всех своих возможностей рационализации, а «могильщик», не был достаточно зрелым, не обладал ни достаточными знаниями, ни достаточной организованностью, чтобы управлять сам, без доминаторов — т. е. чтобы уничтожить доминизм всякого рода. Что же касается — «обнищания», которое должно было толкнуть пролетариат к революции, то произошло не оно, а нечто обратное, что не помешает революции, но явится источником действительной зрелости пролетариата и, наряду с другими причинами, приведет к антидоминистской революции именно в развитых странах, а не там где пролетариат беден и необразован.

Кажется, сам Ленин произнес замечательные слова: «Без знаний нет коммунизма!», слова, к которым мы полностью присоединяемся, если Ленин, говоря о коммунизме, имел в виду общество без всякой доминации и эксплоатации, т. е. общество без доминаторов.

Чтобы не употреблять затасканное до неузнаваемости слово «коммунизм» и чтобы подчеркнуть полное отсутствие доминаторов мы бы такую общественную систему временно назвали «эгалитаризмом», — слово, в нашем понятии не имеющее ничего общего с «уравниловкой», т. е. с анархической «равной оплатой» для всех (за неравный труд?), что было бы новой несправедливостью, которая привела бы лишь к снижению производительности труда и обнищанию общества.

В нашем переводе ленинская фраза будет звучать так: «Без знаний нет эгалитаризма!» И означает она, что переход к эгалитаризму возможен лишь там где **трудящиеся** обладают достаточными знаниями, чтобы управлять страной и хозяйством сами, без ничьей «помощи сверху».

Прежде чем перейти к попыткам предвидения на «завтра», нам осталось изучить новые формы собственности, возникшие «после Маркса» как в развитых странах, так и в тех ранее отсталых странах, где революция смела старые формы собственности, хотя не уничтожила доминизм.

Глава третья

«СЕГОДНЯ»

(МУЛЬТИПАТРОНАЛИЗМ ИЛИ ГРУПП-ДОМИНИЗМ)

	стр.
«Семья» патронов	97
Формула и название	98
Патронализм монополистический?	99
...Финансовый?	100
Общество потребления?	101
...Сексуальной репрессии?	102
...Империализма?	103
...Господства машины?	104
Главные черты групп-доминизма	104
Знания — новая сила трудящихся	104
Студенты и интеллигенция — новая революционная сила, искренние друзья рабочих	106
Могут ли трудящиеся сами, без патронов, управлять предприятиями? Не только могут, но и должны	109
Кому принадлежит национализированный сектор?	111
Не совсем новая форма собственности — класс-доминистская, ее формула	114
Была ли бы прогрессивной национализация групп-доминистской собственности?	115
Направление — на эгалитаризм!	117
Что остается делать доминаторам?	118
Доминация без эксплоатации?	121
Зерна эгалитаризма	121

Те страны, которые избавившись от феодализма, раньше других перешли к патронализму, не должны были никого «догонять» и продолжали свой путь не спеша, но довольно быстро, хотя и неравномерно. Развившись и развив промышленность, использовав полностью свои, однако, ограниченные возможности — монопатронализм начал и сам перерождаться. Свойственные ему тенденции конкуренции и рационализации приводили ко все большей концентрации капитала в одних руках и ко все большему воссоединению этих капиталов в отдельные конкурирующие группы, тресты, концерны. Иначе говоря, сильные «съедали» слабых и объединялись с другими сильными, чтобы еще более сильный не съел и их в свою очередь. Так, постепенно, такое явление как отдельный патрон исчезало в основных отраслях промышленности, сохраняясь однако в побочных — в «мертвых зонах», там, где рационализация еще трудноосуществима. Точно так же как патрон когда-то оттеснял ремесленника в побочные отрасли, так и теперь он сам оттесняется группой патронов.

Казалось бы «один патрон» или «группа патронов» — разница лишь количественная. На деле — разница не меньшая, чем между отдельным крестьянином и кооперативом крестьян или между отдельным моноэгалитарным ремесленником и групп-эгалитарной общиной. Переход количества в новое качество проявляет себя и здесь.

Когда отдельные лица объединяются в группу — кроме личных интересов появляются интересы группы, которые не просто сумма личных интересов, а нечто новое, большее этой суммы, нечто ради чего могут быть даже пожертвованы личные интересы. Так же как, скажем, интересы семьи — не просто сумма интересов ее членов, ни тем более — сумма тех устремлений, которыми обладали мужчина и женщина до их свадьбы, а нечто новое, качественно отличное от этой суммы.

Патроны, «поженившись», перестают быть «холостяками» и составляют «семью». Если раньше, будучи «холостяком», патрон обладал полной свободой на своем предприятии и мог даже его продать, то, войдя в «семью» патронов, он уже не мог ни принимать единоличных ре-

шений, ни продать всего предприятия, ни даже «куска» его, а мог лишь продать свои акции, т. е. права на часть прибыли, пропорциональную вложенным им в предприятие капиталам. Если завод, которым владеет «монопатрон» является единоличной частной собственностью, то завод во владении группы патронов, т. е. «мультипатрона» («мульти» по-латыни — несколько, много) является уже собственностью коллективной, а не частной, единоличной. Каждый член «семейки» имеет право голоса при принятии решений, пропорциональное сумме акций, находящихся в его владении. Лишь в случае, если один из патронов концентрирует в своих руках больше 50% акций — он полновластен в принятии решений, но и тогда не может продать все предприятие, а лишь свои акции. Однако такой патрон имеет почти неограниченные возможности заставить других компаньонов делать то, что ему угодно. Даже если ни один из членов группы патронов не имеет больше 50% акций, несколько наиболее «жирных», объединив усилия, достигают этой цифры и правят всеми делами фирмы, мало считаясь со всякой прочей «мелочью», а нередко и обкрадывая эту «мелюзгу». Так что внутри самой группы доминаторов также существует неравенство и доминация, что вполне естественно, — в стаде волков не могут править никакие другие законы, кроме волчьих.

Что касается «овец», то им все равно: или сотней овец правит один волк, или тысячей — десять волков. Отношения собственности изменились в среде патронов, но отношения между ними и трудящимися остались точно те же и эксплоатация не изменилась. Поэтому для трудящихся новая коллективная форма собственности имеет точно тот же запах, что и старая частная, и обычно попрежнему называется всеми «частной».

Все что мы говорили о прибавочной стоимости, цене, зарплате и прибыли, анализируя монодоминистскую собственность, остается в силе и здесь. Разница лишь в том, что прибыль не достается только одному патрону, а группе патронов, распределяющих ее между собой пропорционально их капиталовложениям.

❦

Основную характеристику этой новой формы собственности можно определить так: группа доминаторов в совместном коллективном владении средств производства.

Если, по аналогии со случаем групп-эгалитарной соб-

ственности, обозначить понятие «группа доминаторов, объединенных правами собственности» двойной буквой Д, а «средства производства в коллективном владении» — двойным М, и если учесть, что трудящиеся и в данном случае не объединены никаким правом собственности на средства производства, ибо попрежнему лишены ее, то формулой нового вида собственности будет:

$$ДД \rightarrow ММ \rightarrow Т$$

Назвать эту форму собственности согласно формуле следовало бы групп-доминистской, а согласно названию владельцев капитала — групп-патроналистской или мультипатроналистской.

Ввиду того, что появление этой формы собственности связано с концентрацией капиталов, укрупнением предприятий, их объединением в группы, компании, концерны, увеличением капиталовложений и вытекающим из этого усилением роли банков, — общество, в котором эта форма господствует, называлось то монополистическим (Ленин), то финансовым капитализмом (Троцкий).

И то и другое — неверно.

❦

Монополия означает исключительное право продажи на рынке определенного продукта лишь единственной фирмой, без всякой конкуренции, а значит и без контроля цен. Ленин предполагал, что процесс концентрации капиталов не остановится, пока на рынке в данной отрасли промышленности данной страны или группы стран не останется всего 1 концерн (монополист!). Уже прошло полсотни лет со времен, когда это было сказано, но до сих пор не существует ни одной отрасли промышленности ни в одной стране, где бы господствовала исключительная монополия одного концерна (если не говорить об отраслях «национализированных» — как в странах патронализма, так и в странах «социализма», но в обоих случаях — это уже другая форма собственности, о которой речь будет позже).

В чем же дело? Ведь логически всякая концентрация должна привести к тому моменту, когда два последних конкурента сливаются, создав эту самую монополию, и тогда конкуренция исчезает, а цены тотчас подскакивают.

Почему же этого не случается?

Не нужно забывать, что вся концентрация происходит в результате отчаянной борьбы между конкурентами, а если и заключается союз двух, то причина его — страх перед третьим, а не взаимная любовь. Поэтому когда на рынке остаются лицом к лицу два конкурента — между ними не могут быть другие отношения, кроме вражды, а если бывают тайные договоры о ценах или разделе рынка, то они неискренни и не соблюдаются, т. к. по самой своей природе каждый из конкурентов использует все методы для ослабления другого и единственный возможный вид «слияния» между ними — это проглот одного другим (характерна история неудавшегося «проглота» одного из двух последних конкурентов в стекольной промышленности Франции — компании «Сен-Гобэн» компанией Б.С.Н.).

Но мультипатроны из всех других отраслей промышленности (каждый из которых мечтает проглотить всех конкурентов в своей отрасли) совсем не заинтересованы, чтобы в «чужой» отрасли установилась монополия, и всем им пришлось бы платить повышенные цены за материалы для производства, изготовляемые в этой монопольной отрасли.

А если «все» против одного, то и государство тоже, ибо оно — это сумма всех патронов и само — тоже патрон, к тому же единственный, которому позволено быть монополистом. И оно, государство, строго следит чтобы нигде не установилась монополия — или вводя антимонопольные законы (США), или поддерживая более слабого из двух-трех последних конкурентов — уколами денежных субсидий или государственных заказов. И, на практике, всегда остаются две, три крупные компании в каждой отрасли, которые не спешат слиться. Часто одна компания имеет предприятия в разных отраслях и в разных странах, однако нигде не становясь монополистом.

А, значит, при всей концентрации не происходит монополизации там, где господствует групп-доминистская собственность, — следовательно капитализм этот нельзя назвать монополистическим.

***

Теперь — почему он не «финансовый» согласно Троцкому (который, кстати, не стеснялся называть этот капитализм десятками и других названий — хороший оратор никогда не лезет в карман за словом)?

Как мы говорили, роль финансового капитала (банков) увеличивается пропорционально увеличению капитальных затрат предприятий (ввиду усложнения оборудования с развитием техники). Однако банки не создают никаких продуктов и почти никакой прибавочной стоимости, а живут, как паразиты, за счет прибыли и зарплаты других, взимая проценты за ссуду денег (играя впрочем и полезную роль в облегчении денежных операций и поддержке товарного цикла — отнюда наше «почти» в начале фразы). Они, как шакалы, пользуются остатками трапезы льва, даже иногда осмеливаются вырывать у льва целые куски. Но даже очень ожирев, они знают, что без льва-производства они погибнут.

Главной силой всегда остается производство и даже если банк сам покупает завод, то он этим переплавил финансовый капитал в промышленный, а вовсе не наоборот, ибо завод не может стать «финансовым», как и банк продуктивным.

Финансы всегда были и остаются вторичной, подчиненной сферой по сравнению с производством. Поэтому новый капитализм никак не следует называть «финансовым».

❦

Есть еще одно, довольно модное для этого неокапитализма название — «общество потребления». Очевидно, что стадия потребления в товарном цикле этого общества (производство — деньги — потребление — деньги — производство) является важной и необходимой. Но, во-первых, и здесь, как и в любом другом обществе — главным звеном остается производство, а во-вторых, потребление играло не менее важную роль и во всех предыдущих обществах, и не исчезнет и в будущих, ибо в конечном счете производство всегда служило и **будет** служить для создания предметов потребления (даже если и исчезнет нынешняя цель этого создания — прибыль).

Сегодняшние «борцы с потреблением» были бы похожи на рыб, поднявших восстание против червяков по той причине, что червячки иногда бывают насажены на крючки, вместо того, чтобы восстать против тех кто этих червячков насаживает на крючки. Пока «рыбаки» существуют они будут использовать все, все, все средства, а не только потребление, чтобы поймать на крючок бедных рыбок, и если из всех этих приманок наиболее соблазнительная

это червячок-потребление, то все же не оно — самая характерная черта и самое большое зло этого общества. Поэтому мы не согласимся называть новый капитализм «обществом потребления».

❋

Существуют и другие очень модные теории (как «модно» все что связано с сексом), утверждающие, что главной чертой нового общества является «сексуальная репрессия» — бедных тружеников заставляют слишком долго работать и им не оставляют времени заниматься любовью, тогда как работой должны заниматься машины, а труд — не в натуре человека, его удел — любовь, отдых, развлечения.

Даже если согласиться с господами, выдвинувшими эти теории, то нельзя понять как можно, уткнувшись носом в сексуальные неувязки, которые являются несомненно вторичными явлениями, которые — результат, а не причина античеловечного устройства общества, — как можно с их помощью изменить это общество?

К тому же мы считаем, что труд является столь же натуральным состоянием всякого общественного животного (люди, пчелы, муравьи, термиты и т. д.), как и любовь и отдых, а интересный, свободный, веселый труд может доставить не меньшее удовлетворение, чем любовь и отдых.

И никогда машины не заменят человеческий труд, — они могут лишь его облегчить, сократить его длительность, но **никогда** — даже через 1000 лет — его не заменят. Все что люди могут и должны сделать — это освободить труд, сократить его длительность, сделать его увлекательным и приятным, и прекратить деление людей на физических и умственных работников, распространив знания всем, а не только некоторым. А все это возможно только после радикальной перестройки общества, в котором главным корнем зла является доминизм с его двумя главными чертами — доминацией и эксплоатацией, а все остальное — лишь следствие этого. И тот, кто воюет со следствиями, принимая их за причину — борется с высохшими деревьями, обвиняя их в том, что они вызвали засуху.

Таким образом, утверждать что «сексуальная репрессия» — основная черта нового капитализма — мы также отказываемся.

❋

Некоторые называют (по Ленину) высшую стадию капитализма попросту империализмом.

Империализм — это не что иное, как доминизм одной нации цо отношению к другим (причем трудящиеся нации-доминатора также пользуются крохами прибыли от эксплоатации угнетенного народа).

Произошло ли усиление этого доминизма в наше время, стал ли он самой характерной чертой неокапитализма?

Следует заметить, что формы империализма всегда «отставали по фазе» по сравнению с общественным строем нации-доминатора. Когда в ней господствовал феодализм, ее форма владения колониями была рабовладельческой, когда доминатор стал патроном, — в колониях постепенно вводился феодализм, а в наше время нации, находящиеся в стадии групп-доминизма, «освободили» свои колонии, установив с ними отношения типа «патрон — трудящийся», т. е. монопатроналистского типа. Все эти переходы — результат не только борьбы колониальных народов, но и перерождения доминаторов, понявших, что более «модерные» формы эксплоатации просто выгоднее (мораль и совесть в этой, всегда запаздывающей либерализации не играют абсолютно никакой роли). Однако империализм, меняя лицо, всегда оставался доминатором, к тому же всегда устаревшего, более бесчеловечного образца.

Всегда нация, в которой доминизм более совершенного типа будет доминировать ту, в которой он более отсталый, и даже если он того же типа, — нация более «сильная» будет доминировать более слабую — в явном или прикрытом виде — и империализм не исчезнет, пока жив доминизм в той или иной форме (включая и доминизм «социалистический»).

Однако интенсивность империалистического угнетения уменьшается по мере развития отсталых наций и усиления их сопротивления, а доля «прибыли от империализма» в национальном продукте тает, — если не в абсолютной величине, то в относительной. Главной, и все более важной частью производства является производство в самой нации, а «побочные заработки» от империалистической эксплоатации подчиненных народов становятся все труднее осуществимыми (пример: постепенное вытеснение западных нефтяных компаний из экс-колоний), т. е. степень этой эксплоатации и ее роль уменьшаются.

Поэтому и эту черту неокапитализма — его несомненный империалистический характер — мы не можем при-

знать наиболее важной, и называть его просто империализмом было бы неверно.

❦

Что касается разговоров об «обществе, в котором человек порабощен машиной», то их можно объяснить лишь наивностью или желанием скрыть тот факт, что **ничто и никто не может поработить человека, кроме самого человека,** а машина может быть не более чем «посредником», средством этого порабощения, если она — собственность другого человека, группы людей или целого класса.

К тому же если эта машина — средство производства, а не потребления.

❦

Итак, главными чертами неокапитализма остаются (как и всякого доминизма) — доминация и эксплоатация, а главной особенностью, отличающей этот доминизм от других, является групп-доминистская форма собственности на средства производства. Эта характеристика — необходимая и достаточная, чтобы вкратце охарактеризовать «неокапитализм».

Кстати, чтобы не шокировать широкую публику, привыкшую к слову «капитализм», мы соглашаемся употреблять его, чтобы одним словом объять одновременно две системы — либеральный монодоминизм (т. е. «классический капитализм», он же монопатронализм) и групп-доминизм («монополистический капитализм», он же мультипатронализм), однако, не отказывая себе в удовольствии называть обе эти системы просто патронализмом. Тем более, что никакой резкой границы между либеральным монодоминизмом и групп-доминизмом искать не приходится и переход от одной формы собственности к другой происходит без всякой революции, эволюционным путем, в результате бескровной борьбы между патронами. Но связанная с этим переходом усиленная рационализация производства приводит к существенным изменениям в обществе.

❦

Мы говорили, что, несмотря на концентрацию, в мультипатроналистском обществе монополизации не происходит. В то же время в одной очень и очень важной об-

ласти происходит обратный процесс — «демонополизация», деконцентрация — и он-то и послужит главным источником гибели этой формы собственности и доминизма вообще.

Область, о которой мы говорили, это — область знаний.

Поясним. В обществе монопатроналистском и, тем более, в предшествовавших ему обществах, знания были почти исключительной монополией доминаторов. Доступ к образованию был закрыт всем, кроме детей из «высшего общества», т. е. наследников доминаторов. Совсем недавно (100-200 лет тому назад) исключительными «владельцами» знаний были доминаторы. и только они были способны управлять хозяйством, государством, армией, а без доминаторов трудящиеся были бы беспомощны, как птенцы не умеющие летать.

Доминаторы очень хорошо сознавали силу знаний и, пока это было возможно, делали из области знаний запретную зону для трудящихся.

Но развитие промышленности уже на уровне монопатронализма требовало все большего числа грамотных исполнителей, мастеров, специалистов, ученых, — и сам доминатор не мог, даже с помощью сыновей (к тому же не всегда страстно любящих работу), справиться со всеми задачами, которые ставило производство. Вначале трудящимся (т. е. их детям) были открыты начальные школы, позже — даже средние школы с техническим уклоном. Гимназии с гуманитарным уклоном, дававшие некоторую сумму политических знаний, необходимых для управления людьми, государством — оставались запретной зоной для «плебса».

Но аппетиты прожорливой промышленности все росли. Патрон заметил, что более квалифицированный работник создает большую прибавочную стоимость за то же самое время, а, значит, и большую прибыль. К тому же для создания все более усложняющегося оборудования, для руководства все большими массами тружеников, — росла нужда в людях, обладающих более значительной суммой знаний. Пришлось допустить «плебс» не только в гимназии, но и, пока только, в технические высшие учебные заведения.

Если монопатронализм остановился на этой стадии, то мультипатронализм вынужден был пойти еще дальше. Организация и управление огромными предприятиями, нужды науки, статистики, социологии, прессы, радио —

вынудили доминаторов вербовать кандидатов во все учебные заведения в среде доминируемых. Лишь несколько школ, в которых готовят высшие кадры промышленности, администрации и армии остаются фактически закрыты для всех, кроме выходцев из среды доминаторов. Эти школы — остатки «запретных зон» в чистом виде.

Но фактически высшее образование, попрежнему оставаясь платным и неоплачиваемым, фильтрует своих кандидатов, пропуская в школу сначала тех, карманы которых набиты плотнее, т. е. прежде всего выходцев из имущих классов и лишь потом — наиболее упрямых из неимущих. Эти последние, однако, после окончания образования предназначены быть не более чем эксплоатируемыми помощниками доминаторов, и если такой специалист — сын рабочего, его ролью будет: помогать эксплоатации своего же отца или своих бывших товарищей, ибо общество таково, что знания используются для поддержки доминации и эксплоатации.

***

Но сопровождается это и обратной реакцией. Специалист этот, обладая знаниями и вовсе не довольный ни своей ролью помощника доминаторов, ни своим положением эксплоатируемого может найти выход из ситуации в уничтожении того и другого, т. е. доминизма в целом. И он прекрасно понимает, что справится со своей ролью организатора и специалиста еще лучше, если не будет иметь над собой того, кто его эксплоатирует и заставляет испытывать все унижения доминации. Это начинают понимать не только выходцы из рабочей среды, но и из средних классов (т. е. из среды служащих, умственнных работников и т. д.), которые составляют сегодня большинство студентов и интеллигенции.

Что же касается настоящих детей доминаторов («сынки буржуев»), то их — меньшинство и это они, в основном, составляют крайне правые националистические организации. Но быть «сынком буржуя» еще не значит автоматически быть реакционером. Из этой среды вышло много искренних революционеров: Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий, Мао, Кастро, Геварра — «дети буржуев», а такие деспоты как Гитлер и Сталин — дети рабочих.

Вот несколько цифр, характеризующих социальный состав современного студенчества. По данным журнала «Обсерватор де ль'О.Ц.Д.Е.» за август 1970 года социальный состав студентов Франции в 1965 году был таков:

выходцы из высших классов — 30,2%, из средних — 47,8%, из низших — 9%, неопределенного происхождения — 13%. В 10-ом номере советского журнала «Новый мир» за 1970 г. находим следующие цифры касающиеся американского студенчества: с 30-х годов нашего века и до нашего времени число студентов возросло с нескольких сот тысяч до 7,5 миллионов. Это значит, что ныне около 50% молодежи США в возрасте с 18 до 21 года — студенты (соответствующие цифры: в 1910 г. — 6,7%, в 1939 г. — 18%, в 1961 г. — 38%). Цитируем тот же журнал: «...по данным, опубликованным в органе компартии США, до 30% американского студенчества — выходцы из рабочих семей». Очевидно, что и к большинству из оставшихся 70% тоже нельзя приклеить ярлычок «дети буржуев».

Разумеется, среда, в которой человек вырастает, фаворизирует ту или иную его идеологическую направленность, но в некоторых может вызвать совершенно обратную реакцию. К тому же знания, если их честно применять, всегда благоприятствуют критике существующего строя, они дают возможность видеть «в глубину», внутрь «механизма» и позволяют видеть, что в нем плохо и как его можно улучшить, или же приводят к выводу, что улучшать не стоит, а следует сломать и построить новый.

Чем выше степень образования, тем сильнее оппозиция, нонконформизм, оспаривание режима. Поэтому Париж всегда революционнее Вандеи. Но стоит построить в Вандее университет — и число сторонников существующего режима там уменьшится (потому лозунг «ультра-бешеных»: «Разрушим Университет!» — контрреволюционен).

Если учесть все это, станет понятным, что в условиях, когда образование получали немногие — лишь «дети буржуев» — то, за немногими исключениями, студенчество было реакционно в своем большинстве (фактор среды был отрицательным и сильнее фактора знаний).

Но когда образование охватывает все более широкие слои, то и фактор среды начинает становиться менее отрицательным или даже вовсе меняет направление, становясь положительным, и действует в том же направлении что и фактор (или вектор) знаний. Тогда-то студенчество и интеллигенция становятся революционными (поэтому всякий отсев, селекция при поступлении в высшие учебные заведения — контрреволюционен, а борьба против селекции — дело первостепенной важности).

А когда они революционны — то уже даже революционнее рабочих — и в наше время эта истина бросается

в глаза — никто не станет оспаривать, что студенты «обошли слева» все рабочие организации.

В чем же дело, как это возможно?

Рабочий, отлично сознавая, что ему нехватает знаний чтобы вести производство, что без инженерно-административного персонала он не сможет работать и двух дней (нужно же чтобы кто-то давал ему чертежи, разрабатывал технологию изготовления каждой детали, организовывал производство, учет, сбыт и т. д.), этот рабочий принимает тот факт, что кто-то им руководит, что кто-то «сидит выше его», как неизбежное зло. И в наше время иерархия знаний — организационная иерархия — действительно, неизбежное зло (хотя она могла бы быть контролируема снизу). Но тот, кто стоит над рабочим благодаря превосходству знаний, одновременно является и передатчиком классового давления сверху, которое передается доминатором с верхушки пирамиды до самого ее низа. И рабочий, допустив как неизбежное зло иерархию, часто мирится также и с доминацией, не всегда умея различать эти два совершенно разных, но всегда идущих «сверху» потока — поток знаний и поток насилия.

Поэтому он гораздо легче переносит доминацию («все равно кто-то должен сидеть наверху»), чем эксплоатацию, и борется больше с этой последней, не всегда понимая, что она — лишь результат первой.

Что же касается умственного работника, то и по своей психологии, и потому что он меньше страдает от эксплоатации, и особенно если он находится в «нижних этажах пирамиды» — то он направляет больше свой гнев против доминации, хотя не всегда в этом гневе решителен ввиду двойственности его положения.

Если же говорить о студентах, то они, живя часто беднее рабочих, но не будучи эксплоатируемыми и обладая знаниями, позволяющими им видеть корень зла — доминацию, терпя лишь от нее и сознавая, что они предназначены служить ей, их врагу, если общество не изменится, — они-то со всей бескорыстностью и гневом, на который способна молодость, стремятся к уничтожению доминации, откуда бы она ни шла.

В этом отношении они — революционнее и решительнее рабочих и интеллигенции. Однако, для революции необходим союз всех сил — студенчества (решимость), пролетариата (сила) и умственных работников (знание).

Сегодня широкая публика удивленно таращит глаза — что за чудо! — те кто в течение веков были «сынка-

ми буржуев», предназначенными заменить стареющих доминаторов — студенты, ведут себя «как настоящие» враги существующего режима, и публика сомневается в их искренности. Самое дикое здесь в том, что к этой публике принадлежат и многие рабочие, не понявшие еще, что студенты — их искренние и, может быть, самые верные друзья, и что, избегая этих бескорыстных друзей, они часто следуют за теми, кто избавив их от одних доминаторов, хотят посадить им на шею других, не дав им в собственность средства производства, а, значит, не уничтожив доминации.

Никто не может спорить с тем, что носителями лозунга «Заводы — рабочим!» во время восстания 1968-го года во Франции были революционные студенты, тогда как компартия робко требовала «национализации», которая бы только заменила один вид доминистской собственности другим.

Если такой же лозунг в условиях стран неразвитых был бы (и был!) чистой демагогией, ибо рабочие, получив заводы, не смогли бы ими управлять сами без «помощи» извне и сверху, без бюрократов, превратившихся в новый класс доминаторов, то в обществе групп-доминистском именно такой лозунг передачи предприятий в полную собственность трудящимся (а не одним лишь рабочим) не только является единственно верным, но и единственно революционным, тогда как осуществление лозунга национализации означало бы шаг не вперед, а **в сторону**, если не назад. Это мы сможем доказать, лишь изучив «социалистическое» общество, в котором **все** национализировано (это мы сделаем в следующей главе).

А пока мы докажем, что передача предприятий в групповую собственность всем трудящимся каждого предприятия (именно — в собственность, а не только для «самоуправления», оставляющего права собственности патрону или «государству») — возможна уже сегодня в развитых странах обеих систем.

Для этого нужно выяснить две вещи, касающиеся высокоразвитых стран, — во-первых, способны ли сегодня трудящиеся сами вести хозяйство и государство и, во-вторых, нужны ли объективно патроны?

Если еще во времена Маркса в руках патронов было сосредоточено, скажем, 90% знаний, а в руках трудящихся

— 10% (мы знаем, что оценка эта грубая, но она может служить для объяснения), и это послужило Марксу основой идеи, что лишь пролетариат, т. е. физические работники — сила революционная (ибо умственные — выходцы из имущих классов), то сегодня в развитых странах пропорция обратная. Все 100% физического труда и 90%, а может и больше умственного исполняются трудящимися, — и это соотношение **труда** уже можно точно подсчитать в часах (именно такое соотношение было в нашем примере завода кранов). В таких условиях исчезновение патронов было бы незамеченным. Если сегодня все патроны уедут на три месяца в отпуск, никто бы не заметил их отсутствия, кроме их жен и владельцев ювелирных магазинов. Промышленность работала бы как обычно. Фактически в наше время патроны-акционеры все чаще перепоручают управление делами административным советам или специалистам, которые сами принимают все решения, но, разумеется, только такие решения, которые могут угодить хозяевам. И хозяева преспокойно ограничиваются подсчетом своих доходов (во многих случаях они ни на что другое не годятся). Что же случилось бы, если бы трудящиеся объявили первый и последний в истории локаут патронов? После недолгого периода реорганизации, который высвободил бы бездну неиспользованной народной энергии и энтузиазма, все бы завертелось много лучше, чем раньше, — знаний освободившихся трудящихся хватило бы на это вполне. При условии, что пролетариат не установит свою диктатуру над остальными тружениками, в частности, над умственными (без которых он сам не сможет управлять ни промышленностью, ни государством), а установит с ними **равный и искренний союз,** отношения **доверия** и, совместно, — настоящую власть трудящихся — **всех кто трудится и не эксплоатирует других,** без исключения, а с этой властью — **истинную свободу** слова, печати и собраний, без которой союз пролетариата с умственными работниками невозможен. Разрыв этого союза означал бы, что пролетариат оказался бы снова угнетенным — новыми доминаторами, и должен будет готовиться к новой революции.

Если же пролетариат объединится с революционными студентами и интеллигенций — **все возможно и достижимо,** а доминаторы всех мастей окажутся лишними и ненужными.

То есть, ответив на первый вопрос, мы разрешили и второй — о том нужны ли патроны.

Впрочем, и они, перестав быть патронами, могли бы трудиться как и другие, — мы думаем, что никто им этого запрещать не станет, речь лишь о том, чтобы запретить кому бы то ни было эксплоатацию других.

Если учесть, что доля физического труда в процессе производства постоянно уменьшается, а умственного пропорционально растет — невозможно, как во времена Маркса, противопоставлять физического работника умственному как классовых врагов. Ибо сегодня это означало бы противопоставлять одного труженика другому (кстати, этому же служит легенда о «конфликте поколений»), а не пролетария доминатору (или его подручному) как это было когда-то.

А так как роль умственного труда в процессе производства все растет, то доминаторы неизбежно должны будут все больше знаний передавать в руки трудящихся и сами неизбежно превратятся в ненужный, если не вредный придаток, аппендикс, вырезав который общество лишь избавится от органа, в котором зарождаются почти все его болезни.

В некоторых странах уже пришло время провести эту операцию. Доминаторы этих стран, конечно, будут предлагать всевозможные лекарства, припарки, всячески удаляя время операции, но никакие припарки не вылечат больное общество. Нужна операция. Все остальное лишь продлит страдания тех, кто всегда страдал.

И верно это для стран обеих систем — и «капиталистической» и «социалистической», — тех стран, в которых «культурная революция» (т. е. распространение знаний среди трудящихся) более или менее осуществлена. С этого момента марксизм должен к арсеналу всевозможных объективных факторов, определяющих общественное развитие, добавить фактор субъективный — сумму чаяний трудящихся — фактор, ставший реальной и немалой силой.

Как промышленная революция предшествовала установлению патронализма, так культурная революция предшествует установлению эгалитаризма.

❦

В предыдущей главе мы говорили о том, как возникают национализированные предприятия в монодоминистском обществе — вследствие или разорения доминатора или трудностей основания и ведения отраслей, в которых нужны огромные капитальные затраты.

А число таких отраслей в развитых странах растет, и в групп-доминистском обществе национализированный сектор еще больше расширился (не становясь однако ни в одной стране патронализма преобладающим), а обогатившееся государство стало самым мощным патроном и заказчиком.

Но что такое эта национализированная собственность, что означает это «государство-патрон»?

Некоторые произносят слова — «государственный капитализм», считая, что этим дан ответ. Но эти слова лишь означают, что владельцем капитала в данном случае является государство, не объясняя какое государство и что же такое эта «государственная собственность»? Кому она принадлежит — всей нации (и тогда она «социалистическая») или государственным чиновникам (и тогда она «бюрократическая» или «технократическая»)?

Оказывается — ни нации в целом, ни чиновникам, которые лишь управляющие, назначенные... тем же государством. Чтобы выйти из этого заколдованного круга, нужно вспомнить, что государство само-то «собственность» тех, кто владеет основной массой средств производства, аппарат господствующего класса — и этот-то класс фактически назначает правительство, министров (по большей части из среды самих патронов), а через них и весь государственный аппарат.

Комедия выборов служит лишь для прикрытия этой голой и неизменной правды и для создания иллюзии, будто сами угнетенные избирают своих угнетателей — овцам позволяют выбирать среди волков тех, которые будут ими управлять. Когда же выборы могут дать нежелательный результат (т. е. если избираются не волки, а овечки и к тому же из числа непослушных), — выборы просто отменяют, кончают комедию, право голоса передается танкам и устанавливается фашизм, т. е. власть патронов в голом виде, без прикрас. Только сила трудящихся может заставить уважать результаты выигранных ими выборов. Для этого трудящиеся должны быть сильнее доминаторов, но тогда выборы — лишь подтверждение этой силы, а вовсе не источник ее. Партии, строящие свою стратегию на победе в выборах, а не на укреплении сил и организации трудящихся, похожи на генерала, ставящего своей главной целью не захват стратегически важных позиций противника, а водружение своего знамени на самом видном месте этих позиций.

Выборы — одно из средств этой борьбы, причем да-

леко не самое главное, и во всяком случае они — область борьбы, в которой господствующий класс имеет гораздо больше средств и возможностей, и находится в более выгодном положении. Ежедневное отравление трудящихся посредством радио, телевидения, которые целиком, а пресса большей частью находятся в руках доминаторов, — не может не приносить свои плоды. Потому число голосов поданных за доминаторов равняется сумме числа доминаторов и числа обманутых трудящихся.

Одним словом, правдой остается тот факт, что государственный аппарат — это лишь творение и слуга того класса, который владеет основной массой средств производства.

И когда этот класс передает в управление государству отдельные отрасли или предприятия, из которых он сам не может тянуть достаточный процент прибыли, то он не перестает быть фактическим владельцем этой «национализированной» собственности. Разница только в том, что уже не отдельные патроны или группы патронов, а весь господствующий класс в целом становится, через посредство государственного аппарата, собственником этого сектора.

Часть прибыли от него идет на содержание государства, слуги господствующего класса, другая же часть скрытно распределяется этому классу в виде продуктов «национализированного» сектора, продаваемых по цене ниже себестоимости.

Приведем пример. Производство, передача и распределение электроэнергии во Франции национализированы и объединены управлением «Электриситэ де Франс» (ЭДФ). Официально отрасль эта объявлена дефицитной, что означает, что убытки в ней покрываются за счет налогов с населения. По данным парижской секции профсоюзов Ж.Н.Ц. (Групман насьонал де кадр) и Ц.Ж.Т., опубликованным 31 марта 1969 г. в форме листовки, себестоимость 1 киловатт-часа энергии в 1967 г. была равна 10,3 сантима (повидимому это лишь сумма капитальных расходов плюс зарплата, но без учета прибыли). Домашний потребитель платил за этот киловатт-час 25-35 сантимов, т. е. много выше реальной цены, тогда как крупный промышленник платил 4,5 сантима, а тресты электрометаллургии и электрохимии — лишь 2,08-3,29 сантима, т. е. много ниже себестоимости. Таким образом ясно, что прибыль от электроэнергии не только делится между государством и крупными промышленниками, но хуже — часть налогов госу-

дарство перекачивает из бюджета и превращает в сверхприбыль под видом покрытия дефицита.

Видимость этого «дефицита» служит к тому же аргументом для отказа повысить зарплату труженикам Э.Д.Ф., тогда как явная прибыльность других «национализированных» предприятий (заводы Рено, например) вовсе не используется как аргумент для обратного.

Мы не обладаем подобными данными по «национализированным» железным дорогам Франции (С.Н.Ц.Ф.), но было бы странным, если бы и там дела не велись таким же точно образом.

Что же касается других отраслей, пока еще явно дефицитных (как атомная промышленность или отрасль космических исследований, а также всегда в целом дефицитная военная промышленность), то их можно назвать «национальными» разве только потому, что вся нация, все налогоплательщики и, главным образом, трудящиеся покрывают убытки в них. Когда же эти отрасли начинают давать прибыль — она уплывает в большие карманы.

Короче говоря, «национализированный» сектор — не что иное как собственность всего класса доминаторов в целом.

❦

Это новая форма собственности, которую мы еще не встречали, а точнее — не анализировали. Составим ее формулу.

Если «одинокого» доминатора мы обозначили буквой Д, группу доминаторов ДД, то класс их придется обозначить ДДД. Точно также — средства производства в единоличном владении были обозначены М, в групповом — ММ, то в классовом обозначим — МММ. Трудящиеся и здесь, как и в любой доминистской форме собственности ничем не владеют и не объединены правом собственности, так что и здесь элемент Т останется одиноким. Тогда формула класс-доминистской формы собственности получит вид:

$$ДДД \rightarrow МММ \rightarrow Т$$

Хотя эта форма собственности существовала всегда с момента рождения государства (часто принимая форму собственности, принадлежащей особе главного доминатора, не умевшего отличать казну от своего кармана) она получила более широкое распространение в групп-доми-

нистском обществе, но не стала там и не может стать главной, ибо она обнимает лишь те отрасли, которых «не хочет» групп-доминистская собственность, остающаяся главной формой собственности («то, что хорошо для Дженерал Моторс, хорошо для страны» — лозунг этой фирмы не требует комментариев). Ее представители сообща, через посредство государственного аппарата, являются владельцами и этой «новой» формы собственности, ставшей как бы побочной, вспомогательной. Так же когда-то крестьяне были одновременно владельцами и своих наделов и совладельцами общинной земли, т. е. были одновременно и моноэгалитарными и групп-эгалитарными собственниками.

❦

Можно ли класс-доминистскую форму собственности назвать более прогрессивной по сравнению с групп-доминистской? Нет, ибо она становясь в некоторых областях единственной и тотальной, изгоняет оттуда конкуренцию, вводит монополию и ослабляет тенденции к рационализации и повышению производительности труда, что же касается эксплоатации трудящихся, то там она ничуть не слабее (если не сильнее), чем в патроналистском секторе. Кроме того эта форма — и в основном только она — неизбежный носитель феномена бюрократизации, ибо она настолько удаляет органы решения (вершину пирамиды) от органов исполнения (ее низа), что для связи между ними требует многоступенчатой, запутанной, непродуктивной и бездушной структуры, бумажного управления и целой армии паразитов в лабиринте бюро и учреждений.

Если в монодоминизме, сложенном из множества минипирамид, высота их небольшая, в групп-доминизме — несколько большая, в класс-доминистском секторе она уже много больше, то в обществе где все «национализировано», являющемся одной огромной пирамидой и где все решения принимаются где-то в заоблачной выси — бюрократизм становится неискоренимым и настолько чудовищным, что многие ему, следствию, а не самой пирамидальной структуре, (т. е. доминизму) приписывают все беды.

Достигнув некоторого объема в развитых странах, класс-доминистская собственность дальше не развивается, а в некоторых случаях «национализированные» предприятия передаются в групп-доминистскую собственность, т. е. денационализируются, часто при этом увеличивая

свою рентабельность. Полная «национализация» промышленности в развитых странах привела бы лишь к упадку производительности и нисколько не уменьшила бы эксплоатацию, что же касается доминации, то став централизированной, она бы еще усилилась. Когда имеется много разрозненных патронов, каждый из которых лишь рад, когда у конкурента забастовка — трудящимся легче бороться за свои права. Когда же они имеют перед собой единственного, мощного и вездесущего патрона — государство, их задача труднее, они даже могут потерять наиболее элементарные из их прав и эксплоатация может значительно усилиться.

Поэтому осуществление лозунга национализации (который, кстати, является главным лозунгом коммунистических партий развитых стран патронализма), являющегося с виду «социалистическим», привело бы лишь к замене доминаторов, но только ухудшило бы положение трудящихся.

Если групп-доминистская собственность продолжает считаться «частной», хотя она уже коллективная, то класс-доминистская собственность совершенно теряет вид частной, и имея видимость принадлежащей «всему народу» часто называется «национальной» или даже «социалистической».

Действительно, если предположить, что постепенно «национализируются» все патроналистские предприятия, то государственные чиновники потеряют своего фактического хозяина — класс патронов — и станут сами непосредственным классом-хозяином, неким социал-патроном всего «национализированного» хозяйства. А тогда никаким химическим анализом или микроскопическим исследованием нельзя будет отличить созданное таким образом общество от того «социализма», который господствует в СССР и прочих социалистических странах.

В созданном путем такой «национализации» обществе была бы уничтожена «частная», (т. е. моно- и групп-доминистская) собственность, но для трудящихся ничего бы не изменилось к лучшему, ибо место патронов занял бы новый класс-патрон со всеми печальными последствиями, и доминизм продолжал бы процветать, изменив название — из «капиталистического» превратился бы в «социалистический».

Именно поэтому мы утверждали в конце второй главы, что корень зла не в частной собственности, которая лишь одна из разновидностей зла (и то не всегда — ибо

моноэгалитарная собственность тоже частная, но никакого зла в ней нет, так как она трудовая), а в **доминизме**, в его «двухэтажной» структуре, в наличии верхнего господствующего, паразитического класса, как бы он ни назывался, и нижнего — трудящегося и угнетаемого класса, лишенного собственности на средства производства, а с ними потерявшего всякие средства и права решения.

Если для отсталых стран временным решением может быть полная национализация, нужная для ускорения темпов развития (ибо она позволяет более быстрое накопление путем крайнего ограничения потребления), то в развитых странах групп-доминизма она не может разрешить всех проблем (разрешив одни создала бы другие, еще более трудные), а в смысле производительности труда была бы шагом назад. Если согласиться с Лениным в том, что решающим в оценке того или иного общества является фактор производительности труда, то никак нельзя согласиться с коммунистическими партиями, требующими «национализации». Национализация, проведенная государством, сделала бы из касты высших государственных чиновников (функционеров) класс социал-патронов, национализация же проведенная компартией сделала бы из партийных бюрократов и их помощников такой же класс социал-патронов.

❦

Борьба между этими двумя «командами» была бы лишь борьбой за теплое местечко двух весьма схожих кандидатов, но за спиной государственных функционеров стоит класс патронов, для которых национализация означала бы потерю всего в пользу или этих функционеров (что было бы меньшим злом для патронов: «все же свои людишки»), или, что хуже, в пользу этих «невоспитанных» коммунистов.

Так что бедным патронам приходится присматривать и за своими слугами — функционерами, становящимися все более наглыми и самостоятельными, и за этими «ужасными тоталитарными коммунистами», покушающимися на «чужую собственность». Но все три группы настораживаются и объединяются когда слышат крик трудящихся «Хотим самоуправления! Заводы — рабочим, университеты — студентам!» Ибо если, не дай боже, этим левацким провокаторам удастся осуществить свою «одноэтажную» анархию, о которой они имеют наглость кричать на улице, то не будет тепленьких мест «наверху», и что же тогда

делать патронам, высшим функционерам, коммунистическим сановникам? Нет, этого нельзя допустить, и святая троица стражей порядка (компартия — тоже «партия порядка» в такие «опасные минуты») совместно с полицией, каждый на свой манер, восстанавливают этот дорогой им двухэтажный «порядок», после чего можно спокойно продолжать «классовую» (или кастовую?) борьбу за занятие второго этажа с его удобными мягкими креслами.

Самое печальное в том, что многие искренние враги «двуэтажного порядка» (а таких немало и среди рядовых членов компартии) считают компартию единственной силой, которая хочет снести «второй этаж» — доминацию.

Май 1968-го года во Франции сделал многих зрячими. Все больше людей начинает понимать, что единственное направление движения, которое означало бы прогресс — это направление на групп-эгалитаризм, т. е. на общество без доминаторов, в котором трудящиеся находятся в групповом и непосредственном владении средствами производства, и в котором, следовательно, реальная власть находилась бы на уровне этих групп трудящихся, а представители, избранные ими были бы лишь исполнителями решений этих групп, а не как всегда, теми кто решает и доминирует. Ибо если средствами производства — этим единственным источником ценностей, реальной силы и власти — владеют не патроны и не «государство» (т. е. социал-патроны), а непосредственно трудящиеся, то никто, никакие классы, партии, бюрократы, касты, черт или дьявол не смогут их доминировать.

Что касается явления бюрократизации (которое было бы неизбежно при национализации), то ему в групп-эгалитаризме не останется никакого места, ибо органы решения и исполнения будут максимально сближены и взаимно контролируемы без всяких излишних переходных структур.

Всякое другое решение не может быть и не будет прогрессивным. А так как развитие человеческого общества не может идти по иному пути, кроме пути прогресса, то именно это направление будет им избрано — направление на групп-эгалитаризм. Всякий другой маршрут будет лишь временным отклонением от этого пути. Партии, избравшие другое направление неизбежно заблудятся и останутся без попутчиков, а те которые хотят преградить путь — будут отстранены.

Если доминаторы преградят путь фашизмом — их конец будет еще ближе, ибо в высокоразвитых странах фашизм не мог бы удержаться сколь-нибудь длительное время. Трудящиеся в этих странах достаточно сознательны, чтобы не примириться с фашизмом и достаточно организованы, (перед лицом фашизма все их организации объединились бы), чтобы его разгромить — всеобщая неограниченная суровая забастовка была бы немедленным ответом, а вооруженная борьба населения, поддержанного частью армии, прикончила бы фашизм **вместе с доминаторами.** Ни в одной из стран групп-доминизма не был еще установлен фашизм, ибо доминаторы знают, чем это им грозит (потому же верно и другое: страна с фашистским режимом, вступающая в групп-доминизм не может избежать либерализации). Единственный выход для них — отсрочка конца путем запугивания фашизмом, тоталитаризмом, хаосом, а также ценой уступок, подачек, реформ, — ибо наступать они уже не могут, все что им остается это замедлить отступление. Но их запугивание пугает все меньше, а бессилие доминаторов становится все явственнее, что же касается реформ, то в случае если они неискренни и неполны, — они еще больше раздражают трудящихся, если же эти реформы реальны —— то они все более сужают поле деятельности доминаторов, приближая конец их царствования.

Конец этот **неизбежен,** но не следует полагать, что патронализм рухнет сам собой. Он еще не выдохся полностью, не нужно строить иллюзий на этот счет. Он может временно приспособиться к новым требованиям, но не способен полностью разрешить проблемы свойственные его натуре. Может ли он ликвидировать безработицу — это косвенное следствие свойственного патронализму ограничения покупательной способности трудящихся? Способен ли он остановить инфляцию, ведущую к добавочному ограблению трудящихся и к той же безработице?

Может ли он освободиться от огромного расточительства труда и средств — для удовлетворения необузданных потребностей немногих (кто может объяснить, почему 20 рабочих, живущих в лачугах, должны строить одному негодяю виллу в 20 роскошных комнат, вместо того, чтобы строить квартиры для рабочих?). Способен ли он устранить вопиющую диспропорцию в распределении доходов (по данным ООН, опубликованным в газете «Ле Монд» за 2 июня 1970 г., 5% населения Франции, находя-

щегося на верхушке социальной лестницы, получает больше доходов, чем 60% всего населения, считая «снизу»)?

Может ли он избавиться от периодических потрясений, кризисов, от неуверенности в завтрашнем дне, от неумения предвидеть, планировать? Может ли он избавить трудящихся от ежедневного морального унижения, нервного напряжения, от этого вонючего духа доминации, интриганства, карьеризма, доносительства, который сверху «пирамиды» разливается донизу и которым нередко пропитываются всякие мелкие мастера, начальнички, получающие за эту свою грязную роль минидоминатора крохи с хозяйского стола? Ибо кризис, который сейчас переживает доминистское общество — это в большой степени и кризис моральный, это борьба не столько за хлеб, сколько за достоинство человека, ставшего умнее, «взрослее», независимее. Игнорируемые властью, пренебрегаемые патронами, прессой, радио, парламентами, полицией — трудящиеся массы видят один выход и одно средство — в обществе, где лишь сила в почете — применить силу.

Какие средства имеет доминатор, чтобы разрешить эти проблемы, каждая из которых — порождение самого доминизма? Средств — никаких, а метод один — перекладывать их тяжесть на плечи трудящихся. Только плечи эти все больше распрямляются и все меньше поддаются накладыванию чужой ноши. Для трудящихся выход один — распрямить плечи и сбросить с них доминаторов вместе с порожденными ими проблемами.

Доминатор, в страхе потерять все, приглашающий трудящихся принять «участие» в прибылях и в управлении — напоминает волка, посылающего овце приглашение на обед, где единственным блюдом будет — баранина. Возможно приглашенному кинут даже лишнюю «кость», но вряд ли овечке покажут кухню (отчетные ведомости), где на вертеле над огнем жарятся ее коллеги.

Все эти методы распределения акций, подачек, премий трудящимся — это лишь возвращение части краденого, клочки шерсти, брошенные остриженным баранам, если перейти на более нежное сравнение патрона со скотовладельцем, стригущим своих баранов. Работник, ставший «участником в прибылях и управлении», нисколько не перестает быть «бараном, которого стригут». Разница лишь в том, что ему оставят неостриженным хвост, позволят подержать ножницы и помочь найти более эффективные методы стрижки.

Те трудящиеся, которые хотят этим удовлетвориться — очень напоминают баранов.

❦

Некоторые считают, что участие трудящихся в прибыли и завоевания в области зарплаты могут свести степень эксплоатации до нуля. Наивные люди! Но если даже предположить, что патрон решил ограничиться одной своей зарплатой и отказался от прибыли в пользу своего персонала (иногда патроны попадают поневоле в такие ситуации — когда дела идут плохо и им просто не удается выкроить прибыль) — то и тогда он не отказывается от доминации. Даже лишившись материальных преимуществ, которые дает эксплоатация, патрон не откажется от роли маленького Наполеона, щекочущей его тщеславие — благодаря «моральным» и психологическим преимуществам, которые дает доминация, «право» на которую он получил, однако, не благодаря своим способностям (как Наполеон), а чаще всего просто по наследству, вместе с капиталом, или же благодаря его «энергии», предполагающей применение самых бесчестных методов эксплоатации и спекуляции.

А бороться с эксплоатацией, оставив доминацию и не разогнав патронов — все равно что пытаться «запретить» гром, оставив молнии и не разогнав тучи, из которых и то и другое рождается, и совершенно забыв, что молнии без грома не бывают. Тот кто хочет солнца должен разогнать тучи. Ибо, как сказал Бакунин: «Пока капитал останется в руках буржуазии, ничто не помешает ей в эксплоатации и порабощении пролетариата».

❦

Всякая последующая общественная система «прорастает» из элементов, зародившихся в предыдущей системе. Где же в групп-доминизме мы видим признаки групп-эгалитаризма?

Прежде всего в том, что основной массой знаний обладают трудящиеся и потому, фактически, группы (или коллективы) трудящихся уже в наше время ведут почти все дела крупных и средних предприятий, а лишь право собственности и «последнего слова» находится целиком в руках групп доминаторов.

Осталось только дать «последний решительный бой»

и изгнать паразитов, сидящих на шее человечества уже тысячи лет — период сравнительно небольшой, если учесть, что человек уже существует сотни тысяч лет и будет жить, на сей раз по-человечески, еще сотни тысяч лет, — при условии что он станет по-настоящему разумным. А к этому его обязывает благородное имя, которым он себя вознаградил — Homo sapiens — Человек Разумный.

Перед похоронами доминизма, в надгробном слове, нужно будет отдать ему должное — он сыграл также и положительную роль, ибо помог создать материальные условия создания человеческого общества — воистину человечного, т. е. лишенного доминаторов. Но слез по доминизму проливать не будем. При жизни покойник вел себя как подлец и эгоист.

Глава четвертая

МЕЖДУ «ВЧЕРА» И «ЗАВТРА»

(СОЦИАЛИЗМ ИЛИ КЛАСС-ДОМИНИЗМ)

	стр.
Революция в России	125
Переход от диктатуры пролетариата к диктатуре над пролетариатом	127
Вырождение партии и роль «личности»	130
Загадка новой формы собственности и ее хозяев	135
Название, состав и свойства нового класса доминаторов	138
Иной подход к загадке этой, оказавшейся не новой форме собственности, ее формула и название	141
Маркс и социализм	143
Экономика класс-доминизма, ее блеск и нищета, или накопление за счет бедности трудящихся	145
Политика палки и пряника, ее авторы и жертвы	149
«Идеологи» и «аппаратчики»	151
Индустриализация и «коллективизация»	152
После построения социализма — переход... к террору	154
Обогащение гегемонов	155
Происхождение идолопоклонничества и террора	155
Советский империализм и неудобная позиция западных компартий	156
Война	159
И снова — террор. Смерть Сталина	160
Что изменилось, что сохранилось и чем это кончится?	162

Югославия 164
Чехословакия 165
Польша 167
Венгрия 168
Румыния 169
Албания 169
Китай 169
Куба 171
Свиданье — в «завтра» 172

В начале XX-го века монопатронализм в развитых странах был в полном расцвете и уже начался переход к групп-патронализму, продолжавшийся еще с полстолетия.

Между тем многие страны оставались далеко позади, в частности такие гиганты, как Китай и Россия.

Китай, страна полуфеодальная, крестьянская, в начале века еще был занят борьбой против колонизаторов, патронализм в нем только зарождался и путь, предстоявший ему чтобы догнать развитые страны, был не мал. Тем большей была решимость догнать.

Россия, только недавно (в 1861 г.) отменившая крепостничество, не наделив, однако, крестьян землей и сохранив монархию, эту феодальную форму государства, медленно, но верно начала развиваться в сторону патронализма.

Страна эта, стоявшая на полпути между отсталой Азией и передовой Европой, от времени до времени бывала вынуждена мобилизовать усилия чтобы не очень-то отставать от своих западных соседей. Слишком большое отставание означало не только экономическое, но и военное порабощение, прямую доминацию со стороны более развитых стран. А чтобы догнать — нельзя ползти, нужно встать и бежать.

Эту мобилизацию усилий Россия провела впервые во времена царя Петра Великого. Не отменив крепостничества, царь этот, однако, способствовал всем формам зачаточного монопатронализма. Создав сильную армию, флот, укрепив центральную власть и завоевав берега Балтийского моря («окно в Европу»), Россия в те времена уменьшила свою отсталость, но, не отменив крепостничества, не могла догнать Европу.

В XX-ом веке отсталость России уже никак не могла быть терпима. Зарождавшийся в ней патронализм не способен был сделать новый скачок вперед, тем более что остатки феодализма были еще значительны и монархия не спешила их уничтожить. Ситуация стала нестерпимой. Буржуазия, пролетариат и крестьянство, каждый по своим мотивам, хотели радикальных перемен, революции, выхода России из вечного состояния отсталости. Буржуазия не

желала ничего, кроме, разумеется, буржуазной революции (свержение монархии, уничтожение остатков феодализма), крестьянство, возможно, тоже бы такой революцией удовлетворилось, при условии что земля была бы отнята у сельских патронов и передана крестьянам. Что касается рабочих, то они рассматривали буржуазную революцию как коридор, который нужно пройти, чтобы попасть во вторую революцию — антибуржуазную, социалистическую.

А когда основные классы хотят революцию — она происходит и, обычно, минимум в два этапа: первый этап — восстание, обреченное на поражение и вызванное вспышкой гнева масс, еще не подготовленных и неорганизованных, в момент, когда революционные силы еще не выкристаллизовались, не выработали своей теории, стратегии и тактики, и — второй этап — победоносная революция, которая подготавливается сознательно и проводится тогда, когда перевес сил обеспечен, и в которой даже стихийность масс имеет более организованный характер.

Первому этапу в России соответствовал 1905-й год, второму — 1917-й.

В разгар первой мировой войны, в феврале 1917-го года в России была свергнута монархия и установилось двоевластие — с одной стороны власть буржуазии под именем Временного правительства, с другой — власть Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Большевики в этом совете были в меньшинстве, но в течение нескольких месяцев эта немногочисленная партия (40 000 членов в феврале 1917 г.) завоевала симпатии миллионов рабочих, крестьян и солдат, ибо лучше других партий поняла чаяния масс, выдвинув лозунг: «Власть — советам, фабрики — рабочим, земля — крестьянам, хлеб — голодным, мир — народам!» В широкой поддержке масс партия большевиков обрела свои силы. В ряды ее влилось новое пополнение людей смелых, решительных, самоотверженных, ибо только такие в те опасные годы могли решиться войти в революционные партии, принадлежность к которым не давала никаких привилегий, кроме «привилегии» быть преследуемым, сосланным или расстрелянным.

Если искать человека, воплощающего в себе лучше других замечательные качества (и недостатки) тогдашней партии большевиков, то им, безусловно, окажется глава этой партии, — Ленин, одна из примечательнейших и обаятельнейших личностей истории человечества.

Партия большевиков, руководствовавшаяся марксистской теорией и видевшая главное зло в частной собствен-

ности и эксплоатации (совсем по Марксу), была совершенно искренна и бескорыстна как в своих устремлениях, так и в заблуждениях.

Программа этой партии и желания рабочих, крестьян и солдат совпадали, поэтому к осени 1917 г. партия эта уже насчитывала в своих рядах 400 000 членов, а октябрьский переворот был ею произведен с примерной легкостью и почти без пролития крови, что однако не означает, что Революция была исключительной заслугой партии большевиков и не произошла бы и без ее участия или руководства.

❦

Драма началась позже. Старые господствующие классы, оправившись от октябрьского потрясения, с обильной материальной и военной помощью своих иностранных коллег, организовали отчаянное сопротивление. Началась долгая, кровавая гражданская война, сопровождавшаяся разрухой и голодом.

Мир с Германией был заключен лишь в марте 1918-го года и солдаты, вернувшись из окопов в деревни, получили землю, но продавать свои продукты не могли, ибо все «излишки» продовольствия конфисковывались практически без оплаты для нужд армии и городов, а понятие «излишки» было весьма широким. Диктатура пролетариата оказалась неэффективной, рабочий контроль, установленный на заводах, саботировался патронами (которые вначале оставались на местах).

Предприятия, оказавшиеся без сырья, топлива и специалистов (в основном это были выходцы из господствующих классов, враждебные новой власти), закрывались одно за другим. Даже если бы новое революционное правительство передало предприятия рабочим, вряд ли почти безграмотные рабочие могли бы их пустить в ход. Следовательно, в условиях отсталости России, усугубленных военной разрухой, централизация управления промышленностью была неизбежной. Национализация (проведенная, кстати, очень медленно и нерешительно) была следствием этой необходимости. Некоторые считают, что, наоборот, в данном случае централизация была следствием национализации, что неверно, ибо «выбор» той или иной формы собственности — следствие объективной необходимости, а не каприза той или иной партии. Некоторые позже утверждали, что было «ошибкой» строить **такой** социализм, или строить его «в одной стране», и что отсюда пошли

все его грехи. Это похоже на утверждение, что падение снега зимой — это ошибка природы. Могут ли эти «ошибочные марксисты» объяснить: что другое, качественно отличное могло родиться в послереволюционной России?

Коммунисты в те времена действовали в соответствии с объективной необходимостью и в общих интересах, передав права собственности и управления в руки государства. На предприятия посылались комиссары с чрезвычайными полномочиями, чтобы методами убеждения, а чаще угроз и принуждения, обеспечить минимальные хозяйственные, транспортные и военные нужды.

Но тем самым Советы лишались фактической власти на местах. Именно после национализации, проведенной в течение 1918-го года, Советы начали терять свои права, все более и более превращаясь из органов решения в органы исполняющие решения, принятые правительством или, что то же самое — коммунистической партией, контролировавшей весь государственный аппарат.

Если в условиях гражданской войны и террора крайне централизованное управление сверху было необходимым, то после ее окончания пора было отменить методы «военного коммунизма», передать управление заводами в руки рабочих или, хотя бы, в руки профсоюзов. Часть партии, так называемая «рабочая оппозиция», требовала именно этого и, если она во многом была права, то все же не сознавала, что в условиях отсталой, безграмотной России полное рабочее самоуправление было невозможно. Нехватка квалифицированных кадров на местах могла быть частью компенсирована помощью из центра, где можно было сконцентрировать щуплые резервы специалистов, но это должно было сочетаться с широкой автономией и инициативой рабочих коллективов с тем чтобы эта, вначале ограниченная, автономия беспрерывно расширялась по мере формирования новых кадров.

Но партия, привыкшая к методам «твердой руки», не выпустила вожжи, не оказала доверия пролетариату и «по инерции» руководила всем, вплоть до мелочей.

Ничего удивительного — власть никогда не отдается добровольно. Пролетариат передал ее временно партии, а теперь был не в силах ее отобрать. «Рабочая оппозиция» была разгромлена (пока еще политически, а не физически). В то же время, и при содействии Ленина (интеллектуальный деспотизм гения легко переходит в деспотизм политический) была разгромлена и другая фракция («демократическая оппозиция»), требовавшая большей демо-

кратии в партии, большей свободы критики и поднявшая тревогу по поводу явной бюрократизации и слияния органов партии и правительства.

С изгнанием интервентов и окончанием гражданской войны (осень 1920 г.) принадлежность к коммунистической партии перестала быть трудным долгом, требующим бескорыстия и самопожертвования, а стала источником привилегий (почти неограниченная власть, лучшее питание, места «повыше и потеплее» и т. д.), и в партию хлынула огромная масса властолюбцев, искателей выгоды, карьеристов.

Так как Советы рабочих и крестьян потеряли всякую фактическую власть еще в эпоху «военного коммунизма», а с нею всякий контроль над партией и государственными органами, — то всевластью, самодовольству, неизбежному загниванию и перерождению коммунистической партии не было преград. Тем более, что уже в 1920-ом году она установила однопартийную ситему, избавившись от всяких конкурентов — меньшевиков и социал-революционеров (поддерживаемых крестьянами и имевших до ликвидации немалое влияние в Советах), стала единственной легальной партией и сосредоточила в своих руках всю учредительную и исполнительную власть.

Отсюда один шаг к ограничению критики и к ликвидации всяких прав организации оппозиции или фракций в самой партии.

В самом разгаре X-го съезда партии, заложившего «законные» основы ее перерождения, в марте 1921-го года произошло восстание рабочих и матросов Кронштадта, морской крепости в Финском заливе, которая совсем недавно была главной опорой Октябрьской революции и поставляла во время гражданской войны самые боевые кадры революционной армии. Главными лозунгами восстания, кроме экономических требований, были — конец диктатуры партии и возвращение реальной власти Советам.

Ответ партии был «лаконичен» и имеет символическое значение — перепуганные делегаты съезда лично приняли участие в военном подавлении «мятежа».

После этого всевластие партии в стране было еще более укреплено и, как логическое следствие этого, были приняты новые меры по укреплению «единства» партии, а запрещение фракций и ограничение свободы дискуссий не могли не привести к строгой иерархизации и бюрократизации в самой партии.

Вместе с тем, чтобы успокоить изголодавшийся народ

и особенно — крестьянство, была объявлена «новая экономическая политика» (НЭП), — ряд мер, заменивших продовольственную разверстку (конфискацию) твердым налогом, и позволивших свободную торговлю и даже мелкую и среднюю собственность на средства производства. Но в крупной промышленности собственность осталась в руках государства, т. е. партии, а значит Советы не обрели реальной власти. Потому профсоюзы превратились в придаток государства, государственные органы в придаток партийных, рабочие потеряли всякие права и возможности организации, а партия стала перерождаться в социальный класс нового типа.

Тогда-то и началось «вознесение» Сталина, а год спустя, в апреле 1922 г. он был избран генеральным секретарем партии, на что Ленин согласился без энтузиазма, заметив о Сталине: «этот повар умеет готовить лишь острые блюда».

И не случайно именно этот серый бюрократ был избран на такой бюрократический пост, значение которого росло с бюрократизацией партии, неизбежной из-за огромного удаления органов решения от органов исполнения с момента, когда Советы превратились в исполнительные органы, а решения принимались где-то на вершине партийной пирамиды.

Два месяца спустя началась болезнь Ленина и практически он уже оставался вне дел до самой смерти в январе 1924 г.

В конце 1922-го года, когда Советы уже потеряли всякую силу, а пролетариат — всякие права — что означало, что социализм, как его понимал Маркс (во всяком случае в его лучший период — сразу после Парижской Коммуны) был похоронен — именно тогда-то Россия была официально объявлена Союзом именно **Советских** и именно **Социалистических** Республик (СССР).

Смешно — не правда ли?

❦

Если первый этап от октября 1917-го года примерно до осени 1918-го года можно назвать периодом настоящей **диктатуры пролетариата над** остатками господствующих классов, а дальнейший период, примерно до начала 1921-го года — периодом диктатуры партии от имени пролетариата над всеми классами, то дальше начинается долгий, продолжающийся до наших дней, период диктатуры нового

класса доминаторов, выросшего из партии и сплоченного вокруг нее — диктатуры над трудящимися массами в его, этого класса, собственных интересах.

Не приняв такой установки нельзя понять многие явления и события, происшедшие в «социалистическом» обществе и кажущиеся необъяснимыми «ошибками», «перегибами», «пережитками», «недочетами», «культами» и тому подобными чудесами.

Настоящий марксист не может не принять как смехотворный лепет утверждения, что неисчислимая масса подлостей, кровавых преступлений и миллионы жертв могут быть объяснимы «ошибками» отдельных личностей, а не жестокой классовой борьбой. В течение всей истории человечества ни один, даже самый глупый король, никогда не делал «ошибок», а вел сознательную классовую или националистическую политику и мог ошибиться лишь в расчете своих сил, но не в целях и деяниях, всегда соответствовавших его интересам.

И вдруг в XX-ом веке одному человеку, которого, между прочим, никто не считает идиотом, приписывают бездну, море «ошибок» и «перегибов». Тот кто придает такое магическое значение одной личности в истории должен быть без всякой жалости вычеркнут из списка марксистов и вписан в число монархистов.

Из миллионов людей выдвигается именно та личность и только та, которая больше всего соответствует интересам данного класса, и именно она, эта личность, воплощает в себе черты выдвинувшего ее класса и является лишь активным исполнителем и выразителем воли этого класса.

Ни один диктатор не захватил власти, — власть ему вручает захвативший ее класс, господствующий класс (так же как богатый господин нанимает шофера для своей машины).

Только со временем может произойти несоответствие между этой личностью и выдвинувшим ее классом и тогда личность эта сменяется (правда, нередко с опозданием — ибо нелегко оторвать вцепившегося в трон правителя), или же личность эта стареет и сменяется новой, а иногда стареет или сменяется весь класс.

Правитель — как одежда на человеке — выбирается по размеру и сменяется соответственно сезону и возрасту. Говорить: «Если бы во главе государства вместо господина А был бы господин Б, то все было бы иначе» — так же глупо, как утверждать, что если бы на старике в 70 лет вместо черного зимнего пальто были бы одеты красные детские

штанишки, то моментально зима превратилась бы в солнечное лето, а господин бы тот помолодел на 60 лет. Даже самая выдающаяся личность не может изменить хода истории, но может однако этот ход чуть ускорить или чуть замедлить — не больше.

Есть люди, которые утверждают, что если бы «хороший» Ленин остался жив, а не был бы заменен «плохим» Сталиным, то «все было бы иначе». Мы утверждаем, что если бы Ленин остался жив, он бы все равно был сменен Сталиным, ибо эта смена главы правительства произошла в результате загнивания коммунистической партии и ее превращения и перерождения в класс доминаторов. Те, кто утверждает обратное, т. е. будто загнивание это произошло из-за того, что Сталин «стал плохим» — самые безусловные монархисты. К тому же черты Сталина не были секретом ни для кого бы то ни было в ленинском окружении и свидетельств этому много. Всем известно завещание Ленина, в котором он перечислил недостатки Сталина (грубость, капризность, нетерпимость к критике, администрирование, чрезмерная подозрительность), а в письме в Центральный Комитет в 1922-ом году Ленин предупреждал: «Товарищ Сталин, сделавшись генеральным секретарем, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Нетрудно заметить, что черты Сталина (к которым следует добавить еще одну «яркую» черту — посредственность), в точности соответствуют чертам характера всего нового класса доминаторов, выросшего из партии, а заменив имя Сталина в ленинском предостережении словом «партия», получим фразу не менее пророческого звучания.

Кроме того, в приписке к завещанию, сделанной 4-го января 1923 г. Ленин прямо призывал снять Сталина с поста генерального секретаря. Характерно, что Центральный Комитет скрыл эту часть завещания не только от всего народа, но даже от большинства делегатов 13-го съезда партии, который по уставу был высшей инстанцией партии, должной принять окончательное решение.

Таким образом, верхушка партии не только нарушила завещание Ленина, подтвердив именно Сталина в роли генерального секретаря, но более того — она надсмеялась над памятью Ленина, дав Сталину еще более «необъятную власть». Ибо Сталин был воплощением этой переродившейся партии. Сталин на похоронах Ленина говорил: «Ленин умер, но дело его живет». К сожалению, дело Ленина

умерло еще раньше самого Ленина, на глазах самого Ленина и при полном его сознании, а иногда и содействии (как в случае с ликвидацией «демократической фракции»). Сам он почти идеально воплощал в себе первый период революции — период диктатуры пролетариата. Второй период — диктатуры от имени пролетариата — воплощал собой Троцкий (это под его руководством было раздавлено Кронштадское восстание), при несколько сдержанном одобрении Ленина, считавшего методы доминации неизбежным, но временным злом и потому поддерживавшего эти методы, особенно рьяно насаждаемые Троцким.

Когда же в начале третьего периода — периода диктатуры над трудящимися — Ленин увидел, что зло это не только не исчезает, но и растет неудержимо как морской вал, неся на своем гребне мрачную и серую личность Сталина, — он, Ленин, уже был беспомощен. Его гнев, возмущение, письма, предупреждения и, наконец, завещание не были приняты во внимание «аппаратом» партии. Троцкий еще больше сознавал опасность, но даже союз таких титанов как он и Ленин не способен был победить духа, выпущенного из бутылки при их же содействии.

Трудно сказать, была ли в этот период болезнь Ленина причиной его беспомощности или его беспомощность —одной из причин его болезни. Скорее последнее, во всяком случае ясно одно — если бы даже он был в полном здравии, он был бы все равно беспомощен остановить рождение нового класса. Ибо не та или иная личность, стоящая во главе государства, а объективные условия, экономика, классовые отношения определяют те или иные социальные явления и формы.

Тысячу раз была права Крупская, жена Ленина, сказавшая однажды, в 1927 г., что если бы Ленин жил еще, он сидел бы уже в одной из сталинских тюрем. И Троцкий (в книге «Моя жизнь») соглашается с этим: «Я думаю, что она была права. Так как дело не в самом Сталине, а в силах, которые он выражает, сам того не понимая». Но и сам Троцкий не мог понять, не мог поверить, что эти «таинственные силы», которые выражал собой Сталин, — это не кучка бюрократов-интриганов (категория субъективная, моральная — «плохие люди»), а зарождающийся новый класс доминаторов (категория социальная, экономическая).

Так как старый класс монодоминаторов был уничтожен, а трудящиеся не были ни готовы, ни способны к самоуправлению — должен был возникнуть новый класс до-

минаторов. Естественно, что этот класс мог родиться только из победившей партии, уже успевший отобрать реальную власть (т. е. собственность на средства производства) у Советов, неспособных тогда управлять промышленностью.

Но нельзя приписывать формирование этого класса только коммунистической партии, ибо если бы на ее месте была другая партия, или не было бы никакой — такой класс все равно бы родился.

В любой отсталой стране, уничтожившей монодоминизм, такое явление неизбежно, что доказывают примеры Китая, Югославии, Вьетнама и особенно — Кубы, где не коммунисты были главной силой революции.

Поэтому, по нашему мнению, неправ Даниель Кон-Бендит, этот замечательный человек-символ Майского восстания, приписывая в своей книге (соавтором которой является его брат Габриель) «Левизна — лекарство от старческой болезни комунизма» лишь бюрократизму компартии отнятие политической власти у трудящихся в России. Он объясняет только политическими интригами и злонамеренностью партийных бюрократов перерождение общественного строя России. А само это превращение рабочей партии в бюрократов, по его мнению, происходит «автоматически» — всякий, кто пытается руководить массами превращается в бюрократа, отрывается от масс и в конце концов становится врагом масс. Поэтому Кон-Бендит отвергает всякую партию, всякую попытку организации революционных масс, все оставляя стихийности. А между тем вся его аргументация остается на уровне политики, т. е. в области, где роль партий немаловажна. А, надо сказать: в этой области Кон-Бендит обладает замечательным чутьем. Мы же больше склоняемся к мнению, что «политика — это сгущенная экономика» (слова Ленина) и бюрократизацию, а также и вообще всю политику компартий объясняем их связью с новой формой собственности, которая родилась, а точнее — стала всеобъемлющей в странах, называемых социалистическими. Что касается политических оценок, данных Кон-Бендитом, то, в основном, они поразительно точны и тем более печальна его ошибка в оценке движения псевдоанархиста Махно, автора диких еврейских погромов и бандитских налетов на мирное население. Оценку свою Кон-Бендит основал на двух демагогических листовках, изданных самими махновцами. Наша оценка основывается на рассказах очевидцев, в достоверности которых сомневаться не приходится.

Интересно отметить, что оригинальное название книги братьев Кон-Бендит (реплика на ленинский труд «Детская болезнь левизны в коммунизме») отражает характерную болезнь многих «крайне левых»: за неимением другой идеологии они стараются «вылечить» коммунизм. Они не понимают, что устаревшие идеологии не «лечат», а — заменяют. Там где коммунизм стар — он неизлечим.

❋

Чем же характерна эта новая форма собственности, которая начала принимать отчетливые формы, как только буря гражданской войны утихла?

В сельском хозяйстве с разделом земли (по декрету земля была национализирована, но фактически крестьяне разделили ее между собой) установилась знакомая нам издавна моноэгалитарная форма собственности, — крестьянин сам труженик и владелец средств производства.

Но в промышленности рабочие не стали владельцами заводов — напротив, они потеряли даже элементарные права борьбы за улучшение материальных условий их жизни и труда.

К кому же перешли права собственности, потерянные патронами?

Чтобы ответить на этот вопрос уточним, что же такое права собственности на средства производства? Если принять, что это — право продать эти средства, то только в единоличных формах собственности (монодоминистской и моноэгалитарной) право собственника и право продажи сосредоточено в одном лице. В групп-доминистской форме группа акционеров коллективно владеет средствами производства и отдельный акционер может продать лишь свои акции, т. е. частичные права на прибыль, но никак не часть средств производства. Только коллектив акционеров совместно может продать все или часть принадлежащих им совместно средств производства.

Хотя отдельный акционер потерял это право продажи средств производства, никто не станет утверждать, что от этого он перестал быть собственником или одним из собственников. Ибо кроме этого «утерянного» права продажи, он обладает правом коллективно, совместно с другими решать все вопросы производства, присваивать продукт производства, продавать его, присваивать и распределять прибыль, определять зарплату или увольнять трудящихся (в последнем считаясь лишь с их силой). Кстати, не меша-

ет лишний раз подчеркнуть, что именно владение средствами производства, а через них — продуктом производства и, следовательно, всеми доходами и денежными средствами — дает владельцу этих средств реальную власть в управлении государством, и потому мы всегда настаивали на том, что ключом к власти служат средства производства, а не, как многие считают, — «деньги», владение которыми лишь следствие владения средствами производства.

Но можно идти и в обратном направлении — т. е. судя по тому, **кто** обладает правом продажи средств производства, **кто** распоряжается продуктом труда, присваивает и распределяет прибыль, определяет заработок трудящихся и, наконец, обладает реальной властью — судя по этому можно найти истинного владельца средств производства.

Можно ли утверждать, что пролетариат в странах «социализма» является таким владельцем? Он ли решает все эти вопросы?

Ребенку ясно что нет. Рабочие ничего и нигде в этих странах не решают — даже не существуют такие органы, в которых бы рабочие собирались и решали что-то важное. Рабочих собирают (и то лишь в качестве слушателей) только на «митинги солидарности» с советскими танками давившими рабочих в Дрездене в 1953-м году, или на «митинги протеста» против «бесчинств» чешских рабочих, в 1968 году требовавших самоуправления на заводах, — и снова — для выражения солидарности с теми, кто посылает танки против рабочих.

Кто же решает? Решают какие-то господа, называемые почему-то товарищами, всегда назначаемые «сверху» и никем не избираемые, обычно члены «партии» или их доверенные лица — целая каста или клика или прослойка, как обычно робко называют этот типичный и явно выраженный социальный класс профессиональных доминаторов.

Хотя отдельные члены этого класса не могут продать средства производства, весь класс в целом может и это (и он пользовался этим правом во времена НЭП'а, сдавая в концессию иностранным капиталистам предприятия и целые отрасли), а кроме того обладает всеми другими правами, которые мы определили как права собственности на средства производства. Но так как социальное единство людей, обладающих всеми этими правами и занимающих одинаковую позицию в той же форме собственности — это и есть определение понятия «имущий класс» — то

все эти господа вместе — не «прослойка», а самый настоящий социальный класс.

Кто-нибудь наивный возразит: «Но ведь это представители рабочего класса, многие из них даже 50 лет тому назад были в течение шести месяцев слесарями и делали революцию!»

Допустим, что это так. Более того — предположим такую фантастическую ситуацию — коллектив рабочих выбрал самого славного парня из своей среды и заявил ему: «Мы тебя выбрали, чтобы ты отныне и вовеки веков вместо нас распоряжался нашим заводом, всем продуктом нашего труда, распределением прибавочной стоимости, а заодно и государственными делами». О, ужас! Ведь с этой минуты коллектив завода потерял все права собственности на их завод, а «славный парень» стал настоящим и бесспорным патроном завода и одним из хозяев государства! И если даже он в течение шести месяцев до этого был слесарем, то теперь, на седьмом месяце он уже не слесарь, а, повторяем, — патрон.

Если вначале, на первом этапе революции, в партии было много «славных парней» и часто они избирались, то уже в начале «военного коммунизма» эти славные парни не выбирались рабочими для руководства делами, а присылались «из центра», от партии — ибо заводы так и не попали в руки рабочих. Что же касается третьего периода, то все больше карьеристов лезло за привилегиями и властью в партию, все более оттесняя «славных парней». Чем больше дела улаживались, страна богатела и росли привилегии членов партии, тем больше мрази было в ней, и под конец мразь стала столь сильной, что уже могла провести окончательную «чистку» от всего чистого, что оставалось в партии, от наиболее упорных славных парней, еще веривших в идеалы давно забытой их коллегами революции. И ко времени, когда трудящиеся уже не нуждались в становившихся все менее «славными» парнях, присылаемых из «центра» и были способны сами вести свои дела — к тому времени эти «парни» все более похожие на беспринципных бандитов, но всегда прикрывавшиеся именем славных парней и революционеров осчастлививших мир, к тому времени они уже так прочно впились в свои кресла, что выкурить их сможет лишь новая революция.

Во всяком случае, наш пример со «славным парнем», выдвинутым заводом, отличается от действительности тем, что весь рабочий класс (вместе с другими трудовыми клас-

сами) выдвинул когда-то такую «партию славных парней», но никогда не говорил, что отказывается от всех прав в их пользу. Права эти, однако, не вернулись к рабочему, тогда еще недостаточно образованному и организованному для самостоятельного управления делами, которыми стала распоряжаться коммунистическая партия, в силу этого переродившаяся и ставшая ядром нового социального класса доминаторского типа.

Маленький пример, который можно считать символическим. В начале века в Баку, на заводах нефтепромышленника Зубалова «славные парни» Сталин и Микоян организовывают стачки. Кто после Революции, в 1919-ом году, поселяется на подмосковной усадьбе Зубалова, становясь ее фактическими хозяевами?... Сталин и Микоян (сведения из книги «20 писем к другу» Светланы Аллилуевой, дочери Сталина). Кто становится фактическими хозяевами нефтепромыслов Зубалова? Рабочие нефтепромыслов? Нет! Сталин, Микоян и им подобные, весь новый класс доминаторов.

❦

Члены этого класса, много кричавшие о гегемонии пролетариата, в шутку называли себя сами «гегемонами». Чтож, будет так их называть всерьез, чтобы не спутать с патронами.

Не следует их отождествлять с коммунистами — ибо не все члены класса гегемонов — коммунисты, и в то же время есть много членов коммунистической партии, не являющихся гегемонами, а лишь кандидатами в гегемоны или просто статистами-трудящимися, нужными партии, чтобы объявлять всюду, что она — «партия трудящихся», и в то же время чтобы иметь дополнительное средство приведения к послушанию трудящихся-партийцев. Поэтому, если в СССР около 8-ми миллионов партийных, то из них может лишь два-три миллиона можно причислить к классу гегемонов, но кроме них в его состав могут входить несколько сот тысяч беспартийных, но «надежных» носителей гегемонии. Эта вторая категория — по большей части профессиональные административные кадры, специалисты, вполне «преданные», но боящиеся «взять партийную книжку», которая как баллон помогает подняться выше туда, откуда однако падение больнее и опаснее. Они удовлетворяются более надежной «подъемной силой», которую им дают знания, тогда как всякие власто-

любивые неучи и бездарности не могут обойтись без «книжки». С нею же — хоть куда, если уметь колебаться и изгибаться вместе с «линией партии».

Однако костяком класса гегемонов являются партийные кадры, а высшие органы партии — это генеральный штаб класса гегемонов, а следовательно и государства.

По каким признакам отнести одного человека к классу гегемонов, а другого — нет? Членом этого класса будет всякий, кто осуществляет права собственности на средства производства, т. е. тот кто решает основные вопросы производства, распоряжается продуктом производства, распределением прибавочной стоимости, зарплаты, кто участвует в присвоении прибыли и осуществляет политическую власть.

Весь класс гегемонов в целом осуществляет все эти функции, но отдельные члены могут заниматься только некоторыми из этих функций, ибо все эти функции специализированы и распределены между гегемонами. К этому классу относятся всяческие секретари и деятели всевозможных районных, областных и прочих партийных и исполнительных комитетов, советов и т. п., директоры, прокуроры, начальники «органов безопасности», тузы из хозяйственных и профсоюзных органов, жандармы науки и искусства, — в общем все те неприятные чины, которые сидят на шее у трудящихся классов, эксплоатируя и доминируя их.

Принадлежность к классу-гегемону не является вечной и гарантированной и не покупается, как акции, ибо все уже и без того находится во владении господствующего класса, но принадлежность эту нужно заслужить, доказав свою преданность классу (причем говорят о преданности «народу» или чаще — «партии и правительству», а реже всего о вышедшей из моды обманчивой формуле — «рабочему классу»). Если обычные преступления ему часто прощают, то в случае неповиновения или «идеологической ошибки» такой гегемон безжалостно, как школьник, выбрасывается «из класса» и лишается жирного заработка, служебной автомашины, дачи и всех прочих атрибутов «слуги народа», а в некоторые острые эпохи лишается свободы или жизни. Такому гегемону есть много чего терять, кроме своих партийных цепей. И он вечно должен изворачиваться, лицемерить, врать, бояться, пресмыкаться, скрывать и подавлять «слишком оригинальные» мысли, — в общем он должен превратиться в некую бесцветную массу, в хамелеона, меняющего цвета вместе с партией. «Сни-

зу» он встречает угодничество себе подобных и становится потому высокомерным с подчиненными, но сам превращается в угодника и подхалима по отношению к «высшему», и в свою очередь обливается «сверху» высокомерием.

Это приводит к тому, что внутри класса устанавливается строгая иерархия, почти армейская дисциплина и пирамида званий и функций, на вершине которой находится узкий круг чемпионов «альпинизма» — совет богов или один супер-бог (нередко с воинским званием генералиссимуса или маршала), и это там, на вершине, принимаются основные решения в интересах всего класса и по подсказке этого класса, — после чего вся свора вплоть до последнего ефрейтора кидается развивать и рьяно приводить в исполнение «всевышние» решения, (именно в этом суть «демократического централизма»!), совершенно не считаясь с мнением «рядовых солдат» — трудящихся.

Последние, совершенно как солдаты, которых пугают внешним врагом, за солдатский паек должны строить укрепления и виллы своего «офицерства» — класса гегемонов, сами продолжая жить в казармах, и веря в грядущее «удвоение пайка». И мы с полным знанием дела утверждаем, что в среднем личность гегемона более неприятна, чем личность патрона — мы имели возможность лично сравнить обе — без этого мы не считали бы себя уполномоченным написать эту книгу. Если патрон-акционер спокоен за свои права, ибо заплатив за акции, не может потерять своих прав на них даже если он будет цитировать целыми днями своим коллегам «Коммунистический манифест», то гегемон побоится цитировать у себя тот же манифест, не получив на то инструкции из высшей инстанции. Поэтому гегемоны — чемпионы тупости и ограниченности среди всех доминаторов всех эпох человеческой истории, и их тупость доходит до того, что некоторые из них даже верят, что они — «слуги народа» и что они делают все их пакости «для блага народа», а не для собственного блага.

Но этому верят не только некоторые из них, но и немалое число трудящихся. Тем более, что родился этот класс из некогда революционной партии, опиравшейся на марксизм, и класс этот продолжает рядиться в одежды марксизма, социализма и кричит на всех перекрестках, что он — представитель трудящихся, что он строит коммунизм, а не собственное благополучие, что он уничтожил у себя эксплоататоров и эксплоатацию. А так как революция (а не этот класс) действительно уничтожила один

из видов явного доминизма, то хотя вместо него установился новый доминизм, — его характер труднее определить, ибо он более скрытного типа — и многие верят демагогии класса гегемонов, будто он осуществил марксовский социализм. Искаженный марксизм служит им фиговым листком, прикрывающим первородный грех доминации и эксплоатации. Знаменательна в этом отношении фраза Ленина, которую вполне можно отнести к сегодняшним коммунистам: «Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет его врагов рядиться в одежды марксизма».

Поэтому их крики о «рабочем государстве», о «социализме, который они осуществили» — колоссальное мошенничество в мировом масштабе, которому многие еще, к сожалению, верят.

❦

Подойдем к решению загадки нового класса другим методом — методом формулы соотношения элементов общества.

Мы уже встречались в предыдущей главе с классовой формой собственности и это была такая форма, в которой целый класс доминаторов совместно владеет некоторой суммой средств производства, трудящиеся же лишены права собственности. Ее мы назвали класс-доминистской и формула этой собственности имеет вид:

$$ДДД \rightarrow МММ \rightarrow Т$$

В патроналистском обществе это соответствовало «национализированному» сектору, но мы определили, что на деле это побочная, добавочная собственность класса патронов в целом, управляемая через посредство государственного аппарата, который сам является лишь слугой класса патронов (хотя и выполняет также публичные функции).

Там же, в предыдущей главе, мы сделали такое предположение (здесь мы цитируем самого себя): «Если предположить, что постепенно национализируются все патроналистские предприятия, то государственные чиновники потеряют своего фактического хозяина — класс патронов — и станут сами непосредственным классом-хозяином, и тогда никаким химическим анализом или микроскопическим исследованием нельзя будет отличить созданное та-

ким образом общество от того «социализма», который господствует в СССР и прочих социалистических странах».

Если, к примеру, вместо патрона владельцем фирмы станет его бывший управляющий одного из филиалов этой фирмы, то от этого форма собственности не изменится, только управляющий из служащего превратится в патрона.

Так же точно, в случае «национализации» всего хозяйства, каста государственных чиновников (управляющих) превратится в класс социал-патронов, но характер этой собственности не изменится — она останется класс-доминистской, и ни сама ее формула, ни позиция в ней трудящихся не изменятся. В действительности же в развитых странах патронализма «национализация» останавливается на определенном уровне и класс-доминистская собственность не становится преобладающей.

Но в некоторых отсталых странах «национализация» проводится — причем внезапно, путем революции и ликвидации монодоминистской (а иногда и моноэгалитарной) собственности — и результат точно такой же, к какому мы пришли, допустив гипотезу постепенной национализации, только новый класс социал-патронов формируется не из касты государственных чиновников, а в основном из числа революционеров, т. е. из всех недовольных существующим порядком, выходцев из разных слоев населения. Если те кто трудятся при захваченных таким образом средствах производства неспособны взять их в свои руки и управлять ими самостоятельно (случай отсталых стран), т. е. установить групп-эгалитарную форму собственности, то вместо трудящихся будут управлять этой собственностью и неизбежно станут этим новым классом собственников те, кто организовал революцию. Тогда двухэтажная структура общества сохранится, и те кто занял на верхнем этаже мягкие кресла — неизбежно ожиреют и переродятся в класс доминаторов, который уже не захочет передать в руки трудящихся собственность на средства производства даже тогда, когда трудящиеся будут способны сами всем управлять и все решать.

Таким образом, собственность эта остается доминистской, «двухэтажной», независимо от того, кто занял кресла верхних этажей, и, явившись результатом «национализации», становится классовой, точнее — класс-доминистской.

А, значит, и формула и суть ее точно такая же как

и у «национализированной» собственности в патроналистском обществе и может быть выражена так же:

$$ДДД \rightarrow МММ \rightarrow Т$$

Однако хозяин сменился. Раньше это был класс патронов в целом, отдельные члены и группы которого имели кроме этой также и свою моно- или групп-доминистскую собственность, как основную. Здесь же в «социализме» это класс-патрон ничем, кроме этой совместной собственности не владеющий, класс гегемонов, как мы его назвали.

Чтобы различить эти две разновидности той же класс-доминистской формы собственности, дадим первой из них название социал-патроналистской, ибо владелец капитала в ней — сообщество патронов, к тому же эта собственность по своей структуре ничем не отличается от той, которую называют «социалистической».

Вторую назовем **гегемонистской**, а общество, в котором она — главная или даже единственная — **класс-доминизмом**, или по имени собственника капитала — **гегемонизмом** (а не лучше ли «тотальный патронализм»? Ведь класс-гегемон — полный тотальный хозяин во всех без исключения областях общественной жизни и экономики).

И кроме всего — чтобы не шокировать публику и гегемонов, привыкших называть это «социализмом», и чтобы избежать путаницу между «настоящим» и «ненастоящим» социализмом, будем также величать это общество социализмом без кавычек.

❁

Здесь мы оговоримся, что это последнее название Маркс применял для общества совсем другого типа: такого, в котором ассоциации рабочих сами владеют средствами производства, не отделены от них, а, следовательно, нет элемента Д (доминатор), а представители этих ассоциаций осуществляют государственную власть до момента естественного исчезновения государства (следует отметить, что Парижская коммуна была первой попыткой создания именно такого общества). Называл он это также коммунизмом, но и это слово с тех пор было многократно изнасиловано, злоупотреблено, затаскано и обветшало до неузнаваемости — до такой степени, что когда его произносят, то уже и неизвестно что оно означет. Поэтому, если мы здесь временно, до выяснения, называем общест-

во будущего эгалитаризмом, а не как Маркс — коммунизмом или социализмом — то это не потому, что мы с Марксом несогласны. Наоборот, именно потому, что мы с ним согласны в том что касается сути этого общества будущего, общества ассоциаций трудящихся, и желая, чтобы осталась чистой первородная суть его, мы сменили ему имя, ибо старое имя слишком часто использовалось всяческими идеологическими мошенниками и фальшивомонетчиками. Столько разных пройдох именовало себя социалистами и коммунистами, что предпочтительнее им оставить это запачканное звание, чем заниматься его химической чисткой.

Итак, оставим звание социализма обществу классдоминизма (оно же — гегемонизм). Тем более, что другого названия ему никто не придумал (даже те кто утверждает, что «это не социализм»).

Следует сделать еще одну оговорку: Маркс был сторонником социализма типа ассоциаций трудящихся лишь в период после Парижской коммуны, как бы открывшей ему глаза. В другие периоды его социализм был «государственным», централизованным и несшим в себе зерна деспотизма. Вот какие меры он предлагал для будущего общества (цитаты из «Коммунистического манифеста», опубликованного в 1848 г.): «...сконцентрировать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата организованного в господствующий класс...» (пахнет Сталиным, а не «господством» пролетариата), «...организация промышленных армий, особенно в сельском хозяйстве» (чем не Троцкий со Сталиным вместе!), «централизация в руках государства всех средств транспорта... кредита» и т. д. В общем — Централизация с большой буквы. Именно такого Маркса обожают коммунисты, именно с таким Марксом боролся Бакунин, этот пророк с чистой душой Дон-Кихота, родившийся на 100, а может и на 200 лет раньше времени.

Таким образом — Марксов два. Мы признаем за обоими право ошибаться, но предпочитаем второго, прозревшего после Парижской коммуны. Если первый и высказал некоторые идеи, взятые на вооружение гегемонами, нельзя его обвинять в злом умысле — он искренне верил, что когда пролетариат свергнет буржуазию, угнетение и эксплоатация исчезнут навсегда. Если бы даже этот «первый» Маркс жил сегодня — он бы возненавидел гегемонов не меньше, чем он ненавидел патронов (и возможно сидел бы

с ожившим Лениным в совместной камере одной из брежневских тюрем).

Поэтому и в дальнейшем все же не будем говорить: «Маркс первый» или «Маркс второй», а просто — Маркс. Не забывая, однако, что он был человеком и ничто человеческое не было ему чуждо — даже ошибки и противоречия. И именно таким следует его принимать: живым, а не мраморным.

❦

Если бы мы хотели здесь сделать экономический анализ класс-доминизма, как мы сделали это с патронализмом на примере завода кранов, то здесь можно было бы начать анализ иначе: представив всю социалистическую экономику в пределах одной страны как один огромный изолированный промышленный комбинат, управляемый акционерным обществом «Класс-гегемон энд компани», у которого нет никаких конкурентов, а значит цены устанавливаются почти произвольно, вне прямого влияния спроса, конкуренции или мировых цен. Комбинат этот сам добывает металл, отливает его и обрабатывает, производит электроэнергию и станки, и сам же потребляет всю продукцию своего производства, главным регулятором которого является «план» (он не что иное как свод приказов и пожеланий класса-гегемона в его собственных интересах), могущий быть совершенно абсурдным и невыполнимым. Но опасаясь, чтобы эта глава не стала чемпионом по длине, не будет углубляться здесь в этот анализ, тем более что в обществе будущего будет установлена не такая жесткая экономика, а более свободная.

Почему именно эта форма собственности — класс-доминистская — устанавливалась в неразвитых странах монодоминизма, которые нуждались в быстром развитии? Она имеет несколько преимуществ именно для таких стран.

Первым и наиболее важным является то, что сосредоточение **всех** средств производства в одних руках — в руках одного объединенного класса — позволяет создавать значительные накопления и направлять все ресурсы в ту отрасль, которая более всего важна для развития индустрии, не считаясь с тем принесет ли это прибыль в ближайшие годы, ибо потери в одной отрасли могут быть покрыты доходами в другой. Отсутствие всякой конкуренции имеет двоякое значение:

1) положительное: ибо это позволяет значительно уменьшить долю коммерческой прибавочной стоимости и

2) отрицательное: ибо лишает производство стимулов к повышению качества изделий и к рационализации, что бесспорно служит причиной значительного снижения производительности труда по сравнению с патроналистской системой.

Последний серьезный недостаток казалось бы должен уменьшить накопление, т. е. часть прибыли, которая используется для расширения производства и которая является наиболее важной для страны, желающей быстро выйти из состояния отсталости. И все-таки именно класс-доминизм позволяет быстрое и массовое накопление — за счет значительного снижения потребления как трудящихся, так и гегемонов — путем удержания зарплаты трудящихся на скромнейшем, хотя и не нищенском уровне, а окладов гегемонов на не слишком высоком уровне, равном сумме реальной заслуженной зарплаты плюс не очень жирная часть прибыли.

В отношении трудящихся это возможно потому, что в гегемонистском обществе нет никакой конкуренции в предложении труда, ибо хозяин всюду один и зарплата устанавливается им всюду та же, тем более что никакие забастовки не грозят этому хозяину. Если в капитализме отдельный патрон не может приказать полиции подавить забастовку, ибо государственные органы согласятся на такой акт лишь если он соответствует интересам всех патронов в целом, то здесь хозяева заводов и полиции — те же лица (мечта патрона!), и каждая забастовка подавляется немедленно и безжалостно — и положительных результатов дать не может. Соотношение между зарплатой и прибылью и здесь зависит лишь от соотношения сил между гегемонами и трудящимися, а пока соотношение это — не в пользу трудящихся, зарплата их низкая. Однако соотношение это с ростом образования и сознательности трудящихся постоянно меняется — в их пользу, так же как и в патроналистском обществе. И их заработки, а также эффективность забастовок, будут расти вместе с их силой.

Что касается класса гегемонов, то для него общие интересы всего этого класса в целом (интересы доминации) важнее личных интересов отдельных его членов — он больше склонен жертвовать материальными выгодами, которые дает эксплоатация, в случае если это может укрепить его доминацию. А так как более быстрое накопление и развитие хозяйства укрепляют его доминацию, то он умеет ограничивать аппетиты своих членов, тем более, что им, «слугам народа», следует тщательно скрывать свое богат-

ство и привилегии от скудно оплачиваемых трудящихся. В первые годы после революции, когда в стране нищета повсеместна, а в партии еще не выветрился идеализм (Куба, Китай, Вьетнам, СССР в первые годы после революции), гегемоны даже умеют ограничиться совсем скромными доходами, тем более что с вершины пирамиды строго наблюдают за «примерным поведением» нижних чинов, находящихся в контакте с трудящимися. Когда же страна встает на ноги, а идеализм гегемонов выветривается, их скромность сменяется такой бурной любовью к сладостям жизни, к обжорству, что не только морально, но и физически они все больше теряют человеческий облик. Но и тогда их потребление не может быть слишком дутым и заметным для трудящихся.

Поясним все эти рассуждения примером. Представим себе два одинаковых машиностроительных завода с тем же числом рабочих — один будет изображать собой капитализм, второй — социализм. Капиталистический завод создаст 1.000.000 долларов в год прибавочной стоимости и из них 600.000 вынужден будет отдать рабочим в виде зарплаты (иначе рабочие забастуют или уйдут к конкуренту). Из прибыли, т. е. из оставшихся 400.000 патроны используют для своего обильного потребления и для личного накопления 300.000, а для расширения производства 100.000. Это значит, что завод должен будет выпускать товаров потребления на 900.000 и только на 100.000 — станков и оборудования. Такая пропорция (9 : 1) патрона не очень волнует, ибо он получит одинаковый процент прибыли с продажи и товаров потребления и станков.

На социалистическом заводе производительность труда окажется, скажем, вдвое меньше, т. е. он выпустит продукции на 500.000 долларов. Так как рабочие здесь лишены права забастовок, а перейдя на другой завод, встретят того же хозяина — класс гегемонов, то им ничего не остается как принять скромный заработок в 250.000 долларов, назначенный их хозяином-гегемоном. Но так как и сам гегемон скромнее чем патрон, по причинам, о которых мы говорили, то из прибыли, т. е. оставшихся 250.000 он удовлетворится для своего потребления суммой в 50.000, а для накопления останется 200.000. Это значит, что этот завод должен будет выпускать предметов потребления на сумму, соответствующую всей зарплате трудящихся (250.000) плюс потребление гегемонов (50.000) — т. е. всего на 300.000, но зато станков и оборудования он выпустит на 200.000, т. е. вдвое большем чем капиталисти-

ческий завод. И пропорция производства предметов потребления к средствам производства будет равна 3 : 2. Это значит, что, несмотря на низшую производительность труда, социализм позволяет более быстрое расширение производства, т. е. более «быстрый бег», и в сравнительно короткое время он догоняет по производству средств производства развитые страны капитализма, хотя в производстве предметов потребление отстает попрежнему намного.

Для примера сравним Францию и Советский Союз. В 1967 году (данные взяты из журнала «Л'юзин нувель» за 24 апреля 1969 г.) Советский Союз превосходил Францию примерно на 10% по производству электроэнергии, стали и чугуна на голову населения, но легковых автомобилей (также на голову населения) Франция производила в... 30 раз больше. Ибо в СССР их выпускается немногим больше того, что нужно самому классу гегемонов плюс нужды в такси (которые в некотором смысле являются средством производства), — всего 250.000 в год на население в 220 миллионов. Это значит, что при равных возможностях, большая часть стали, электроэнергии и труда идут в Советском Союзе на расширение производства, и очень мало для потребления, т. е. для насущных нужд трудящихся. Иначе говоря, класс гегемонов предпочитает развивать экономическую (т. е. и военную) мощь государства — а значит и свою собственную мощь, — чем благосостояние масс. Тщеславие императоров всегда оплачивалось народом, а пирамиды строились на костях рабов.

Отметим однако, что в нашем примере мы сравнивали развитые страны. Если взять две отсталые страны со слабым пролетариатом, из которых одна вступила на капиталистический путь развития (к примеру Индия), а вторая на социалистический (Китай), то в первой эксплоатация будет максимально возможной, и трудящиеся окажутся в большей нищете, чем во второй. Ибо класс-гегемон, имея все возможности держать своих трудящихся в нищете, не может однако их в ней оставить по политическим соображениям. Класс этот взялся вывести свой народ из нищеты и, чтобы иметь поддержку народа, он должен крайнюю нищету уничтожить, но, сделав это, он в дальнейшем все же оставляет народ в бедности — ибо после индустриализации вышеприведенный пример становится действительным. Но так как индустриализация проводится много быстрее социалистическими методами, то для отсталых стран класс-доминизм благословенен. И мы не сомневаемся, что Индия должна пойти и пойдет по китайскому пути.

❦

Но если в послереволюционный период такая степень накопления была обусловлена насущной потребностью выйти из состояния отсталости, и трудящиеся понимали это, были полны энтузиазма и готовы на любые жертвы «ради светлого будущего», то с годами, когда уже индустриализация была осуществлена, классу гегемонов все труднее было объяснить отчего все еще от народа требуются жертвы без конца, вечно «нехватает» предметов потребления, а «светлое будущее» не становится настоящим. Герметическая изоляция от внешнего мира перестает быть эффективной («проклятое радио, которого никак полностью не заглушишь!») — и все труднее скрыть тот факт, что на «гнилом Западе» трудящиеся живут много комфортабельнее (автомобили, туристские поездки «куда хочешь» и т. д.). Трудящиеся начинают ворчать, нервничать, все меньше верят, что у них социализм без господствующих классов, что их государство — «рабочее», что в нем полная свобода и истинная демократия, что их никто не эксплоатирует, что они самые счастливые в мире, и что те, кто сидит у них на шее и вмешивается во все дела, вплоть до самых интимных, — делают это для «блага народа». Уже не помогает «идейно-воспитательная работа», основной аргумент которой таков: «поскольку Маркс сказал, что после уничтожения частной собственности исчезнет эксплоатация и наступит рай социализма, а частную собственность мы уничтожили, значит у нас социализм. Если еще он не райский, то очень скоро будет таковым». Но так как в красивую рамку марксизма не удается впихнуть довольно неприглядную действительность, то очевидно деформируется до неузнаваемости сам марксизм, укрывается в нем то, что невыгодно и подклеиваются «теории», которых «нехватало». Борода а ля Маркс служит для прикрытия толстого брюха класса-гегемона. И многие недоумевают — вроде бы все по Марксу: капиталистов как будто бы и нет, да и темпы роста вроде бы многообещающие. И все-таки «что-то не так» — по программе все хорошо, но повидимому «начальство что-то напутало». Ворчание все усиливается, а пропаганда не помогает. Тогда идет в ход политика палки и пряника — процессы, аресты, пытки, ссылки, расстрелы, снижения цен, «материальная заинтересованность», уступки, снова аресты, клевета, угрозы, премии, доносы, парады, ордена, убийства. «Цель оправдывает средства» — этот принцип средневековых

инквизиторов повторяют гегемоны в свое оправдание. Но все дело в том, что цель — укрепление и сохранение власти класса гегемонов — не менее грязна, чем средства, которыми не брезгует этот класс. Чем отвратительнее эти средства, тем очевиднее истинный характер их «изобретателей», тем больше ясновидящих, прозревших. Для оправдания своей доминации и ее методов гегемоны говорят о трудящихся, проявивших океан благородства, альтруизма, самоотверженности, и истинного и невиданного в истории героизма, — что они еще «несознательны», что их нужно «воспитывать», что они еще не избавились от «буржуазных предрассудков», что еще полно «врагов социализма», что «международная обстановка»... и т. д. и т. п. Вместе с тем без конца превозносятся «высокие качества» коммунистов со ссылками, в основном, на примеры времен революции. На деле же истинные революционеры, идеалисты, — почти вся старая гвардия — были сосланы, замучены, расстреляны. А новый класс стал прямой противоположностью этих идеалистов, тогда как трудящиеся в развитых странах гегемонизма сегодня намного превышают культурным и моральным уровнем своих доминаторов. Секретарь райкома — нищий духом и разумом по сравнению со многими из рабочих. Класс гегемонов рекрутирует подлецов, лицемеров и только беспринципный человек может «сделать карьеру», особенно в партии, где не знания, а «преданность» важны. Человек честный, независимый, думающий, прямой, — рано или поздно «отклонится» от извилистой «линии партии» и неизбежно будет из партии изгнан, если он не довольствуется ролью статиста. Такой «естественный отбор» тем строже, чем выше этажи пирамиды, и те кто, пройдя все фильтры, вскарабкались на вершину, должны обладать «особыми» качествами.

Замечательно описал (но не объяснил) класс гегемонов Джилас (сам бывший гегемон) в книге «Новый класс», вышедшей еще в 1957 году. Анализ его всесторонен, но не всегда достаточно глубок, а часто противоречив. Не забыв ни одного греха социализма, но не всегда объясняя до конца корни этих грехов, Джилас в то же время воспевает западную демократию чуть ли не как идеал. Будущее Джилас видит не в уничтожении обеих систем и в их замене третьей, а в их сближении — капитализм «социализируется», расширив национализированный сектор, а социализм «капитализируется», введя либерализацию в экономике и в общественной жизни. Одним словом: «бюрократы всех

стран, соединяйтесь!». Более грустное будущее трудно себе представить. Мы все-же не такие большие пессимисты и верим, что человечество избавится и от патронов и от гегемонов, а не удовлетворится смешанной породой этих двух видов животных.

❦

Прежде чем заглядывать в будущее, вернемся еще к истории СССР, которую мы покинули, чтобы определить суть нового общества, родившегося там. Зная его характер, мы легче поймем события последовавшей «сталинской эпохи».

Первым делом, очень кстати похоронив уже ставшего помехой Ленина, новые доминаторы занялись ликвидацией всяких оппозиций, в основном состоявших из истинных революционеров, идеалистов, ничего не забывших и ничему не научившихся, все еще утверждавших, что революция была сделана, чтобы уничтожить всякую эксплоатацию и всякую доминацию, и доходивших даже до наивных требований самороспуска партии и передачи полной власти то ли профсоюзам, то ли советам. Они не поняли, что партия перестала быть сообществом людей, объединенных общей идеологией, а стала организованным ядром класса доминаторов, имеющего экономическую, а не идеологическую базу. Сталин это прекрасно понимал и, натравляя одних «идеологов» на других, сам опирался на серую, но стоящую твердо на земле массу партийных «аппаратчиков», а они в свою очередь поддерживали против блестящих «идеологов» своего серого генерального секретаря, в котором «аппаратчики» видели свой собственный портрет. И они, конечно, оказались сильнее, ибо в их руках были не только все стратегические позиции (ключевые посты, пресса), но и весь арсенал отравленного оружия — интриги, клевета, обман, фальсификация, подкуп, — тогда как «идеологи» воевали лишь копьями дон-кихотовского образца (интересны в описании этой борьбы две книги: «Моя жизнь» Троцкого и «Сталин» Дейчера). Борьба эта происходила в верхах партии, уже оторвавшейся от масс, и массы трудящихся не принимали в ней участия, хотя это их судьба решалась. Скупые сведения об этой борьбе в искаженном виде пропускались через фильтр партийного аппарата, и те кто пытался защищать интересы трудящихся, после такой фильтрации представлялись «врагами народа». Вскоре аппаратчики настолько укрепили свои позиции, что уже (1929 год) могли выслать Троцкого из

страны и объявить, что их серый «Сталин — это Ленин сегодня», — ни больше ни меньше.

❦

Тогда был объявлен курс на ускоренную индустриализацию и на сплошную коллективизацию сельского хозяйства. Первая из этих мер была безусловно необходима, поддержана рабочими и, опираясь на их беспримерном и еще неистощившемся энтузиазме и самоотверженности, — проводилась успешно. Здесь интересы гегемонов и трудящихся совпадали.

Иначе шла коллективизация. Ленин в свое время говорил о необходимости поощрения кооперативов в сельском хозяйстве, без которых механизация и рационализация были бы немыслимы. Капиталистический путь поощрения крупных ферм, конечно, не мог быть принят. Оставался путь коллективизации. Но какими методами? Ленин предостерегал, что «переход к коллективному земледелию пролетарская государственная власть должна осуществлять лишь с громадной осторожностью и постепенностью, силой примера, без всякого насилия над средним крестьянством», что «лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены на практике».

Так бы проводилась коллективизация, если бы власть действительно была пролетарская, — такая, которая приняла бы во внимание интересы крестьян. Но у власти были гегемоны и цели у них были свои: во-первых, обеспечить себе полный контроль над крестьянством (в промышленности они уже себе его обеспечили, вытеснив нэпмана, т. е. мелкого собственника), во-вторых, согнать часть крестьян с земли, чтобы направить их в качестве дешевой рабочей силы для индустриализации.

Ну а когда цель нечистая, то и методы — грязные. Ленинские советы постигла та же судьба, что и его завещание.

В 1929 г. началась насильственная коллективизация. Если в июле этого года в колхозах было 1 миллион крестьянских хозяйств (всего их было 24 миллиона), то в конце было коллективизировано около 5 миллионов хозяйств. В январе 1930 г. Центральным Комитетом коммунистической партии (характерно — что уже официально партийный орган принимает решения экономического характера) было принято постановление о том, что к концу

1933 года должна быть закончена **сплошная** коллективизация, причем в том же постановлении говорилось о «недопустимости нарушения принципа добровольности вступления крестьян в колхозы». Красиво? Если бы партия решила сбрить всем бороды, ее постановление звучало бы так: «В интересах народа необходимо провести кампанию по стрижке бород. Стрижка должна быть совершенно добровольной. По истечении срока в три года каждому, кто захочет сохранить бороду будет срублена голова. Та же участь постигнет руководителей районов, в которых будут обнаружены бородатые». Партийные «парикмахеры» бросились рьяно исполнять «постановление по стрижке». Сопротивление крестьян было отчаянным. Фактически в Советском Союзе снова шла кровавая гражданская война. Столкнулись два класса, представители двух форм собственности — класс-доминистской и моноэгалитарной. Чтобы сломить сопротивление крестьян применялись все методы — карательные экспедиции, суды, реквизиции, экспроприация (и не только зажиточных крестьян, но всех кто отказывался записываться в колхозы), угрозы, массовые высылки в Сибирь, натравление бедных крестьян против зажиточных, лживые обещания, денежные подачки. Созданные такими методами колхозы росли, как отравленные грибы. Но сопротивление не уменьшалось, а все росло и тогда класс-гегемон издал новое постановление, объявившее местных «парикмахеров» виновниками «перегибов», темпы «стрижки» были замедлены, но принцип — «борода или голова» — остался незатронутым. В 1933 г. в деревнях были созданы «политические отделы», фактически руководившие колхозами. Председателями колхозов назначались присылаемые «сверху» и ничего не смыслившие в сельском хозяйстве партийные деятели. Колхозники никаких прав решения не имели, и никаких следов групповой формы собственности в колхозах не было. В сельском хозяйстве установилась точно такая же класс-доминистская форма собственности, как и в промышленности, и хозяин был — тот же класс-гегемон. **Гегемонизация** — вот как следует называть такую «коллективизацию».

Цель была достигнута. В 1937 году в колхозы уже было согнано 93% всех крестьянских хозяйств, занимавших 99% посевных площадей.

Итак, класс-доминистская собственность стала монопольной, повсеместной и единственной. «Социализм» был построен.

❦

Создание индустриальной базы, «коллективизация» сельского хозяйства, ликвидация безграмотности и создание новых технических кадров и интеллигенции, уничтожение всяких следов частной собственности (и не только монодоминистской, но и моноэгалитарной, трудовой), — казалось бы все это подготавливало условия, чтобы класс-гегемон мог начать передавать свои неограниченные права и власть в руки трудящихся, в руки Советов и установить истинную свободу и демократию, — т. е. чтобы начать переход к групп-эгалитаризму.

Не тут-то было! Именно в это время, после укрепления своих экономических позиций, класс-гегемон устанавливает свой контроль буквально во всех областях общественной и личной жизни, и усиливает свою диктатуру. Он переходит к физической ликвидации своих явных и даже потенциальных противников. «Еретики» расстреливаются, замучиваются в застенках ГПУ или посылаются в концентрационные лагеря, где гибнут тысячами в нечеловеческих условиях от пуль, голода, холода и болезней.

Так гибнут самые честные, думающие, непримиримые к несправедливости, прямые люди. Среди них множество старых революционеров, интеллигенты, рабочие, крестьяне, лучшие писатели, все кто проявил малейшее непослушание, самостоятельность мысли, — все кто хотел возврата к идеалам Октябрьской революции, все кто был инстинктивным или сознательным врагом доминизма класса-гегемона.

Все это было не какой-то «ошибкой», а проявлением настоящей и жестокой классовой борьбы между трудящимися и классом-гегемоном. Всякое другое объяснение смехотворно для истинного марксиста. Даже советские лжемарксисты не могли не признать, что характер этой борьбы — классовый, только они объясняли будто это борьба между трудящимися классами и «остатками эксплоататорских классов». Возможно этих «остатков» 20 лет после революции и выжило еще с 30-40 тысяч, но никакой экономической базы у них не было, ни возможности организации. Во всяком случае ни один здравомыслящий человек не согласится, что «остатков» этих осталось 10-15 миллионов человек — а именно такова примерная цифра всех арестованных, расстрелянных, сосланных (точная цифра нигде не была опубликована).

В то же время гегемоны начали более открыто и смело пользоваться плодами эксплоатации. В 30-х годах они уже жили совсем «по-буржуазному» — у них, сначала на вершине пирамиды, потом все ниже, появились автомобили, дачи, прислуга, богато обставленные квартиры, к их услугам были оборудованы шикарные курорты, их дамы стали покрываться богатыми шубами и драгоценностями. Оклад секретаря райкома раз в 20 превосходил заработок среднего рабочего, так что сомневаться в том, являлся ли этот секретарь эксплоататором не приходится. Держались гегемоны в своем кругу, обособленно от «простого народа», ибо их душевный склад и материальный уровень резко отличались от общенародного. К тому же им следовало скрывать свое богатство.

Читателя, любящего хорошую литературу мы отсылаем к изумительной книге Солженицына «Раковый корпус». В ней в образе Русанова показаны психология, образ жизни и карьера типичнейшего гегемона, одного из тех, которые и сегодня правят в Советском Союзе.

❦

В благодарность за свое комфортабельное положение, гегемоны начали еще громче воспевать того, кто играл видную роль в создании их благополучия — того кто занимал вершину пирамиды, их «гениального вождя и учителя» Сталина. Сам Сталин при всем его властолюбии и тщеславии никаким образом не мог на первых порах хвалить самого себя или создавать «культ» собственной личности. Но всякой общественной группе или классу, основанным на доминации, на строгой дисциплине и слепом преклонении перед высшими по рангу, а значит на интриганстве и подхалимстве — свойственно обоготворение, смешанное со страхом того, кому удалось забраться на самую вершину иерархической лестницы. Так что идолопоклонничество перед «вождем» — совершенно натуральное явление в класс-доминистском обществе. Если Ленин изо всех своих сил и совершенно искренне боролся с этим отвратительным явлением, то Сталин его принимал как должное и даже использовал довольно ловко.

Нынешие гегемоны пытаются свалить всю вину на Сталина за «создание культа личности». Как этот культ, так и сам Сталин лишь исчадья всего класса гегемонов, выражения его сути. Точно так же террор, ответственность за который приписывается двум-трем лицам, — порождение

в с е г о этого класса, отражение самого его духа. Почти все члены этого класса были активными или пассивными авторами и сообщниками всяких «чисток», — даже если они проводились в рядах самого этого класса, ибо весь этот террор проводился в исключительных интересах класса-гегемона в целом, для укрепления его позиций, а сотни тысяч ежовых и берий были только рьяными палачами и исполнителями воли этого класса, **их** класса. Совсем не случайно во всех странах, где класс-гегемон несколько укреплял свои позиции, повторялись те же явления: процессы, чистки, тюрьмы, пытки, доносы, «нарушения законности», свои «культы личности», свои «берии» и т. д.

Все эти явления характерны для класс-доминистского общества и являются следствием сочетания доминистского характера класса-гегемона и его специфической целостной структуры. Если в монодоминизме класс доминаторов имеет «атомную» структуру, в которой каждый «атом»-доминатор как бы независим, то в групп-доминизме — структура «молекулярная» — т. е. такая, в которой «атомы» объединены в отдельные группы. Что касается класс-доминизма, то в нем структура господствующего класса — «кристаллическая», — такая, в которой все атомы составляют единый блок и каждый атом — лишь узел единой кристаллической решетки, но весь кристалл принимает обязательно пирамидальную форму в силу особых иерархических связей между «атомами». Решетка эта неизбежно дополняется и укрепляется тюремными решетками.

Для тех кто незнаком с атомной физикой сравним класс доминаторов в монодоминизме с отелем для холостяков, где в каждой комнате стоит узкая кровать-завод, в групп-доминизме — с отелем для семей, с квартирами и «кроватями» пошире, а в класс-доминизме это будет отель для одной огромной семьи без всяких перегородок и с общей широченной кроватью — индустрией. Ясно, что в каждом из этих классов-«отелей» нравы будут свои, специфические. Но в разных странах «отели» того же типа будут схожи, как похожи друг на друга разные кристаллы из того же материала.

❦

Можно бы долго анализировать особую природу гегемонизма и гегемонов, но мы ограничены местом и временем и будем останавливаться лишь на наиболее существенном.

Каковы бы ни были отрицательные стороны, эгоистические цели и неблаговидные действия класса-гегемона в СССР, — результат этих действий бесспорен — страна эта за короткий срок стала великой державой с сильной индустрией, образованным, хотя и бесправным населением и огромными возможностями. Неимоверные усилия и жертвы народа принесли свои плоды.

Но чем сильнее становился СССР, тем явственнее проявлялся доминистский характер класса-гегемона и во внешней политике. Накануне Второй мировой войны СССР вел себя совершенно как империалистическое государство. Бесспорно, что западные доминаторы вели гнусную политику натравливания Германии на СССР, в надежде что эти две растущие силы взаимно ослабят себя в войне. Мюнхенские соглашения позволили кровожадным немецким доминаторам-фашистам сделать первый шаг к войне. Но второй шаг сделанный ими был возможен благодаря Московским соглашениям, заключенным между немецкими и советскими доминаторами. Речь о «пакте о ненападении», заключенном между ними с необыкновенной легкостью и поспешностью: 3 августа 1939 года немцы выдвинули предложение о переговорах, 23 августа вечером они начались и той же ночью пакт был подписан.

Если советские доминаторы могут пытаться оправдать этот пакт сомнительными аргументами о необходимости оттяжки начала войны (на деле он лишь ускорил войну, а если Советский Союз получил «передышку», то Германии она принесла много больше пользы чем Советскому Союзу — июнь 1941 года тому доказательство), то им много труднее защищать план раздела Польши и «сфер влияния», который сопровождал этот пакт и который позволил немцам немедленно, через неделю после его подписания, 1 сентября 1939 г. атаковать Польшу. Именно этот день считается днем начала Второй мировой войны. Этот договор позволил Красной армии занять Восточную Польшу, в ноябре атаковать Финляндию (только отчаянное сопротивление финов спасло их независимость), занять Латвию, Литву и Эстонию и часть Румынии. «Аргументы» для оправданий всех этих завоеваний могли бы быть употреблены любым империалистическим государством для любых захватов. «Обеспечение безопасности», «создание буфера», «освобождение братьев по крови томившихся под иностранным игом», «освобождение захваченных когда-то кем-то территорий», — точно такими же «аргументами» пользовался и Гитлер. Все эти территории были ценой, за

которую Германия получила мирный тыл на Востоке и полную свободу действий в Скандинавии и в Западной Европе, чем она тотчас воспользовалась.

И если впоследствии весь советский народ был жертвой фашистской агрессии, то от этого ответственность советских доминаторов за действия, развязавшие руки агрессорам, не уменьшается, а увеличивается.

Все это мы говорим не для прочитания лекций истории или морали, а чтобы показать, что с момента когда класс-гегемон «очистился» от всего что было в нем чистого — он руководствовался в своей политике единственно своими собственными интересами (и ничем больше!). Или что то же самое — интересами «Российской Социалистической Империи».

Интересы советского народа, международного рабочего движения, революции и социализма — все это было забыто, а если и вытягивалось на свет, то лишь в виде терминов — фиговых листков для прикрытия великодержавного советского империализма, не менее наглого, бесцеременного, чем любой другой империализм. Если когда-то Советский Союз и коммунизм были пугалом для капиталистов, то с конца 30-х годов наоборот — капиталисты пугают им своих рабочих. Когда рабочие грозят уничтожить капитализм, то патроны парируют: «Вы что, хотите установить коммунизм как в Советском Союзе?». Рабочие такого не хотят и когда их спрашивают: «что же вы предлагаете?», им ничего не остается как сказать: «коммунизм, но хороший». Но так как ни одного примера такого коммунизма не имеется («хороший» в начале он всегда «почему-то» портится), то и аргументов у рабочего не остается, а капиталист благодарит бога за то, что коммунизм существует в «чистом» виде в некоторых странах. В противном случае его рабочие давно бы взбунтовались.

Что касается коммунистических партий капиталистических стран, то им без конца приходится краснеть за политику той страны, которая должна быть «примером рабочего государства» и источником силы этих партий. Так краснела бы председательница «Антиалкогольной Лиги», вышедшая замуж за порядочного господина, несколько лет после свадьбы получившего в наследство спиртной завод, а вскоре после этого ставшего вдобавок ко всему неисправимым пьяницей. Развестись бедняжке поздно из-за детишек и материальной связанности. А теперь что же остается: краснеть без конца, твердить перед всеми что ее муж пьет только молоко или, может, — запить с горя? Со вре-

менем люди замечают что бедняжка все реже краснеет, все чаще от нее «попахивает», а в рассказы о безумной любви ее мужа к молоку верить перестают.

Так как класс-гегемон Советского Союза давно перестал быть революционным, то компартии развитых стран капитализма, связавшие свою судьбу с ним, неизбежно теряют свой революционный характер. Те из западных коммунистов, которые поняли доминистскую сущность гегемонизма и которые хотят остаться революционерами — покидают компартию в одиночку и группами, основывая «левацкие» партии, базирующиеся на «старой религии, но с протестантским уклоном». Иные, разочарованные, покидают политику, а некоторые находят сомнительное успокоение справа — у социал-демократов.

Ясно одно, что «классический» коммунизм, беруший свои соки из советского источника, обречен на умирание. Ибо источник этот давно загрязнился. Что касается китайских, кубинских и прочих источников, то пока что они сравнительно чисты и бурны, но их ждет судьба, какая постигла их советского собрата. Любое общество, основанное на доминизме, рано или поздно загнивает. То же верно и для партий.

❦

Но вернемся к истории.

Фашистские доминаторы, претендовавшие на роль супер-доминаторов и пообещавшие своему народу роль супер-народа, могли бы победить только в войне между доминаторами, но ни в коем случае не могли победить союз народов, не желавших превратиться в народы-рабы. Ибо в случае когда доминаторы и трудящиеся объединяются в борьбе за справедливую идею — эта объединенная сила делает чудеса. Еще раз (как во время гражданской войны, как во время индустриализации) советский трудовой народ шел вместе со своими доминаторами. И еще раз этот замечательный народ проявил свои высокие моральные качества и физическую стойкость. Правда, в начале он принял войну как войну между доминаторами и потому тогда особого рвения в ней не проявил, тем более что перед самой войной фашистская Германия воспевалась официально почти как дружеская страна. Насильственная «коллективизация», террор, опустошительные «чистки» (в частности в армии), беспринципная внешняя политика, — во всем этом вину несут советские доминаторы, все это способствовало моральному разоружению народа. И это было

главной причиной первых поражений. Но позже, поняв, что фашисты пришли не ради того, чтобы распустить колхозы и вернуть права трудящимся, а чтобы заменить одну доминацию другой, много худшей, — советский народ взялся воевать по-серьезному. С того момента сомнений в исходе войны быть не могло.

❦

Если в ходе войны социал-доминаторы (как и всякие доминаторы в минуты опасности) облегчили свое ярмо, то тотчас после победы вместо дальнейшего освобождения духа и предоставления больших прав трудящимся, класс-гегемон взялся снова за укрепление своей власти, снова концентрационные лагеря стали разрастаться, гонения на всякие проявления свободолюбия усилились. К старым видам отравленного оружия доминаторов, известным со времен ежовщины, добавился новый — официальный и открытый антисемитизм — испытанное в веках средство удушения свободы мысли. К тому же, когда доминатор видит перед собой голодные, злые лица крестьян и рабочих, готовых к бунту вследствие голода тех лет, — может ли быть для доминатора лучший «выход из положения», чем призыв: «бей жидов!..»?

Началась кампания гонениями на «космополитов» (и тотчас «распустившимся вольнодумцам» были кому — заткнуты рты, кому — прострелены головы), а увенчалась она чудовищным «делом врачей», затмившим своей гнусностью все средневековые процессы ведьм вместе взятые. Называть «рабочим» государство, в котором подобные вещи возможны, было бы неслыханным оскорблением для рабочего класса. Чудовищно называть «рабочим» государство, в котором революционные поэты, как Маяковский, кончают самоубийством, где лучшие писатели молчат или расстреливаются, как Бабель, этот милый человек с душою чистой как у ребенка, страну, где против людей с великим сердцем, как Пастернак и Солженицын, ведут кампанию травли и клеветы, где столь талантливые и благородные люди, как Синявский и Даниэль, посылаются на каторгу, страна, где не может быть опубликована ни одна мысль, неугодная ожиревшему и отупевшему классу доминаторов, и где лишь бездарные и бессовестные подхалимы пользуются полным ассортиментом благ и поощрением властей. Что ж в этом удивительного, если в этой стране даже члены одной семьи опасались друг перед дру-

гом высказывать «недозволенное». А что «дозволено» говорить, думать, и даже — как одеваться, причесываться и танцевать — все это решается в комитетах партии, члены которых так же похожи на рабочих, как свинья похожа на оленя.

В 1953 г. умер Сталин, — событие гораздо меньшего значения, чем ему обычно приписывают. Смерть эта ничего не изменила в социальной структуре страны. Концентрационные лагеря 60-х годов немногим отличаются от «сталинских» лагерей, — тот кто в этом сомневается может прочесть потрясающую книгу-документ Анатолия Марченко «Мои показания». Казалось бы лагеря эти — незаконные дети средневековой инквизиции и фашизма времен последней мировой войны. А они всего лишь — законнейшее дитя социализма в его зрелой стадии. И только совершенно бессовестный человек может отрицать, что порядки господствующие в этих лагерях — это одна из высочайших вершин бесчеловечности, которых когда-либо достигало человечество.

Последователи грозного «царя» с полным правом могли бы заявить: «Сталин умер, но дело его живет». Сотни тысяч сталинов, занимавших все руководящие посты в государстве остались на своих местах. Пустое место идола на макушке пирамиды заняла группка полуидолов, и взаимная конкуренция между ними не позволили ни одному занять «трон». Когда один из них попытался взобраться на «трон», ревнивые соперники при первой же возможности сбросили его. На умершего идола его бывшие сотрудники свалили кучу обвинений в «перегибах», «нарушениях законности» и в «культе личности» — как будто он «нарушал законность» не в их же интересах, а «культ» был создан не ими и не служил им же. Ведь если утверждают, что один человек мог натворить столько преступлений «вопреки партии» — то надо быть последовательным и сказать, что партия — совершенно бессильна, а значит и ненужна, излишня.

Кон-Бендит, отвечая в случае обратном, т. е. в случае превознесения положительной роли Ленина, метко замечает: «Настолько подчеркивать роль Ленина означает этим самым уменьшать ценность партии. Если предположить, что Ленин был непогрешимым революционером — партия ему могла лишь мешать».

Мы утверждаем, что если Ленин в 1917 году был выразителем воли пролетариата даже в его конфликте с партией, то Сталин с самого начала был выразителем воли

класса-гегемона, а значит и его костяка — партии, и все его действия были в полном с ней согласии. В этом разница между ними. Сталин был лишь одним из элементов класса-гегемона, колпаком этого тяжкого пресса, под которым был зажат весь советский трудовой народ.

❦

Если давление в нем было позже несколько ослаблено, то лишь из-за того, что контр-давление все росло. Трудящиеся все более роптали — после десятков лет терпения и страданий, страха и надежд, — они ждали какого-то облегчения, вознаграждения. Новые правители **вынуждены** были провести некоторые реформы, облегчение режима, некоторую «либерализацию» (кое-кто, по глупости, завопил о «реставрации капитализма»), — меры, ставшие возможными и даже необходимыми благодаря изменениям в экономике за годы послевоенного развития. Если бы Сталин оставался жить, он бы тоже был вынужден сделать то же самое, иначе бы котел взорвался. Единственно в чем **никаких** поблажек и изменений не произошло это безаппеляционность, неоспоримость, неотменимость господства «партии и правительства», т. е. того же класса доминаторов, — класса-гегемона. Формула общества

ДДД → МММ → Т

ничуть не изменилась, и трудящиеся в нем попрежнему не обладают **никакими** правами собственности и **никакой** роли не играют в принятии решений по основным вопросам, связанным с производством, распределением доходов и т. д. Даже в робких реформах, дающих маленькую долю самостоятельности предприятиям (директорам, но не трудящимся), гегемоны не пойдут далеко, опасаясь чтобы это не вылилось в самоуправление, которое бы означало смерть класса-гегемона.

Ситуация эта не может продолжаться бесконечно. Советский трудовой народ все более сознателен, образован и не может вечно оставаться простым исполнителем воли класса-гегемона, класса доминатора и эксплоататора, действующего в собственных интересах. Знания народа настолько выросли, что он вовсе уже не нуждается в назойливой и тягостной доминации класса-гегемона. Класс этот не способен разрешить экономические и моральные проблемы, стоящие перед развитыми социалисти-

ческими странами, ибо эти проблемы могут быть разрешены только путем уничтожения доминизма, т. е. устранения класса-гегемона. И это он — преграда на пути прогресса, тормоз развития, контрреволюционная и реакционная сила.

В развитых, высокоиндустриализованных и высокообразованных странах класс-доминизма (социализма) создаются те же предреволюционные условия, что и в развитых странах групп-доминизма (неокапитализма) — а именно: широкая материальная база, накопление знаний трудящимися и их высокое классовое сознание.

Правда, последнее условие, т. е. ясное сознание своего классового положения, в странах социализма затуманено беспрерывной лживой пропагандой о том, что в этих странах — «диктатура пролетариата», что они основаны на «марксизме» и трудящиеся не всегда различают кто же сидит у них на шее. Однако все больше людей начинает различать своего классового врага, все больше тех, кто требует коренных изменений системы. Сначала это — абстрактные требования социализма «человечного» (в Чехословакии), «свободного» (в Польше), «морального» (в СССР), но с общим для всех более или менее громко выраженным требованием **самоуправления.**

Но со временем люди всюду поймут, что основанный на класс-доминизме социализм органически **не может быть** ни человечным, ни свободным, ни моральным, и что **единственный отвечающий трудящимся социализм это такой, в котором сами трудящиеся решают свою судьбу.** А он возможен лишь если трудящиеся сами возмут в свои руки ключ власти — станут **прямыми и непосредственными собственниками средств производства,** т. е. установят общество, основанное на групп-эгалитарной форме собственности, которое мы (временно) назвали социализмом эгалитарным или просто э г а л и т а р и з м о м (снова просим не путать с «уравниловкой», т. е. с системой равной оплаты за неравный труд).

Но так как класс-гегемон никогда добровольно не передаст этот ключ власти в руки трудящихся, то им, так же как и их братьям из стран групп-доминизма, остается один выход — антидоминистская, эгалитарная **революция.**

В этом смысле события во Франции и в Чехословакии в 1968 году были знаменательны и тесно связаны. Если в одной стране помехой на пути к обновлению стоит класс патронов, а в другой — класс-гегемон, то **цель** трудящихся **обеих стран одна** — построение общества без доминаторов,

общества, в котором предприятия будут принадлежат коллективам трудящихся — а это и есть **групп-эгалитаризм.**

Все высокоразвитые страны придут к этой точке встречи, называемой групп-эгалитаризмом, и в мире будет создана третья система — непохожая ни на капитализм, ни на социализм — система эгалитарная. К ней один за другим присоединятся все народы, слившись в одну семью — семью Людей.

❦

Рассмотрим вкратце некоторые особенности других стран социализма, а точнее — гегемонизма.

Единственной в Европе страной, добровольно и без принуждения перешедшей к социализму, была Югославия. Произошло это после трудной партизанской войны против фашизма, в которой принял участие весь народ. Во главе этой борьбы стояли коммунисты — партия наиболее организованная и состоявшая из людей, искренне желавших изгнания оккупантов и уничтожения монодоминизма в отсталой Югославии.

Освободившись своими силами, без непосредственной помощи советской армии, югославский народ почувствовал свою силу, и компартия, имевшая широкую поддержку всего народа, не могла попросту подчиниться советскому диктату. Отсюда твердая и независимая позиция новых доминаторов Югославии по отношению к советским доминаторам. В результате непослушная Югославия оказалась изолированной в социалистическом лагере. На военное вторжение Советский Союз не решился, зная что всей его мощи нехватило бы, чтобы раздавить этот свободолюбивый народ (как ее нехватило, чтобы в 1940 году раздавить маленькую Финляндию — потому оставшуюся независимой и в 1945 году). К капиталистическому лагерю она не могла примкнуть из-за своей социальной структуры. Так как слава самоотверженных борцов за свободную Югославию уже не была достаточна, чтобы новый класс доминаторов был поддержан народом (а без этой поддержки в условиях полной изоляции он не мог бы удержаться), то он пошел на существенные уступки, несколько ограничил свою роль доминатора, предоставил определенные права на самоуправление трудящихся в индустрии и сельском хозяйстве, и даже (!) некоторые личные свободы, как право выезда заграницу и небольшая свобода слова (смотря **какого** слова: Джилас, отсидел десять лет в тюрьме за свою книгу).

Однако класс-гегемон оставил за собой все рычаги управления и фактическое право собственности на средства производства. Эти полумеры спасли его от внутренней опасности, но, как всякие полумеры, не смогли разрешить все экономические трудности, усугубленные изоляцией. Югославское рабочее самоуправление не имело достаточной материальной и образовательной базы, а под контролем класса-гегемона оно напоминает собачонку, выведенную хозяйкой на прогулку, но удерживаемую на коротком поводке. Вроде бы и на свободе, только вот горло очень давит. Во всяком случае Югославия — единственная из всех стран гегемонизма (или социализма — кто что предпочитает), в которой есть хотя бы намек на рабочее самоуправление, а с ним и на некоторую свободу. Эта страна будет, без сомнения, одной из первых стран — членов «клуба эгалитаризма», разумеется, после революции.

❦

В Чехословакии, наиболее развитой из стран Восточной Европы, оказавшейся в советской «сфере влияния», социализм был введен как «обязательная прививка». И если в Польше и Венгрии взрывы против класс-доминизма напоминали неосознанные вспышки гнева, то в Чехословакии произошло нечто более спокойное, но и более глубокое.

Так как «либерализация» режима пришла здесь много позже, чем в других странах, то и «давление в котле» было больше, и открытие первого клапана в 1968 году произвело такой шум и бурную радость в народе, что новые правители, сменившие чешского мини-сталина, вынуждены были открывать клапаны один за другим, делая вид, что это им доставляет удовольствие. Популярность новых правителей росла с каждым новым открытым клапаном, но вместе с тем росла и их тревога. Ведь с момента когда трудящимся будет «все позволено», они неизбежно возьмут все дела в свои руки (а крики о самоуправлении уже становились все громче) и тогда никакой нужды в классе-гегемоне не будет, более того — он начнет мешать и его уберут с пути. А этого не собирались допустить даже самые либеральные из гегемонов (Дубчек, Смрковский и другие), без устали повторявшие: «Реформы — да, но при условии, что власть партии останется незыблемой», и если даже переворошить все материалы подпольного суперлиберального 14-го съезда

партии — в них не найти ни одной строки, оспаривающей принцип ненарушимости власти партии.

Как остановиться? — вот в чем была главная забота правителей.

Больше чешских гегемонов испугались советские: каков будет пример для советских рабочих, если в соседней Чехословакии установят «человечный социализм» со свободой и самоуправлением «похуже» югославского, много «хуже», — ибо в Чехословакии материальная и образовательная база для самоуправления много шире, чем в недавно отсталой Югославии. И советские доминаторы вместе с другими пришли на помощь чехословацким, употребив свой обычный несокрушимый аргумент — танки (кстати, во Франции они также, по тем же причинам, не желали победы рабочих и студентов и потому французская компартия там сделала то же, что советские танки в Чехословакии). Официально танки вошли, конечно, не для спасения шкур гегемонов всех стран. а для подавления «антисоциалистических сил» внутри Чехословакии и для спасения ее от «немецкой опасности» (!). Последнее объяснение можно было бы в данных обстоятельствах принять за шутку, когда бы не было общеизвестным полное отсутствие юмора у советских доминаторов. Но первое — вполне понятно. С тех пор как они сами стали консервативной, реакционной силой, прикрывающейся именем социализма они называют «антисоциалистическими силами» всех кто хочет идти вперед — к увеличению прав трудящихся, к большей свободе, к избавлению от доминизма. Ибо в 1968-ом году в Чехословакии не было никаких реальных сил, желавших возврата к капитализму, а если бы они и были, то одного полка чешской пехоты хватило бы вполне, чтобы с ними справиться, и вовсе не нужно было посылать 200.000 вооруженных до зубов солдат в помощь к 200.000-ной чешской армии.

Мы утверждаем здесь во весь голос, что советские танки вошли в Чехословакию с единственной целью — не позволить чехословацким рабочим стать хозяевами заводов, на которых они работают. Ибо это было бы началом конца класса доминаторов, бюрократов, гегемонов, началом эгалитаризма. После такой «братской помощи», местные доминаторы с рвением взялись за дело закрытия недавно открытых клапанов, делая вид, что они **принуждены** для общего блага совершать это непопулярное дело.

В следующий раз они все полетят ко всем чертям вме-

сте с крышкой котла, ибо 1969 год показал чехам, что нет «добрых царей», и чешские гомулки не лучше польских.

❦

Польше, нуждавшейся в индустриализации — социализм, эта «система бега» была полезна. Но класс-гегемон напоминает водопроводчика, которого зовут в дом чтобы только провести трубы, но который, закончив работу не покидает дом добровольно и сует свой нос во все семейные дела. Когда в 1956 году рассерженные поляки вышли на улицу, испугавшиеся доминаторы сразу же предложили нового «доброго царя», как это обычно делается. «Добрый царь» читает речь, обещает «златые горы и реки полные вина», и толпа радостно расходится по домам, после чего начинается незаметное «закручивание гаек». Ведь класс-гегемон остался тот же. И тот же «добрый царь» двенадцать лет спустя, в 1968 году встречает вышедших на улицу уже не речами, а дубинками. Вдобавок, чтобы заменить «войну классовую войной расовой» пускаются в ход шовинизм и антисемитизм — излюбленное оружие «рабочей» власти. 30 тысяч евреев, по большей части пенсионеров (молодежь в основном эмигрировала в Израиль именно из-за становящегося во все трудные моменты официальным антисемитизма), превращаются в виновников всех несчастий 30-ти миллионной Польши — что же тут странного? Всего тысяча поляков на одного старого еврея — как тут не испугаться? И к тому же если этот еврей — сионист! Представляете какая это сила? Удивительно только то, что польские доминаторы не призвали на помощь две-три советские танковые армии, чтобы раздавить эти грозные сионистские «антисоциалистические силы».

После столь блестяще проведенной кампании большая часть остатков еврейского населения, еще способного держаться на ногах, покинула Польшу. Казалось бы, теперь в ней тотчас же наступит вечный, ненарушимый мир и благоденствие. Польша может спокойно, без евреев, с классом-гегемоном на спине идти к коммунизму.

Но, увы! Оказывается существуют и другого типа «евреи» — трудящиеся классы Польши, т. е. «хулиганы», согласно официальной лексике «рабочего» правительства (не может же оно громогласно признать, что его главный враг это именно трудящиеся — ведь тогда даже самые глупые из «марксистов» поймут, наконец, что в социалистических странах идет жестокая классовая борьба — и не

между «рабочим» государством и агентами империализма, а **между трудящимися и классом-гегемоном).** Это выходит наружу, как шило из мешка, в декабре 1970-го года. Повышение цен, объявленное правительством (такая мера в былые времена проводилась безболезненно) вызывает бунт и забастовку рабочих судостроительных верфей и заводов балтийского побережья. Ответ властей рабочим — пули и танки (следует отметить технический прогресс Гомулки, если вспомнить дубинки 1968-го года). Но и это не помогает! Впервые! Стране грозит всеобщая забастовка, которая бы неизбежно приняла политический характер (хотя поводом событий были экономические меры правительства, — суть конфликта заключалась в глубоком недовольстве всей политикой доминаторов; политика и экономика неотделимы). Тогда класс-гегемон прибег к старому трюку — одного гомулку заменяют другим, вину за все сваливают на «ошибки» прежнего и... начинается «нормализация».

Главный урок этих событий: класс-гегемон уже не может делать все что ему угодно, не рискуя получить решительный отпор трудящихся, не ставя на карту само свое существование (сам Герек, новый гомулка, признал: «мы находились на грани катастрофы»). А что касается фокуса со сменой правителя, то, как говорит польская пословица: обман удается три раза. Не больше. Скорее — меньше. Сохранение Рабочих Советов, созданных во время волнений, требования их признания — грозное предзнаменование конца власти класса-гегемона. «Катастрофа» для него и избавление для трудящихся — близки.

❦

Венгрия в 1956 году пошла несколько дальше. Там даже было убито несколько секретарей партии и офицеров политической полиции — мастеров пыток (за что такая ненависть!?), а рабочий класс объявил всеобщую забастовку — ну, конечно, же обманутый западными радиопередачами и мечтавший о возвращении капиталистов, потому что мало слушал восточные радиопередачи, непривлекательные уже только из-за того, что никто их не глушил.

Здесь был применен комбинированный метод — сначала танки, а потом «добрый царь» (об антисемитизме, повидимому, от страха просто забыли — ведь не может быть, чтобы там не было ни одного еврея!). Рабочие были поставлены на место — к станку, а гегемоны снова заняли

мягкие кресла, «кого надо» — расстреляли, сослали и социализм-гегемонизм был спасен.

❦

Румынский социализм характерен лишь тем, что его доминаторы осмелились поставить свои интересы выше интересов своих «старших советских братьев», что не может не лстить румынскому народу. Но по отношению к нему они ведут себя точно так же, как и всякие другие доминаторы.

❦

Албании еще далеко до завершения индустриализации (природа там этому неблагоприятствует), поэтому там класс-гегемон продолжает играть роль строителя и о «либерализации» говорить слишком рано. Поэтому Албания еще на «сталинском этапе» и про-китайски настроена.

❦

В Китае коммунисты победили в 1949 году. С тех пор эта страна сделала много, очень много. Из полуфеодальной отсталой страны за пару десятков лет выйти если не в первый, то во «второй ряд» стран промышленных — это мог сделать только класс-доминизм. Если сравнить успехи Китая с полной неподвижностью и беспомощностью Индии, то станет ясным, что для отсталых стран нет других путей, кроме введения «системы бега» — т. е. класс-доминизма. Мы никогда не отрицали, что эта система прогрессивна для отсталых стран, и если даже ее установление сопровождается перерождением революционной партии в класс-гегемон, то и тогда роль этого класса прогрессивна до момента создания индустриальной и образовательной базы. Только после этого он становится тормозом преобразований, реакционной, контрреволюционной, консервативной силой. Точно так же буржуазия вначале прогрессивна и лишь выполнив свою миссию и не умея измениться в новых условиях, становится силой консервативной.

Китайский класс-гегемон находится сейчас на распутьи. Его прогрессивная роль еще не закончена, а реакционная уже начата. Какие методы применить? — вот в чем вопрос. Продолжать усиленную индустриализацию сталинскими методами с террором и всеми атрибутами диктатуры,

«культом Мао», красным империализмом, чистками, бериями и т. п. — или начать некоторую либерализацию, столь «модную» в наше время?

Мы не обладаем достаточными данными, чтобы разгадать истинные «мысли Мао», ибо то что происходит в Китае неясно и противоречиво. Можно предполагать, что большинство в партии было склонно к некоторой либерализации (конечно, не для отмены гегемонии, а чтобы лучше доминировать), к переходу к «коллективному руководству» в соответствии с новыми веяниями, — что не могло понравиться консервативной фракции и уж конечно самому Мао.

«Культурная революция», опиравшаяся сначала на студентов и учащихся против либеральной фракции партийного аппарата, потом на рабочих, чтобы поставить на место студентов, а затем на армии, дабы сбавить тон и тем и другим, в конце концов привела к восстановлению партийного аппарата после очищения его от антимаоистских (либеральных) элементов. А значит класс-гегемон будет жить и здравствовать, хотя вначале могло показаться будто происходит чудо — «гениальный Мао», используя собственный культ, решил разгромить класс-гегемон и передать все права и всю власть непосредственно в руки трудящихся. 9-ый конгресс партии показал, что в политике чудес не бывает, есть лишь классовые интересы.

Если Мао не позволяет «мыслить» никому, кроме себя, то ясно, что он не позволит также никому и решать — кроме него самого и класса-гегемона — ибо сегодня, после «культурной революции» Мао снова неоспоримый глашатай этого класса, олицетворение его «мыслей», а точнее — запрета мыслить иначе, чем этот класс (ныне «красная книжка цитат Мао» служит той же цели, какой служила библия в эпоху феодализма: держать в послушании доминируемых). А это значит, что Китай еще некоторое время будет идти «по сталинскому пути», — пока китайские трудящиеся не научатся мыслить самостоятельно.

Что касается «идеологических» разногласий с Советским Союзом, то они вызваны лишь разным уровнем развития этих стран и носят характер разногласий между сытым, забывшим всякую идеологию, и тем, который еще не насытился. Со временем они сотрутся, революционный пыл Китая угаснет по мере его обогащения, но зато усилятся разногласия более опасные, — между двумя доминаторами за гегемонию в социалистическом лагере (то есть за место на вершине пирамиды социалистических стран), на Дальнем

Востоке, во всей Азии, во всем мире. Уже сегодня они много важнее разногласий идеологических, которые, между прочим, никогда не играли большой роли ни в стычках, ни в союзах между доминаторами (стоит только вспомнить союз буржуазной Англии с феодалами всей Европы против наполеоновской Франции, или пакт между фашистской Германией и социалистическим Советским Союзом, — этот «союз скрепленный кровью» по выражению Сталина, имевшего в виду, повидимому, польскую кровь).

Хотя прямое столкновение в век атомного оружия маловероятно, соперничество между этими гигантами не прекратится, пока в них будет управлять класс-гегемон, пока эти страны будут странами доминизма.

Куба — самая молодая из стран социализма (год рождения 1959), и потому в ней революционный дух еще сохранился. Но и в ней, как и в любой отсталой стране, не мог не родиться класс-гегемон. Характерно, что уже 1965 год Кастро предложил объявить «годом борьбы с бюрократией». Борьба эта велась всегда, с самого рождения социализма на Кубе, но будет столь же безуспешной, как и борьба Ленина с ней в свое время. Бюрократия (которая, повторяем, — следствие, а не причина) так же неотделима от класс-доминизма, как, скажем, безработица от патронализма.

Если кубинские революционеры не хотят быть поглощены или раздавлены ими же созданным классом-гегемоном, — они должны передавать в руки трудящихся все больше прав, все больше власти, по мере создания материальной и образовательной базы для самоуправления, и постепенно перейти к полному групп-эгалитаризму. То есть нужно чтобы число школ и заводов росло, а власть и привилегии класса-гегемона не росли с этим ростом, а наоборот — падали. А это еще не удалось ни в одной стране класс-доминизма, ибо нет такой силы, которая могла бы ограничить власть владельцев средств производства, не забрав у них прав собственности на эти средства.

Где же выход? Возможно в новой революции трудящихся, возглавленной теми же революционерами, против класса-гегемона, ими же созданного? Но пока трудящиеся не будут способны сами владеть средствами производства, класс-гегемон возродится и нужна будет снова революция!? А это означает — рубить гидре бюрократии голову

как только она отрастает? Возможно, это выход. Но как сделать, чтобы сами революционеры не ожирели, не выродились? Рецепта на это мы не знаем. А для отсталых стран рецепт должен быть найден, ибо они не могут перейти из «вчера» прямо в «завтра» — к групп-эгалитаризму и будут вынуждены пройти через класс-доминизм, эту систему быстрого перехода.

Без сомнения, само существование в мире стран групп-эгалитаризма (а мы верим, что скоро они появятся) будет образцом, к которому станут стремиться трудящиеся других стран, и сам этот пример уже будет оружием против загнивания класс-доминизма. Однако совсем избежать это загнивание вряд ли удастся, и мы от всей души желаем успеха в борьбе с этим явлением Фиделю Кастро и всем его единомышленникам. Искренность их бесспорна, но сами методы («тронные» речи-монологи к народу лишенному слова, декреты «сверху») — следствие доминистского характера социальной системы Кубы. Выход один — передача все большей власти советам трудящихся. Пойдут ли кастристы по этому пути? Пока никаких признаков этого мы не видим. Напротив, факт политических похорон Гевары еще до его смерти (которой, казалось, он, покинутый, искал) свидетельствует о перерождении (или вырождении) самих революционеров, все больше теряющих революционный пыл и все более удаляющихся от трудящихся масс.

❦

Мы не можем здесь анализировать все формы и явления класс-доминизма — это невозможно сделать в объеме одной небольшой книги. И если мы все же посвятили много больше места класс-доминизму, чем групп-доминизму, то лишь потому что групп-доминизм более ясен, более «гол», тогда как класс-доминизм покрыт таким толстым покровом столь нарядных одежд, что совсем нелегко обнаружить: что же под этими одеждами скрывается? Многих вводят в заблуждение постоянные вопли класса-гегемона, что он — воплощение марксизма, социализма, коммунизма, диктатуры пролетариата, истинной свободы и демократии, дружбы народов и бессклассового общества, что он уничтожит войны, империализм и уже уничтожил эксплоатацию, что он... и т. д. и т. д. Возможно, в молодости он и был кем-то, а сейчас это бессовестный хвастун, лгун и подлец. После того как этот класс выполнил свою миссию, он становится тормозом прогресса, реакционной

силой, и трудящиеся должны его убрать со своего пути — пути в групп-эгалитаризм. Там же, где временное установление класс-доминизма необходимо, т. е. в отсталых странах, трудящиеся должны ясно сознавать, что эта форма общества лишь переходная и что конечная цель — групп-эгалитаризм.

Ибо все дороги ведут к нему.

Итак, назначим свидание — «завтра» — в групп-эгалитаризме. Просьба не опаздывать!

Глава пятая

«ЗАВТРА»

(ЭРГОНИЗМ ИЛИ ГРУПП-ЭГАЛИТАРИЗМ)

	стр.
Единственный путь	175
Что такое класс-эгалитаризм и возможен ли он завтра?	175
Групп-эгалитаризм, его формула и отличие от «диктатуры пролетариата»	178
Будет ли это общество бесклассовым?	178
План или координация?	179
Конкуренция и свободный рынок	179
Откуда взять «капиталы», если не будет «капиталистов»?	181
Государство и объединение наций	184
Иерархия и взаимоотношения людей в производстве	185
Формы управления предприятием и проблема бюрократизма	187
Партии, свободы и право на забастовки	188
Возможна ли равная оплата при неравных квалификациях?	190
Путь к уравнению доходов и вопросы образования	190
Индивидуальные различия	192
Преступления и репрессивная сторона государства	194
Любовь, семья и брак	196
Кибуц — групп-эгалитарная община	200
Некоторые старые элементы и новая суть	204
Новый термин: «эргонизм»	205

В предыдущих главах мы рассмотрели все существующие в наше время или существовавшие в прошлом формы собственности, соотношение основных элементов в них и также общественные системы, основанные на этих формах собственности. Поняв прошлое и настоящее, мы можем постараться предугадать будущее, ибо корни его всегда находятся в настоящем. Заглядывая в будущее мы постараемся не переноситься в область научной фантастики, а остаться обеими ногами на земле.

Мы видели, что основные противоречия и недостатки существующих систем, как капиталистической, так и социалистической вызваны тем, что обе эти системы основаны на доминации и эксплоатации, возможных благодаря отделению трудящихся от основных средств производства, привлащенных доминаторами. Эти явления существовали в том или ином виде со времен возникновения доминизма — но только в наше время возникли условия для разрешения всех противоречий доминизма — путем уничтожения самого доминизма и установления общества эгалитарного типа, т. е. такого, в котором доминаторов нет, а трудящиеся сами становятся собственниками средств производства и где органы решения и исполнения находятся в их руках. Путь этот — не просто один из возможных, но — единственно возможный и объективно необходимый, ибо доминизм сам себя вылечить не в состоянии.

Нам известны уже две формы эгалитарной собственности — моноэгалитарная и групп-эгалитарная. Первая является трудовой формой частной собственности, связана с примитивным единоличным производством и потому не может стать основной формой в развитых странах. Вторая — это уже не частная, а групповая форма, она уже существовала в первобытном обществе, и к ней человечество возвращается сейчас, но уже в условиях далеких от первобытных.

❦

Достаточно применить немного логики, чтобы открыть еще одну новую форму собственности. Действитель-

но, если существуют моно-, групп- и класс-доминистские формы, то после моно-, и групп-эгалитарной следует искать недостающую для комплекта шестую — класс-эгалитарную форму собственности. Что же она собой будет представлять? Представим себе что осуществлено групп-эгалитарное общество, где каждое предприятие находится в групповой, коллективной собственности трудящихся этого предприятия. Но в таком обществе могут существовать предприятия или целые отрасли, имеющие общенародное значение и принадлежащие всем коллективам вместе, т. е. всему классу групп-эгалитарных тружеников. А это и есть класс-эгалитарная собственность. Она очень похожа на «национализированную» собственность в доминистском обществе и имеет одно «маленькое» различие. Если там «национализированная» — это собственность класса доминаторов (или класса-доминатора), то здесь она — совместная собственность классов моно- и групп-эгалитарных тружеников.

Казалось бы класс-эгалитарная собственность будет установлена тотчас после уничтожения доминизма, ибо переход от класс-доминистской к класс-эгалитарной форме кажется автоматическим в «национализированном» секторе. Мы не думаем что это так. Возьмем для примера железные дороги. Они почти всюду «национализированы», т. е. через посредство государственного аппарата принадлежат классу доминаторов. Когда этот класс исчезнет, собственником железных дорог станет не государство (хотя оно и государство трудящихся), а непосредственно — коллектив железнодорожников, т. е. эти дороги станут не класс-эгалитарной, а групп-эгалитарной собственностью. Интересы тех, кто пользуется железными дорогами будут, конечно, приняты во внимание железнодорожниками, иначе доходы дороги упадут и сами железнодорожники от этого пострадают, однако **все** решения, **все** права собственности будут осуществляться самими тружениками железной дороги и — **только ими.** Лишь с годами, постепенно и по добровольному согласию железнодорожников, те кто пользуются железными дорогами станут все в большей степени участвовать в выработке решений совместно с железнодорожниками и в конце концов, может быть через десятилетия, железные дороги из групп-эгалитарной станут класс-эгалитарной собственностью. Из этого примера видно, что класс-эгалитарная форма собственности — это форма не «завтрашнего», а лишь «послезавтрашнего» дня.

Между тем даже те, кто искренне желают уничтожения доминизма, слишком легко предлагают «национализацию» как лекарство от всех болезней для общества будущего. Ошибка эта происходит, повидимому, от того что «национализированная» собственность многим кажется противоположностью частной. Это ошибка многих марксистов, делящих собственность лишь на два вида: «частную» и «общую». Для них трудящийся-ремесленник это «частник», а собственность класса-гегемона в социализме «общая».

Попытка искусственно (т. е. насильственно) учредить класс-эгалитарную форму собственности приведет лишь к немедленному возрождению класс-доминизма. Такая «национализация» была бы преступлением против трудящихся. Мы верим, однако, что такие «национализаторы» потерпят поражение, ибо **объективно** наследником доминизма является групп-эгалитаризм. Попросту говоря, если продолжить наш пример: после эгалитарной революции железнодорожники возьмут железные дороги в **свои** руки **полностью и безусловно**, и никаким бюрократам или государственным деятелям не позволят совать нос в свои дела. Ролью государственных органов здесь будет лишь консультация и координация, без права навязывать свою волю. То же самое произойдет всюду и «национализированный» сектор не сохранится и расширится, а, наоборот — растворится в групп-эгалитарной кастрюле. Да и что может быть естественнее, чем строй, при котором производители являются непосредственными владельцами средств производства? Кто может объяснить почему этим владельцем должно быть государство? Зачем в данном случае нужен этот всесильный «посредник», имеющий тенденцию превращаться в хозяина? Кому, кроме компартии, это нужно? Мы утверждаем, что единственной гарантией против порабощения трудящихся в наше время может быть лишь общественный строй, в котором групп-эгалитарная форма собственности является преобладающей.

Однако ростки класс-эгалитаризма тотчас начнут пробиваться и, повидимому, первыми образцами этих ростков будут банки, хотя управление ими будет носить групп-эгалитарный характер. Но чтобы быть последовательными, мы сначала рассмотрим групп-эгалитаризм — общество ближайшего будущего, и лишь потом — класс-эгалитаризм.

❦

С групп-эгалитарной формой собственности мы уже встречались в первой главе, посвященной примитивному эгалитаризму. Формула ее:

$$ТТ \rightarrow ММ$$

Что означает: группа трудящихся в совместном владении средствами производства. Самой приятной особенностью этой формулы является отсутствие в ней элемента Д (доминатор). Исчезновение его и будет началом долгожданного «царства труда».

Такое общество не имеет ничего общего с «диктатурой пролетариата», означающей доминацию физических работников над всеми остальными категориями трудящихся и классами, и которая нигде не существует и не может существовать сколь-нибудь долгое время, так как неизбежно превращается в одну из форм доминизма. В групп-эгалитаризме владельцами капитала будут **все** трудящиеся, а не какая-то одна их категория. Формулой «диктатура пролетариата» в наше время прикрываются те кто хочет установить диктатуру бюрократов. Эти демагоги — кандидаты в члены класса-гегемона. Общество будущего не нуждается ни в каких диктатурах. Совершенно прав Бакунин, говоря что любая диктатура не может иметь другой цели кроме увековечения самой себя, что всякая диктатура не способна вызвать и развить в народе, который ее терпит, ничего другого кроме рабства. После немедленной экспроприации доминаторов эгалитарная революция сметет все следы всяких бывших и возможных диктатур. С момента когда 95% населения станут **действительными** хозяевами страны и обладателями власти в ней — смешно говорить о диктатуре. Лишь сопротивление остальных можно будет квалифицировать как попытку восстановить или установить диктатуру.

❦

Между тем нельзя говорить об исчезновении классов в групп-эгалитарном обществе. Ибо будут сосуществовать два социальных класса, соответствующих двум формам эгалитарной собственности, а именно: класс моноэгалитарных тружеников (крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, представители свободных профессий) и новый класс групп-эгалитарных тружеников — владельцев всех предприятий, выходящих за единоличные или семейные

рамки. И хотя, как мы уже говорили во второй главе, рационализация будет постоянно сужать поле деятельности класса моноэгалитарных тружеников, безболезненно и добровольно приобщая их к групп-эгалитарным формам деятельности, жить, однако, этот класс будет еще долго, ибо рационализация не сможет проникнуть повсюду. Третья форма эгалитарной собственности, а именно — класс-эгалитарная, будет постепенно развиваться и расширяться, не имея однако особого класса-носителя, третьего класса трудящихся. Но постепенно становясь основной, эта форма изменит суть двух упомянутых выше классов трудящихся, сольет их и превратит **всех** трудящихся в совместных собственников **всех** средств производства. Лишь этот отдаленный во времени этап человеческой истории можно будет назвать обществом бесклассовым.

Повидимому лишь тогда исчезнут все следы государства. На этапе групп-эгалитаризма государственная структура сохранится, но это уже не будет структура доминации одного класса над другими, а структура координации между двумя неантагонистическими классами и между группами внутри класса групп-эгалитарных тружеников.

⁂

Координация эта также не будет иметь ничего общего с навязанным сверху планом, обязательным для предприятий. Коллектив каждого предприятия будет полновластным владельцем и хозяином у себя на предприятии и целью координации, осуществляемой центральными органами, будет лишь доставка данных, необходимых предприятию для разработки собственного плана. Те же люди, которые предлагают «национализацию», проповедуют также «плановое хозяйство», которое предполагает, что где-то «наверху» разрабатывается «план», который затем навязывается предприятиям и обществу. Такой метод «планирования» характерен для доминизма, ибо предполагает наличие средств принуждения в центре — и потому совершенно непригоден для эгалитарного общества. Поэтому мы говорим о координации, а не о «плане» или «плановом хозяйстве».

⁂

Более того, полная независимость предприятий будет означать, что в групп-эгалитарном обществе сохранится конкуренция. Само это явление в здоровой атмосфере эга-

литаризма будет явлением здоровым, положительным, фактором саморегулирования экономики, повышения качества продукции и производительности труда, стимулом развития, гарантией того, что предприятия учтут нужды и требования потребителей. Но это предполагает наличие свободного рынка и ... свободной инициативы. «О, ужас — закричат псевдомарксисты — но свободная инициатива означает возрождение капитализма!» Ничего подобного. Свободная инициатива трудящихся или коллективов трудящихся в условиях эгалитарного общества не может привести к возрождению ни доминации, ни эксплоатации.

Поясним это. Предположим, что отдельный (моноэгалитарный) трудящийся или коллектив трудящихся, проявив инициативу, изобретательность, энергию, сумел получить значительный доход, который позволит расширить «дело», закупить новое оборудование, более совершенные станки или большее количество станков. Для обслуживания новых станков потребовались бы новые работники. В условиях доминистского общества наем нового трудящегося означает расширение эксплоатации, усиление доминатора, увеличение его прибыли. В условиях же эгалитарного общества ничего этого не происходит, ибо новопринятый труженик становится совладельцем, равным членом коллектива, усиление, увеличение которого приведет к росту доходов **всех** его членов, а не одного лишь доминатора, как это происходит в доминистском обществе. В обществе где каждый работник, поступивший на завод, автоматически становится одним из совладельцев завода, невозможно предположить ситуацию, когда один преуспевший трудящийся покупает станки, нанимает и эксплоатирует других трудящихся. Не говоря уже о том, что кандидат в новые доминаторы обходит этим актом запрещающие эксплоатацию законы, он вряд ли найдет трудящихся, желающих пойти к нему работать на условиях, предполагающих эксплоатацию, т. е. худших, чем на любом другом предприятии. Только если эти трудящиеся безработные, они согласятся на любые условия, поэтому ликвидация безработицы будет одной из важнейших задач нового общества. Если безработица все же сохранится (что возможно на первых порах становления эгалитарного общества), то в условиях свободного рынка, действительно, могут возникнуть скрытые мелкие «пятна» доминизма (на мелких, кустарного типа предприятиях), которые, однако, в атмосфере эгалитаризма развиться не могут, и исчезнут вместе с безработицей. Таким образом, если исключить эти нелегаль-

ные «пятна» начального периода — в эгалитарном обществе полностью исчезнет деление на тех, кто «вкладывает труд», получая лишь зарплату и не становясь владельцем капитала, и тех, кто лишь «вкладывает деньги», получая прибыль с работы других (причем личный труд владельца капитала — явление второстепенное и ничего не меняющее в его сущности эксплоататора и доминатора).

Иначе говоря, единственным источником доходов будет труд, а сам факт внесения денег не будет приносить доходов, что означает исчезновение такого явления как акции и акционеры. Значит и биржа, этот символ капитализма (т. е. моно- и групп-патронализма) исчезнет. Жест парижских студентов, пытавшихся в мае 1968 года сжечь биржу, можно истолковать просто как генеральную репетицию, ибо мы не верим утверждениям тех, кто приписывает студентам надежды, будто капитализм рухнет, как только биржа сгорит.

Что касается перехода развитых стран класс-доминизма («социализма») к групп-эгалитаризму, то в них замена единственного и монопольного хозяина (класса-гегемона) множеством групповых хозяев (коллективы трудящихся), вызовет к жизни те же явления — т. е. конкуренцию, свободный рынок, а с ними — обилие товаров, повышение их качества, снижение цен и повышение доходов трудящихся. Исчезнут такие вечные болячки социализма как расточительство материалов и средств, трудности снабжения, очереди в магазинах, равнодушие предприятий к запросам потребителей, к цене, качеству и ассортименту продукции, исчезнет принудительное и часто абсурдное «планирование» (которое будет заменено координацией) и искусственно поддерживаемая диспропорция между производством средств производства и предметов потребления. Биржи в этих странах не было (ее роль исполняет здание центрального комитета Партии), ибо капиталовложениями занимались не акционеры, а «государство», а точнее — класс-гегемон, единственный хозяин и акционер.

❦

Некоторые обеспокоятся — если не будет ни акционеров, этих денежных мешков, ни класса-гегемона, этого огромного денежного мешка, а будут одни лишь трудящиеся — то откуда же взять капиталы для накопления, т. е. расширения производства, постройки новых заводов, домов и т. д. Ведь если владельцы капитала в результате

революции удерут за границу вместе с их деньгами, то страна без «капиталов» будет парализована? Те кто так думает не понимают откуда эти денежные мешки берутся и в чем заключается богатство страны. Никто не станет спорить, что все, что страна производит, создано руками трудящихся. И если возникают «денежные мешки», — то лишь потому что большая часть созданного трудящимися забирается доминаторами. Если, к примеру, страна произвела за месяц продукцию стоимостью в 1.000.000 долларов, то из них может лишь 600.000 долларов достается тем, кто этот миллион создал, остальное уплывает в карманы паразитов. Эта сумма затем делится на две части — одна, к примеру 300.000, идет в «толстые желудки» (потребление и личное накопление доминаторов), другая, т. е. оставшиеся 100.000 идет в «денежные мешки» (суммы, используемые для капиталовложений).

Если завтра доминаторы убегут со своими мешками, что же случится? Трудящиеся, станки, заводы, электростанции, природные ресурсы, — все это в чемоданы доминаторов не поместится и потому останется на месте. А это и есть главный капитал. Уже в следующем месяце эти трудящиеся создадут еще 1.000.000 долларов, только на сей раз весь миллион достанется им. Из него им нетрудно будет отложить 100.000 в «денежный мешок», необходимый для капиталовложений, т. е. для расширения производства. Но зато им останется уже не 600.000, а 900.000 долларов для их потребления. Такая прибавка позволит им устроить шикарные поминки по доминизму. Что касается тех, кто убежал со своими мешками, то с момента, когда все содержимое их мешков перейдет в их желудки, они поймут кто является настоящим создателем ценностей. Ибо они сами даже со своими денежными мешками, никого не эксплоатируя, ничего создать не могут.

Еще один пример. Чтобы построить дом необходимо финансировать строительство. Для этого хозяин строительной фирмы дает «свои» деньги, или же прибегает к помощи других «денежных мешков» — и из этих денег покупается земельный участок, строительные материалы, оплачиваются рабочие. Когда дом готов, расходы начинают возвращаться в виде квартирной платы, которая в конечном счете далеко перекрывает расходы. Прибыль идет не тем кто дом построил, а тем кто финансировал строительство — т. е. в те же «денежные мешки». И пока таков порядок — только они, т. е. доминаторы, способны финансировать новое строительство. Значит ли это что без них

нельзя построить дом? Значит ли это, что с концом доминизма прекратится строительство домов? Ничего подобного. В эгалитарном обществе квартирная плата за дом, которые мы здесь только что построили, будет поступать (до тех пор, пока она не покроет реальную стоимость квартиры), не в карманы доминаторов (крупные домовладельцы, без сомнения, будут экспроприированы, как и все прочие доминаторы), а в кассу нового хозяина той же строительной фирмы, т. е. в кассу коллектива трудящихся этой фирмы. Из этих-то денег, честно заработанных строителями (а не хозяевами, акционерами, банкирами и прочими паразитами), коллектив строительной фирмы сможет финансировать новые постройки. Капитал лишь сменит хозяина, но ничуть не уменьшится.

В случаях, когда нужна будет банковская ссуда — ее не трудно будет получить: во-первых потому, что банки станут класс-эгалитарной собственностью и главной целью их деятельности будет не прибыль, а интересы трудящихся, во-вторых, потому что, как это ни странно, вклады в банки увеличатся после исчезновения доминизма — ведь заработки трудящихся возрастут, а значит их сбережения возрастут в еще большей степени.

Возможно будет распространена и третья форма финансирования — та, которая существует уже много лет в израильских автобусных компаниях Э.Г.Е.Д. (междугородняя) и Д.А.Н. (городская). Эти компании были основаны как кооперативы шоферов и механиков. Чтобы стать полноправным членом кооператива, работник вносит определенную, для всех одинаковую сумму (около 3.000 долларов), необходимую для закупки дополнительного оборудования, т. е. для создания нового рабочего места. С этого момента он становится тружеником-совладельцем компании, получает равные права в делах управления и равную долю доходов. Принципиальная разница между таким работником и акционером очевидна. Акционер получает прибыль с капитала, т. е. доход с чужого труда, пропорциональный стоимости его акций (если он трудится, то добавочно получает зарплату, ничего общего не имеющую с нетрудовыми доходами от акций). Здесь же, в этих кооперативах, доходы их членов — плоды их же труда.

В принципе эти автобусные компании — один из типов групп-эгалитарного предприятия. На деле, находясь в типично монопатроналистском окружении, они несколько изменили свой недоминистский характер. Кооперативы эти стали нанимать добавочный персонал (в основном неква-

лифицированный) на «нормальных» условиях, т. е. платя им установленную зарплату и не принимая в полноправные члены кооператива, а значит выступая по отношению к этой части персонала как обыкновенный патрон.

Кроме этих трех форм финансирования в эгалитарном обществе будут изысканы и другие, но это мы оставим экономистам будущего.

Мы здесь не рассматриваем временные трудности, которые могут возникнут (и не могут не возникнуть) сразу после перехода от доминизма к эгалитаризму — т. е. после величайшей в истории человечества революции. Важно то, что в руках трудящихся останутся все средства, все условия для ликвидации этих переходных трудностей. Наша задача — показать, что трудящимся нечего бояться будущего — оно в их руках. Если бы все трудящиеся поняли, что они уже сегодня могут прекрасно обойтись без доминаторов и сами решать свою судьбу — завтрашнее утро было бы утром общества без доминации и эксплоатации, общества где человек человеку — Человек, а не волк.

❦

Как это было всегда в истории, фактическим хозяином государства и в групп-эгалитарном обществе будут классы-владельцы средств производства. Но на сей раз это будут классы трудящихся. Какую форму примет это государство — решат сами трудящиеся. Но можно предполагать, что верховным органом его будет Ассамблея представителей ассоциаций трудящихся, т. е. делегатов от предприятий, объединений крестьян, ремесленников и т. д. Нужно надеяться, что надувательство старых парламентов не будет забыто и делегаты Ассамблеи смогут быть отзываемы и сменяемы в любой момент своими избирателями, а для голосования в Ассамблее по важным вопросам эти делегаты должны будут получать полномочия тех, кого они представляют. В ведении Ассамблеи будут производственные, экономические, социальные, внешнеполитические функции и т. п.

Повидимому будет создано и второе Собрание, в котором будут заседать представители территорий, районов, городов и т. д., представляющее все население и избранное всеобщим голосованием. В его ведении будут определенные публичные функции, касающиеся территорий, населения и т. д. Его решения должны будут быть согласованы с Ассамблеей представителей трудящихся.

Будет ли существовать личность, вроде президента или премьер-министра, имеющая право навязывать свою волю — мы сомневаемся. В области управления государством, причем недоминистским государством — такая личность, концентрирующая в своих руках особые полномочия, кажется излишней, тем более что такое государство будет глубоко децентрализированным, а его роль будет ограничена ролью слуги людей, а не их «государя».

Уничтожение доминизма в двух, трех или нескольких развитых странах будет означать исчезновение всех антагонизмов между ними и создаст возможность их объединения, создания общих органов, установления общего языка (возможно это будет эсперанто, ибо ни один из живых языков не совершенен) и со временем — полного слияния стран, наций, рас и снесения всех следов границ.

Когда-нибудь детям легче будет объяснить высшую математику, чем причины, по которым одна группа людей враждовала с другой. Станут ли детям понятней эти причины, когда им покажут в Лувре мумии последнего патрона и последнего гегемона — представителей сорта людей, называемого доминаторами и являвшегося истинным источником всякой вражды? Учителя будущего будут иметь нелегкую задачу.

❦

Анализируя в предыдущих главах некоторые экономические и общественные явления, мы рассматривали также какой характер примут эти явления в будущем, т. е. в эгалитарном обществе. Поэтому задача у нас облегчена и лишь некоторые из этих явлений мы рассмотрим здесь снова, несколько глубже.

Эгалитарное общество тем и характерно, что в нем все и каждый являются хозяевами своей судьбы, каждый принимает участие в выработке решений, каждый является равноправным совладельцем предприятия, на котором он работает.

Казалось бы при таком равноправии всех — нет места иерархии, и она должна исчезнуть вместе с доминизмом. Верно, что пока доминизм существует, иерархия является слугой и проводником доминизма. И эта сторона иерархии безусловно должна исчезнуть и исчезнет с доминизмом. Но иерархия имеет еще и другую функцию — организационную. Она служит для объединения и координации усилий людей, для направления этих усилий в одном, согласованном, целесообразном направлении. Всем очевидно,

что оркестр нуждается в дирижере, корабль в капитане, что фильм нельзя сделать без режиссера, что завод не сможет работать без определенной иерархии функций. Ведь если «стратегическое» решение было принято сообща, «в кругу», на равных правах, то исполнение этого решения не может быть «равноправным» — нужно уже из «круга» перестроиться «в колонну», и кто-то должен эту колонну вести, распределить задания, принимать тактические решения на ходу.

Возьмем пример корабля. Если моряки избавились от владельца пароходной компании и сами стали ее хозяевами, то безусловно они сообща решат куда и зачем посылать корабли, но с момента, когда решение было принято, — экипаж корабля, сохранив право решения в определенных вопросах, однако, должен подчиниться капитану. Но на сей раз — не капитану, назначенному судовладельцем, а капитану, возможно избранному, а во всяком случае одобренному экипажем. Речь, конечно, не в том, чтобы «выбрать» капитаном корабельного повара, а чтобы выбрать и добровольно принять капитана из числа профессиональных капитанов. Такой капитан должен будет понять, что он уже служит не интересам судовладельцев, а интересам всего экипажа и своим в том числе, и отношения между капитаном и экипажем должны быть построены на основах «иерархия плюс товарищество», а не «иерархия плюс доминация». Если последний тип отношений ведет к дисциплине палочной, к скрытой вражде между «начальством» и подчиненными, к унижению подчиненных, то первый не может не вызвать к жизни дисциплину сознательную, добровольную, а значит и наиболее эффективную, а в отношениях — взаимное уважение, сознание что все делают общее дело, а тот кто руководит — это просто товарищ, который несколько больше знает, а не «хозяйский прислужник», посаженный «нам на шею» и уверенный, что чем большей сволочью он себя покажет в отношении подчиненных, тем лучше будет цениться хозяином. Трудно себе представить, насколько революционно будет установление эгалитарного типа иерархии (казалось бы странное сочетание слов), насколько это изменит характер труда, насколько это поднимет его эффективность, его производительность и главное — насколько это изменит человеческие отношения. Ведь не только на работе резко изменится атмосфера, но и после нее — вместо того чтобы возвращаться домой усталыми, издерганными, нервными, с сознанием бессилия («снова начальник при-

дирался, снова хозяин грозился, снова интриги на работе» и т. д. и т. п.), люди будут носить в сердце радость, достоинство, доброжелательность, которые им сопутствовали весь рабочий день.

Сознание что с работником никто уже не обращается как с неучем и неудачником, что он один из тех, кто принимает участие в выработке решений, что его заработок никем не обкрадывается, а размер этого заработка был определен им же совместно с его товарищами, тот факт, что начальник уже не может грозиться увольнением, урезкой заработка, переводом на худшую работу, и что сам этот начальник — товарищ по работе (иначе он перестанет быть начальником — и это во власти коллектива его подчиненных), и что подчинение ему равносильно подчинению всему коллективу сотрудников (а в этом будет колоссальная моральная сила такого начальника-товарища), — все это не может не изменить психологию трудящихся, а значит глубочайшим образом изменит и все общество. Человек станет лучше, добрее. Много лучше, много добрее. А нет ничего лучше чем доброта человеческая, она теплее солнца, ибо греет до глубины души. И это она станет Царицей Мира.

Но к этому нельзя прийти, не избавившись от доминаторов. И чем сильнее будет к ним ненависть, тем быстрее человечество придет к доброте, к братству людей, а люди не могут не прийти к этому. Это братство должно сменить «цивилизацию толпы одиноких людей», цивилизацию, которая умышленно делит людей, заставляет их заниматься лишь своими мелкими делишками. которая насаждает всюду свойственный ей эгоизм, недоверие, отчужденность, вражду, зависть. Эгалитарное общество соединит людей — ведь если каждый примет участие в совместной деятельности, в совместных решениях, — это неизбежно объединит людей, сделает их общительнее, доверчивее, дружелюбнее, — и все станут членами одной семьи — дружной Семьи Человеческой.

❦

Установив, что иерархия — явление неизбежное, во всяком случае пока существует иерархия знаний, — мы еще не установили какие же формы управления групп-эгалитарным предприятием будут приняты. В этой области можно лишь гадать, ибо ясно одно — никаких «указаний сверху» в этом выборе быть не может — коллектив каж-

дого предприятия сам выработает свою форму, свой «путь к эгалитаризму». Можно предполагать, что в зависимости от размеров и характера предприятий формы эти будут меняться. В одних случаях будет избран совет трудящихся как орган управления, в других будет выбрано одно лицо, в иных — этим высшим органом будет общее собрание, с исполнительным комитетом в промежутках между собраниями — форм этих могут быть десятки. Ясно лишь одно — что все органы управления будут беспрерывно контролироваться всем коллективом, смогут быть общим собранием отозваны и переизбраны, а каждый член коллектива будет в любой момент иметь доступ к документации и информации, касающихся всех сторон деятельности предприятия, в частности к той, которая относится к доходам и их распределению. Хозяину никто не может этого запретить, а каждый трудящийся будет хозяином на своем предприятии.

Что касается проблемы возможности бюрократизации органов управления, то такое грустное явление совершенно неизбежно, если бы был принят коммунистический «путь к социализму» (т. е. полная национализация средств производства, а значит сильно централизированное государство со всеми отвратительными последствиями), но не может иметь место при групп-эгалитаризме, ибо в нем органы решения и исполнения очень близки друг к другу (а часто даже слиты, ибо находятся в рамках одного и того же предприятия), а руководители не стоят «над толпой», обладая всяческими привилегиями и властью, а будут лишь исполнителями воли трудящихся — обладателей реальной и неоспоримой власти, действительных владельцев средств производства, тогда как роль государства будет весьма ограничена.

Подробнее этот вопрос уже был рассмотрен в предыдущих главах. Здесь мы лишь подводим итог.

❦

Отсутствие враждующих классов и товарищеские отношения между людьми вовсе не означают, что все будут иметь одинаковые мнения и не будет никаких разногласий и споров. В свободном обществе не может быть одного обязательного мнения, установки, идеи (боже упаси от такой скуки!). Каждый человек обладает своей головой и не только не обязан, но **не может** думать точно так же, как и другой человек — это было бы даже противоестест-

венно. Только свободной дискуссией, сопоставлением разных мнений, столкновением идей можно выработать наилучшее решение, наилучший вывод.

С уничтожением доминизма исчезнут те классы, которые не могли позволить полную свободу идей и мнений, угрожавших самому существованию этих классов, и эгалитарное общество будет первым обществом действительной свободы в этой области, ибо трудящимся классам абсолютно некого будет бояться. Никакая сила, никакая организация не будут в состоянии вырвать из рук трудящихся то, что им принадлежит. Ведь только страх доминаторов рождает репрессию, запреты, тюрьмы, концентрационные лагеря. Поэтому вопрос — будут ли партии в эгалитарном обществе? — нам кажется совершенно излишним. Если каждый, кому не лень, может основать свою партию (а если он в свободном обществе, то, конечно, это право ему будет предоставлено), то можно предполагать, что такие люди найдутся и партии будут существовать. И, конечно, будут предоставлены и все другие политические свободы — свободы слова, информации, печати, собраний, организаций, демонстраций. И уж конечно — право на забастовку. Никому в условиях эгалитаризма не придет в голову запрещать забастовки (да у кого такая власть запрета будет?), как это делается в странах социализма. Там трудящимся запрещено бастовать под маккиавелиевским, а вернее просто смешным и глупым предлогом, что они — сами хозяева и потому не имеют права бастовать против себя. Если «хозяевам» запрещено делать то, что им нравится и протестовать против того, что им не нравится, — значит они не хозяева у себя. «Хозяева», которым все запрещено и которые ничего не решают, еще в средние века назывались крепостными.

Трудящиеся эгалитарных предприятий без сомнения смогут бастовать — такая ситуация возможна если все предприятие недовольно каким-то мероприятием государства или же это может быть забастовкой части персонала против каких-то мер на собственном предприятии — мало ли еще конфликтов будет? Ведь групп-эгалитарное общество вовсе не идеальное общество — в нем будут сталкиваться интересы разных групп, категорий и даже двух трудящихся классов — что однако не означает классовой борьбы (т. е. борьбы между классами доминатором и доминируемым, или между двумя классами-доминаторами). Забастовки всегда были явлением полезным и оздоравливающим, и это средство борьбы трудящихся за свои

права поможет вскрыть еще не одну болячку эгалитарного общества.

❦

Будет ли в групп-эгалитарном обществе установлен равный заработок для всех? Мы утверждаем не только то, что в сегодняшних условиях это невозможно, но что это было бы даже вредно.

Всем ясно, что равная оплата за неравный труд несправедлива. Если же применить принцип равной платы за равный труд (а таков именно будет принцип групп-эгалитарного общества), то мы придем к неравной оплате. Рабочий, сделавший 9 одинаковых кранов, получит за них ту же оплату, независимо от того, квалифицирован он или нет, молод или в летах, мужчина это или женщина. Разница лишь в том, что один сделал эти 9 кранов за 6 часов, а другой за 12, — это вопрос способностей, опыта и знаний каждого из них. Давать им равную оплату в день означало бы выдачу премии за незнание и неумение (а в некоторых случаях и за лень) тому, кто производит в день меньше, причем премия эта шла бы за счет ограбления того, кто производит больше. Результатом было бы падение производительности труда, рост цен, потеря одного из стимулов к учебе — и одичание и обнищание общества, что бы (совсем по Марксу — см. «обнищание пролетариата») вызвало «революцию» квалифицированных трудящихся против неучей и лентяев — ибо только они могут сегодня требовать ввести всем равную оплату.

Тому кто возразит, что слабый физически рабочий не сможет никогда сделать столько, сколько здоровый, но что платить ему меньше означало бы наказать его за слабость, можно также возразить, что в таком случае он должен сменить работу на такую, где не требуется физическая сила. Если же этот рабочий был вначале здоров и после, в результате болезни или несчастного случая. потерял часть своих способностей, то безусловно общество должно его поддержать, помочь восполнить потерю в доходах, возможно помочь в переквалификации и т. д., но это уже проблема из области социальной помощи, а не экономики.

❦

В более отдаленном будущем, без сомнения, доходы трудящихся будут выравниваться, но для этого нужно,

всеми видами гонения живой мысли, включая физический чтобы общество было в состоянии дать всем более или менее равные квалификации, что на практике будет означать высшее образование для всех. Только тогда можно будет говорить о равной оплате и полном уничтожении разницы между физическим и умственным трудом. Но это будет возможно лишь тогда, когда производительность труда достигнет такого уровня, при котором за 25-30 лет труда каждый работник создаст достаточно материальных ценностей, чтобы «оплатить» и эти годы жизни, и лет 10-20 пенсии, и лет 16-18 учебы (плюс 6-7 дошкольных лет). Возможно это время не так уж и далеко, но сегодня даже наиболее развитые страны вряд ли в состоянии обеспечить всеобщее высшее образование. Первой задачей групп-эгалитарного общества в этой области будет обеспечение высшего образования всем кто его **желает,** включая тех кто не мог его получить по материальным причинам, — что означает реальное обеспечение равного права на высшее образование, даже больше — привилегии тем, кто больше всего был лишен знаний. Уже этот этап потребует значительных усилий общества (общежития, стипендии, расширение старых и создание новых высших школ). Путь же ко всеобщему высшему образованию лежит через повышение производительности труда и эффективности всей экономики.

Цели образования должны также измениться. Важно не только формирование квалификаций (т. е. прикладных знаний для целей производства и исследований), иначе говоря — формирование специалиста, но и приобщение к знаниям общего характера, т. е. формирование человека. Образование в доминистском обществе ставит себе целью формирование специалиста и если при этом этот специалист получает и общие знания, то это просто потому что без определенного запаса таких знаний нельзя создать специалиста. С другой стороны доминистское общество всеми методами старается оглупить человека, т. е. выбить из его головы всякие знания, могущие его привести к пониманию истинного механизма доминистского общества, а значит — к оппозиции или даже революции.

В странах монополии доминаторов в области информации такое оглупление проводится методами интеллектуального насилия — лживой «агитации и пропаганды», оболванивающей «культурно-воспитательной работы», вдалбливания всяких безжизненных и обманчивых догм,

ведется между китайскими и советскими доминаторами.

В странах, где доминаторы несколько ограничены в средствах принуждения и не имеют монополии информации, они больше пользуются средствами «отвлечения» с помощью легкой, но отравленной «интеллектуальной» пищи. Идут в ход бульварная пресса, порнография, комиксы, развлекательские фильмы, реклама «идолов», культ обогащения, секса, автомобилей, а вдобавок — конгломерат всей этой грязи — телевидение. Бесспорными чемпионами в этой категории являются американские доминаторы, на голову побившие всех конкурентов в этом спорте обезглавливания.

Но нужда в людях знающих растет, число их также растет, и система оглупления не в состоянии нейтрализовать этот рост — 1968-ой год показал это.

Естественно, что в групп-эгалитарном обществе тенденция изменится и формирование человека думающего самостоятельно, критически, человека знающего — станет еще важнее чем формирование специалиста. Ибо само общение между людьми станет стороной жизни более важной, чем производство. Люди станут наконец людьми, а не придатками машин, как их трактуют нынешние доминаторы.

❦

Эгалитаризм, бесспорно, не означает исчезновения индивидуальных различий. Эти различия даны самой природой и ни одна общественная система не может их сгладить, хотя некоторые системы старались это сделать. Эгалитарное общество ничуть в этом не будет заинтересовано. Его роль — дать всем равные возможности и все права (кроме права эксплоатации и доминации), а как их каждый человек использует — это его личное дело. Ведь если даже всем дать, к примеру, равную оплату — каждый использует ее по своему и различия в личной собственности не исчезнут. Один человек посвятит свои доходы большей частью на еду, другой на книги или путешествия, третий предпочтет построить себе дом побольше, а четвертый — содержать роскошный автомобиль. И у людей будут разные дома, разная обстановка в них, разные автомашины и т. д. Это никому не может мешать, если то, чем человек обладает, приобретено им своим трудом. Цель эгалитаризма не в том, чтобы все жили одинаково, а в том чтобы никто не жил за счет чужого труда — и мы не устанем это повторять.

Некоторые пессимисты говорят, что невозможно создать справедливое общество, ибо люди плохи по самой своей природе, ибо они разные и потому тот, кто проворнее и сильнее, рано или поздно все равно сядет на шею другому. В доказательство того, что люди плохи один такой пессимист предложил представить себе как люди давили бы друг друга, если бы в кинозале начался пожар. А чтобы показать, что разность людей ведет к господству одних над другими, он утверждал, что когда двое людей попадают в пустыню — один из них обязательно будет доминировать над другим. По поводу пожара в кино можно возразить, что все зависит от того, где этот кинозал находится. Если это кинозал в одном из «приличных» районов Нью-Йорка — давка была бы безусловно ужасной, если же это зал в рабочем квартале Детройта, — сцена была бы не столь страшной, а будь это кинозал в израильском кибуце — все обошлось бы много спокойнее и даже нашлось бы немало людей, которые бросились бы в огонь спасать оставшихся. Ведь люди вовсе не плохи по природе, их поведение зависит от категорий и ценностей, принятых в той среде, в которой они живут. Люди живущие в среде, в которой принято лезть к успеху через трупы «ближних» — и при пожаре применят эту же тактику. Там же, где без некоторой солидарности и взаимопомощи не всегда можно выжить (речь о рабочей среде) — нормы поведения другие. Если же говорить о кибуце (кстати, это групп-эгалитарная форма сообщества людей), то в нем люди так привыкли делить все трудности, опасности и радости жизни, что в характере кибуцника черты солидарности и альтруизма так же натуральны, как черты подлости и эгоизма в нью-йоркском бизнесмене.

Так что разгадку преобладающих черт людей следует искать не в природе человека, а в сути общества и среды, в которой человек живет.

Что касается двоих в пустыне, то нет сомнения, что из двоих один будет «сильнее», и ничего нет плохого если именно он возьмет на себя, с одобрения слабого, большую часть усилий, ответственности, Значит ли это, что он сразу заставит более слабого тащить себя на спине, или же наоборот, сам понесет слабого? В пустыне, конечно, нельзя угадать какой вариант будет принят — все зависит от того, кто эти двое. Но эгалитарное общество не пустыня, и никто не позволит «сильному» влезть на спину «слабого».

Не только законы или моральный кодекс эгалитаризма не позволят возрождения доминизма, но и сама экономи-

ческая база этого общества. И об этом мы уже говорили выше.

Каждое равенство несет в себе зерна неравенства, как в каждом поле есть зерна сорняка. Но если почва неприемлема для этих зерен — сорняк на ней не взойдет. Единственное что может сделать человек более «сильный», более энергичный — это дать больше продукции, изготовить больше «кранов» — а значит и получить высшую чем другие оплату. Честь и хвала такому «силачу» — все что он заработал дело его рук и законно ему принадлежит. Такой трудящийся сможет себе построить дом побольше, если ему хочется, но никоим образом он не сможет стать эксплоататором.

Так что индивидуальных различий опасаться нечего — вреда в них нет. Сами по себе они естественны и могут породить доминацию только в условиях доминистского общества.

В условиях более человечного общества основная масса людей станет лучше, добрее, альтруистичнее, но уже сам факт психологического разнообразия людей будет источником всевозможных отклонений от общепринятых норм. Найдутся люди, которые любят поживиться за чужой счет, которые не будут уважать свободу и достоинство других людей, которые проявят эгоизм, выходящий за рамки, в которых он не наносит ущерб другим людям — иначе говоря, найдутся люди, которые будут «наступать на ноги» другим людям или обществу. Естественно, общество вынуждено будет защищаться от них — методами убеждения или даже репрессии. А это означает что сохранятся репрессивные органы — хотя и в значительно меньших масштабах по сравнению с гигантским аппаратом репрессии при доминизме.

В доминистском обществе преступность в огромной степени имеет социальные корни, является реакцией на узаконенный грабеж и насилие, на которых это общество основано, она вдохновляется духом этого общества, в которых лишь результат важен, а не методы. Ведь если банк постоянно грабит трудящихся, то ограбление банка в глазах многих не преступление, а подвиг. Ведь если рабочий сознает, что доминатор обкрадывает его ежедневно, то вор, обокравший доминатора не будет преступником в глазах рабочего. Если доминаторы пользуются всеми методами,

чтобы преуспеть, то можно ли убедить доминируемых соблюдать все заповеди библии или отдела пропаганды? Тем более, что всем известно, что честным трудом невозможно дойти до благосостояния, каким пользуются те, кто живет за счет чужого труда и которое многим служит как жизненный идеал, к которому надо стремиться.

Там где контрасты между богатством одних и бедностью других сильнее — преступность больше. Причем надо отметить, что бедность — понятие относительное. Американский негр, обладающий своей машиной, много беднее (в сравнении с ослепительным богатством американских богачей), чем китайский крестьянин в сравнении с коммунистическим деятелем, пока еще живущим в Китае скромно. И потому преступность в США во много раз выше, чем в Китае.

Но как только доминаторы исчезнут — все социальные стимулы преступности (грабительская суть общества, резкие контрасты благосостояния, чувство бессилия и отчаяния и т. д.) исчезнут и преступность неимоверно упадет.

Парижская Коммуна показала это с потрясающей наглядностью. Как только она победила и во все время ее недолгого существования — в осажденном голодающем Париже тотчас прекратились грабежи, насилия, воровство, проституция. Все это (вместе с полицией) «переселилось» в Версаль и лишь с кровавым возвращением версальцев «расцвело» вновь на гнилой почве доминизма.

Из всего этого ясно, что в эгалитарном обществе кроме регулировки уличного движения, полиция (или милиция — название не играет роли) не будет иметь много работы. Репрессивная сторона государства перестанет носить классовый характер — а лишь ограниченный характер защиты от индивидуумов, «наступающих другим на ноги». Тогда, без сомнения, полицейский (не путать с регулировщиком движения) станет симпатичнейшей и редчайшей фигурой на улице, — вроде трубочиста, встреча с которым, говорят, приносит счастье. Тем же, кто считает, что трубочист незаменим, а полицию можно заменить вооруженными трубочистами, которые будут сменяться по очереди (т. е. милицией в оригинальном и неизвращенном смысле слова), мы возразим — профессия полицейского не менее опасна и ответственна, чем профессия трубочиста, но вдобавок требует много профессиональных знаний (криминалистика, социология, психология, уличное движение и т. д.), бездну деликатности (речь, конечно, о полицейском

эгалитарного общества) и большого опыта. А все это невозможно приобрести в один день или даже месяц. Потому мы считаем, что не стоит отрывать трубочистов от работы, которую они отлично знают, и поручать им делать то, в чем они слабо разбираются. Важно лишь чтобы полицейские не забывали, что они служат трубочистам, и прочим трудящимся, а не как прежде (и теперь), — доминаторам всех сортов. А об этом им будет всегда напоминать гражданский контроль деятельности полиции, который, повидимому, будет установлен.

❦

Проблемы, стоящие перед людьми, можно разделить на социальные, т. е. касающиеся общества в целом (и которые должны быть разрешены всем обществом), и личные, касающиеся отдельных людей и разрешаемые в индивидуальном порядке. Если первые могут быть предметом партийных программ, то вторые, хотя и являются нередко следствием первых и зависят от них, — не могут быть решаемы «декретом», ибо это было бы принуждением, новой формой доминации.

Одной из проблем этой второй категории является проблема любви и сексуальных отношений. И, безусловно, она связана с проблемами первой категории, ибо никто не станет отрицать факта социальной и материальной порабощенности любви, ее зависимости от других условий, кроме чисто сентиментальных.

Некоторые молодые люди, сознавая эту скованность любви, проповедуют для ее «освобождения» ... немедленную и полную сексуальную разнузданность, которую громко называют «свободной любовью». Это так же глупо, как человеку, нажившему мозоли от тесных ботинок, — предложить ходить на руках. Возможно это помогло бы от мозолей, но не все считают этот метод ходьбы удобным, и нам известны многие, которые после таких опытов нажили себя хронические головные боли, не став ничуть «свободнее». Метод этот, впрочем, вполне устраивает буржуазию, ибо в головы тех, кто им пользуется, переливается столько всего из нижних частей тела, что не остается места для политики. И он пропагандируется так навязчиво (кино, рекламы, газеты, псевдопсихоанализ, порнография), что можно говорить об ужасной «про-сексуальной репрессии», от которой труднее увернуться, чем от полицейских дубинок.

Если нас спросят: что же мы предлагаем? — ответ будет таков: пока следует попрежнему ходить вверх головой, но, пожалуй, ботинки носить номером больше. Ибо истинное освобождение любви может произойти лишь в результате глубочайших социальных и экономических изменений, которые позволят освободить человека от материальной зависимости — а для этого нужна не только социальная революция, но еще и десятки или сотни лет усилий и исканий.

Более «серьезные» сторонники «свободной любви» употребляют термин «сексуальная революция», подводят под нее «марксистскую базу», и выдвигают такую наивную теорию: «свободная любовь» — натуральна, свойственна природе человека, когда-то существовала лишь такая любовь, а семья появилась лишь с появлением частной собственности, а так как частная собственность будет уничтожена, то «свободная любовь» должна быть «введена» снова.

В этом рассуждении нагромождена куча ошибок.

Если верно, что семья возникла с частной собственностью (точнее было бы говорить о доминистской собственности), то основой семьи является не частная собственность (которая означает единоличную собственность на средства производства), а личная собственность (т. е. собственность на средства потребления). А личную собственность, мы думаем, не собираются уничожать даже самые ярые сторонники «свободной любви», ибо даже среди них не найдется много любителей отказаться от личных вещей и жить со своей возлюбленной на вокзале, а не в уютной квартирке с хорошим набором кастрюль.

Вторая ошибка заключается в том, что вовсе не будет уничтожена всякая частная собственность, а лишь всякая доминистская собственность (будь то частная, групповая или классовая), тогда как частную трудовую, т. е. монсэгалитарную собственность уничтожать было бы тупостью и преступлением против независимых тружеников, которые живут своим трудом, никого не эксплоатируют и, тем более, не «порабощают любовь». Ясно, что даже если «сексуальные революционеры» расстреляют всех крестьян, ремесленников и мелких торговцев — любовь от этого ни на йоту не станет «свободней».

Третьей ошибкой является утверждение, что «свободная» любовь натуральна, т. е. свойственна природе человека. Понятие «натурального» весьма относительно, особенно в отношении человека — животного, которое не

только само себя изменило, но и меняет природу. Если принять, что неандерталец натуральнее современного человека, то следует ввести декретом вместе со «свободной любовью» и другие законы, «возвращающие к природе»: запретить носить одежду, обувь, очки; брить бороду, курить табак, ездить на автомобиле и прятаться во время отправления естественных нужд.

По тем или иным причинам — «хорошим» или «плохим», естественным или искусственным, — человек изменился со временем неимоверно и никакая сила не вернет ему все что он потерял и не отберет все что он приобрел. И никто не должен, да и не имеет права, заставлять его выбрать: брить бороду или нет; носить на шее галстук или колокольчик; ездить автомобилем или на осле; стать приверженцем «свободной любви» на собачий манер или «вечной любви» по примеру лебедей (ибо и такая любовь существует в природе и значит — натуральна); жить в семье или «общиной»; быть верующим или атеистом; читать Маркса или полицейские романы; принадлежать к той или иной партии; жить и работать тут или там; и т. д. и т. п.

Человек может быть полностью свободен в границах, не нарушающих свободы и прав другого человека. Всякая попытка навязать свои вкусы и мнения в области личных проблем будет нарушением личной свободы людей.

Поэтому сторонникам «свободной любви» никто не может помешать практиковать ее между собой, пока это не грозит общественному здоровью, но всякая попытка «экспортировать» ее и навязать другим означала бы насилие над свободой других выбирать форму любви по их вкусам. Что же касается последствий «свободной любви», то было бы нелогично требовать, чтобы их тяжесть несло на себе все общество, включая и ее противников.

«Свободная любовь» в наше время не может означать ничего другого кроме «освобождения» ее от всяких чувств и привязанностей, от лирики и романтики, что, нам кажется, не может не принести ее практикантам лишь горькое чувство опустошения и разочарования. От материальной же зависимости любовь освободится лишь когда сам человек освободится от этой зависимости, — а значит не скоро.

Те, кто кричат о необходимости «сексуальной революции», которая, по их мнению, приведет к освобождению человека, — пытаются поставить телегу перед лошадью — решение, от которого даже лошади смеются. Не сексуальная разнузданность, а социальная революция положит на-

чало освобождению человека, и когда человек будет свободен — любовь освободится от чуждых ей влияний. «Скажите мне каково общество, и я скажу вам, как в нем разрешены сексуальные проблемы».

Первые шаги, которые сделает эгалитарное общество к освобождению любви, будут, повидимому, — сокращение длительности рабочего дня, облегчение условий приобретения квартир для молодоженов, упрощение и удешевление процедуры развода.

Мы уже говорили, что семья (т. е. фактическое сожительство под одной крышей) не может быть упразднена, но кроме того — вряд ли это общество упразднит и брак, т. е. формальное обязательство, контракт между партнерами. Причина здесь в разнице натуры мужчины и женщины. Если природа дала мужчине инстинкт, толкающий его к оплодотворению возможно большего числа женщин (инстинкт сохранения рода — цивилизация его притупила, но не стерла), то у женщин природа иная. Будучи раз оплодотворенной и долго после родов, она (и ее дети) нуждается в защите и покровительстве мужчины, следовательно ей больше свойственна верность — по самой ее природе — и для нее семья и постоянство более естественные состояния, чем бесконечная смена партнеров, не дающая ей чувства безопасности. Инстинкт самосохранения у женщин сильнее. И эта разница не исчезнет, во всяком случае для женщин, не желающих насиловать свою природу.

И если раньше брак был учрежден прежде всего как гарантия сохранения имущества в семье (и женщина была, по сути, одним из видов этого имущества), то в групп-эгалитарном обществе брак сохранится как гарантия защиты женщины и детей. А общество не может отказать им в такой юридической защите до тех пор, пока оно не в состоянии гарантировать полное материальное обеспечение матери и ребенка.

При всем этом нам кажется, что роль общества в столь интимных и личных вопросах будет ограничена, ибо здесь каждый должен сам делать «свою революцию» и имеет свою долю ответственности в этом. Мы верим что люди разрешат и эти проблемы наилучшим способом. Если они сами, наконец-то, будут решать все проблемы — то не будут же они их разрешать во вред себе!

Если можно не сомневаться в том, что человечество уничтожит доминизм и, следовательно, возьмет направление на эгалитаризм, то нельзя с уверенностью сказать как будут разрешены всяческие конкретные проблемы. Решения их будут разными на разных предприятиях, в разных районах, в разных странах, — в соответствии с конкретными условиями и волей трудящихся. Однако уже сегодня мы можем рассмотреть один конкретный случай группэгалитарного сообщества, существующего на нашей планете уже десятки лет. Речь об израильских кибуцах.

Чуда никакого в их возникновении нет. Чудом было лишь особое стечение обстоятельств, благодаря которому кибуцы возникли в мире доминизма. Вот эти обстоятельства.

Где-то живет народ, изгнанный когда-то со своей родины. Народ этот преследуется не только как любое национальное меньшинство, — но и еще больше — из-за его религиозного отличия и особой профессиональной специализации в отраслях, где экономическая конкуренция особенно сильна (ремесло, коммерция, финансы). В таком народе естественна тоска по утерянной родине. В конце прошлого века часть этого народа попадает в сферу сильного брожения революционных идей (Восточная и Центральная Европа). Идеи эти впитываются тем легче, чем более преследуемым является народ. Поэтому в лоне еврейского народа (о нем речь) зерна революционных идей дали обильный урожай. Причем всходы были двух сортов. Одни — чисто революционные, вышедшие за узко национальные рамки, давшие революционеров-интернационалистов, взявшихся за борьбу с угнетением на месте и во всем мире. Другие — это те, в которых революционные идеи смешались с извечной тоской по утерянной земле. Из этих выросла порода идеалистов, которые решили жить только трудом своих рук, не эксплоатировать никого, но не быть эксплоатируемыми, и установить идеальное трудовое общество на земле своих предков.

Приезжали они на эту землю обычно без всяких средств, ибо были бедны, как всегда в мире корысти бедны идеалисты. Плодородные земли им покупать было не на что, а чтобы обрабатывать выжженные солнцем пустыри, которые нужно было очищать от камней и колючих кустарников, и чтобы пробивать оросительные каналы или вести водопровод к полям — для этого они не могли не объединиться. Не будь они идеалистами они бы просто отправились в город на заработки, как делали приезжав-

шие в то же время сионисты без социальной программы, а также просто религиозные фанатики. Они же, идеалисты, не могли покинуть землю и не столько их идея необходимости жить сообща, сколько объективная **невозможность** обрабатывать порознь эту негостеприимную «святую» землю — была причиной их объединения в кибуцы (производное от древне-еврейского слова «квуца» — группа), т. е. сельскохозяйственные коммуны.

Долгое время отношения кибуцов с арабами были отношениями дружбы и взаимопомощи. В Палестине было множество пустующих неиспользованных земель и новые поселенцы не только не стесняли местное население, но, наоборот, — оживляли экономику, товарообмен. Дружба между арабами и евреями не могла нравиться хозяевам Палестины — английским колонизаторам (тем более, что кибуцники «заражали» арабов левыми идеями), политика которых издавна была «разделяй и властвуй». Вот они и начали «разделять», натравливая одну этническую группу на другую, особенно преуспевая в этом в городах. Если кибуцники совершенно не поддались на эту гнусную уловку, то бедных и безграмотных арабских крестьян обмануть было легче, тем более что эти крестьяне были в руках их феодалов — шейхов, а шейхи были марионетками английских доминаторов. С тех пор как начались нападения на кибуцы, появился еще один фактор укрепления кибуцов — необходимость объединения для самообороны. Так удары по горячему кованому железу еще больше его укрепляют. В таких условиях каждое новое поселение уже не могло не быть одной из разновидностей кибуца, объединения. И даже когда Израиль уже сформировался как типично монопатроналистское государство — кибуц сохранился, хотя ему пришлось вести тяжелую борьбу, на сей раз экономическую, на сей раз с израильским окружением.

Выяснив всю удивительную цепь явлений, «преждевременно» родивших кибуц (дитя, которое должно было бы родиться на добрую сотню лет позже), рассмотрим что же он собой представляет и как в нем разрешены всевозможные проблемы.

Основные принципы кибуца: равный труд, равное распределение доходов, принятие основных решений общим собранием. Кибуцники объединены не только в процессе производства, но и во всем остальном — совместное питание, совместная организация досуга, образования. воспитания детей. Живут одним поселением. Обычно каж-

дая пара (муж и жена) имеют квартирку с кухонкой (для приготовления легкой закуски, кофе для гостей и т. п.), неженатые имеют по комнате или живут по нескольку в комнате. Дети же живут в специально построенных для них домах, со школой рядом, с площадками для игры. К родителям дети приходят только чтобы провести вечера или выходные дни.

В работе обычно нет никакой специализации — мужчины, как и женщины работают по очереди всюду — в поле, в птичнике, на кухне, в столовой, в прачечной. Нормальный рабочий день — 9 часов, после чего никакой домашней работы не остается и женщина так же свободна и может читать газету, как и мужчина, — ей уже не надо стирать, варить или кормить детишек. Питаются все в общей столовой, где выбор блюд хотя и не богатый, но имеется, а что касается количества то каждый получает по потребностям.

Все доходы от проданного продукта труда идут в общую кассу и из нее покупается все необходимое — одежда, мебель и т. д. в разном ассортименте — и каждый выбирает по своему вкусу (или заказывает заранее). Из этой же кассы оплачиваются заграничные экскурсии кибуцников (по очереди), учительница музыки для детей (если она приглашена из города), кинофильмы, которые кибуц заказывает на прокат, артисты, которых приглашают на гастроли, учеба и расходы на жизнь студентов, посланных кибуцем в университет из числа наиболее способных юношей. Из нее же покрывается строительство более комфортабельных жилых домов, клубов, капиталовложения, налоги государству и проценты банку за кредиты. После всего этого кибуцникам распределяются еще карманные деньги, — для покупки вещей по вкусу, картин или книг, книг и еще раз книг, которых в кибуце множество и которые служат не для украшения, а для чтения. Ибо кибуцники очень общительны, гостеприимны, часто встречаются группами и много дискутируют на разные политические, общественные, литературные темы. А тот кто много спорит, — многому учится и должен много читать. Отсюда эта великая любовь к книгам и высокий культурный уровень кибуцника.

Управляет кибуцем общее собрание и все важные вопросы решаются совместно. Собрание это выбирает секретаря, который — лишь исполнитель решений собрания и только в мелочах может сам решать. Никакими привилегиями этот секретарь не пользуется и кроме «секретар-

ских» часов, работает как и все прочие, и когда подходит его очередь — он так же подает блюда в столовой или доит коров, как и всякий другой кибуцник. К тому же он может быть всегда сменен решением общего собрания. Так что карьеризму и бюрократизму в кибуце нет и не может быть никакого места.

Так как рентабельность сельского хозяйства обеспечить в наше время нелегко (и трудности в этом известны странам с бесконечно более благоприятным климатом и почвой, чем израильские), многие кибуцы построили себе побочные промышленные предприятия — небольшие фабрики. производящие, к примеру, краски или фанеру, или обувь, или консервы. Иные кибуцы, купив пару десятков грузовиков, создали транспортные конторы для оптовых перевозок. Работают на этих предприятиях сами кибуцники (и в основном так же — по очереди), — а это значит, что эти предприятия одни из редких промышленных групп-эгалитарных предприятий нашего времени.

Но самый замечательный «продукт» кибуца — это сам кибуцник. Это человек прямой, независимый, смелый, альтруистичный, трудолюбивый, отзывчивый — черты, рожденные самим характером жизни в кибуце. Честность, бескорыстность и уравновешенность кибуцника лишь дополнение к этим качествам, и потому преступления в кибуце — явление чрезвычайной редкости, и даже если это случается — дело обычно улаживается в самом кибуце методами товарищескими, а для полиции там работы столько же, сколько имела бы акушерка среди монахинь.

Что касается любви — то здесь она действительно свободна, т. е. зависит лишь от фактора чувств, потому что от материальных влияний она освобождена — свадьбу оплачивает кибуц, квартиру и домашние вещи молодожены получают бесплатно, домашних работ и материальной заботы о детях, о питании семья не имеет. И такая свободная любовь, как ни странно, ничуть от этого не становится распущенной и нисколько не ослабляет привязанность и верность в семье.

Хотя скрыть наше уважение к кибуцам было бы трудно, — мы не собираемся здесь их идеализировать. Волны хищного монопатроналистского моря заливают эти островки групп-эгалитаризма, подмывают их берега и уже одно это не может сделать жизнь в кибуцах идеальной. Кибуцы сталкиваются с материальными трудностями, работа в них нелегкая, возможности использования досуга и, вооб-

ще, устройства жизни согласно индивидуальным наклонностям — ограниченные.

Такой тип групп-эгалитарного сообщества возник в особых условиях и не может быть рекомендован всюду. Надо сказать, что в кибуце принцип равной оплаты вполне справедлив, ибо все члены кибуца вкладывают примерно равный труд и обладают примерно равными квалификациями — что возможно иногда в сельском хозяйстве и на мелких предприятиях. Но в предприятиях покрупнее, с высокой специализацией и дифференциацией труда — равная оплата станет несправедливостью. К тому же кибуц это община, сожительство людей (причем людей особых — идеалистов), а не только ассоциация трудящихся. В условиях города организация такой общины была бы трудноосуществимой, — потребовала бы полной перестройки существующих городов и великого переселения жителей. Вдобавок, надо считаться с тем, что вначале эгалитарное общество не будет состоять из сплошных идеалистов.

Кибуц здесь нас интересовал не как образец для копирования, а как одно из многочисленных возможных решений и главное, — как живой, реальный, существующий пример групп-эгалитарного решения, как доказательство того, что групп-эгалитаризм это не выдумка нашего воображения, а нечто конкретное, возможное и, главное, необычайно симпатичное, человечное.

***

Групп-эгалитарное общество, которое мы описали здесь, покажется некоторым горячим головам недостаточно «революционизированным» — в нем сохраняется государство, полиция, конкуренция, деньги, банки, классы, иерархия, партии, неодинаковые заработки, забастовки, разделение умственного и физического труда, семейные узы и даже один из видов частной собственности. Тот кого это ужасает пусть снова перечтет эту главу и он поймет, что все эти явления и категории глубоко изменят свой характер. Переход от доминистского общества к групп-эгалитаризму можно сравнить с переездом из тюрьмы на свободу в светлый просторный дом. И если и то и другое общество обладают теми же элементами, то их назначение и суть совершенно разные. Точно так же и тюрьма и дом составлены из одинаковых элементов — из стен, дверей, окон. Только в одном случае стены служат чтобы замкнуть

в них человека, в другом — чтобы защитить его от непогоды, в одном — двери — вход для тюремщика, в другом — выход в мир, в одном — окна сделаны лишь чтобы впустить минимум света, нужного для слежки за заключенным, в другом — чтобы впустить максимум солнца и воздуха.

Кроме того не надо забывать, что сам групп-эгалитаризм будет беспрерывно изменяться. Если на первых порах в нем еще сохранится немало элементов старого общества (любая революция не может не использовать для постройки нового здания также и старые «кирпичи»), то на последующих стадиях и эти «старые кирпичи» будут выкинуты или заменены один за другим, пока наконец не придет пора нового общественного строя — класс-эгалитарного. О нем будет речь в следующей главе

Но уже групп-эгалитаризм — это будет первое в человеческой истории общество, в котором будут осуществлены великие принципы, провозглашенные Французской Революцией, — принципы свободы, равенства и братства.

Принципы эти никак не могло воплотить в жизнь доминистское общество, основанное на неравенстве классов, на угнетении трудящихся, а угнетенные не могут быть ни свободными, ни братьями угнетателей. Напротив, когда доминизм будет уничтожен — и только тогда — свобода и братство придут сами собой, вслед за равенством. А в том что трудящиеся уничтожат доминизм, сомнений нет. И вместо него будет, конечно же, установлено общество, в котором трудящиеся сами решают свою судьбу, а каждым предприятием непосредственно владеет коллектив его трудящихся.

Что и требовалось доказать в этой главе.

***

Несколько слов о терминологии.

Термин «групп-эгалитаризм» соответствует классификации согласно формуле соотношения элементов общества. Однако он имеет два недостатка — во-первых, он длинноват и неудобен в обращении, во-вторых, он наводит на мысль традиционное понятие эгалитаризма — т. е. полнейшего уравнения, «уравниловки», общества, в котором все одинаково зарабатывают и где нет никакой иерархии. Чтобы такой путаницы не происходило, мы обратимся за спасением ко второй системе классификации — согласно имени владельца капитала. В данном случае этими владельца-

ми являются трудящиеся. Отыскав, что слово «труд» по-гречески звучит — «эргон», введем термин **«эргонизм»**, как второе имя групп-эгалитаризма. Эргонизм, эргонистский, эргонократия. Вполне благозвучно. И главное от сторонника групп-эгалитаризма будут меньше шарахаться, если он будет называться эргонистом а не эгалитаристом. Если бедных коммунистов еще до сих пор обвиняют, что они хотят учредить общество с «общими женами» только потому, что «коммунис» означает по-латыни «общее», то об эгалитаристах пошла бы легенда, что они, в целях всеобщего уравнения, хотят на всех площадях установить прокрустовы ложа, чтобы безжалостно пилить ноги длинным и вытягивать коротким. А к эргонисту никак не прицепишься — никто не знает какие ужасы он готовит, а значит слухи поползут разные, но все же противоречивые — что не так опасно.

А теперь, чтобы лучше понять общество завтрашнего дня, чтобы знать в каком направлении оно будет развиваться, мы попытаемся предугадать — что же будет еще дальше — «послезавтра».

Глава шестая

«ПОСЛЕЗАВТРА»

(ПАНЭРГОНИЗМ ИЛИ КЛАСС-ЭГАЛИТАРИЗМ)

После социальной революции общества — эволюция психики людей 208

Новый термин: «панэргонизм» 209

Панэргонизм или коммунизм? 209

Черты класс-эгалитаризма 211

Мечты и реальность 212

Если групп-эгалитарная (или эргонистская, согласно новому термину) революция будет величайшим социальным переворотом человеческого общества, то эволюция самого этого нового общества приведет к перевороту еще более важному — она изменит самого человека. А он **не может не измениться,** если вся экономическая и общественная структура общества изменится радикальнейшим образом. Переставшему быть доминируемым и эксплоатируемым, ставшему совместно со своими коллегами хозяином предприятия, на котором он работает. а значит и хозяином своей судьбы — человеку нового общества станут так же свойственны черты альтруизма, доверия и доброжелательности, как человеку доминистского общества (основанного на морали: «каждый за себя и черт побери последнего!») в общем были характерны эгоизм, недоверчивость, чувство соперничества. Если индивидуальный эгоизм в групп-эгалитарном обществе довольно быстро (возможно в пределах одного поколения) уменьшится до вполне резонных, не мешающих «ближнему» пределов, то это вовсе не значит, что исчезнет всякий эгоизм. Ибо существует еще и эгоизм групповой, а он-то исчезнет не так быстро. Интересы отдельных коллективов, групп, предприятий будут еще сталкиваться, но со временем и эти противоречия потеряют свою остроту — ведь людям, утратившим индивидуальный эгоизм, будет совсем легко избавиться и от группового. Они поймут, что все группы, все коллективы имеют общие интересы, делают общее дело и факторы, объединяющие эти группы станут сильнее тех факторов, которые их отталкивали, вызывали противоречия. Человеческое сознание, а не объективные экономические условия, станет основным мотором развития. Хотя на первых этапах эргонистского общества предприятия будут производить продукты ради доходов, которые производство их дает, — со временем простое сознание необходимости этих продуктов для всего общества станет достаточным стимулом производства. Каждый трудящийся тогда начнет рассматривать свое предприятие уже не как групповую собственность и источник своих доходов, а как орган, являющийся частью целого, служащий всем людям и нужный

всему обществу. А с момента когда коллектив трудящихся будет ставить интересы всего общества выше (или хотя бы не ниже) групповых интересов своего предприятия — с этого момента такое предприятие уже начинает превращаться в собственность всего класса трудящихся, т. е. в класс-эгалитарную собственность.

Именно постепенное перерождение психики людей и групп (а не какой-то социально-экономический переворот или административные меры) приведет к переходу от групп-эгалитаризма к класс-эгалитаризму. И **только через долгую школу групп-эгалитаризма** возможен будет переход к обществу где все средства производства будут обобществлены — т. е. будут принадлежать всем трудящимся сообща. Попытка прямого перехода из доминизма к такому обществу будет обыкновенной катастрофой и неизбежно вернет страну, сделавшую такую попытку, к той или иной форме доминизма — и мы не устанем это повторять. Как экономика, так и психика людей развитых стран позволяют сегодня лишь переход к групп-эгалитаризму, но никак не дальше.

⁂

Ввиду того, что мы ввели двойную терминологию для всех общественных систем, то и в случае класс-эгалитаризма придется держаться традиции. Так как в данном случае **все трудящиеся** совместно владеют всеми капиталами, то само собой напрашивается наименование — **панэргонизм** (по-гречески «все» это «пан», а работа, труд — это «эргон»).

⁂

Объяснение сути класс-эгалитарной собственности было дано в предыдущей главе. Как видно оттуда, это единственная форма собственности, которую можно назвать национализированной без кавычек, ибо она принадлежит действительно всей «нации» (то есть всем трудящимся), а не, как обычно, — лишь классу доминаторов в целом.

Повторяем ее формулу:

$$\text{ТТТ} \rightarrow \text{МММ}$$

что означает: **весь класс** трудящихся в совместном владении средствами производства.

Немножко похоже на коммунизм, который давно обещан многострадальным трудящимся класс-доминизма (социализма), как обещают верующим рай на небе, если они не станут роптать против ада, в котором они живут на земле. Но сходство это обманчиво.

Прежде всего, — трудящиеся никогда не получат коммунизм из рук партийных «попов», земной рай которых имеет фундаментом ад для трудящихся, а разрушать фундамент собственного благополучия они никогда не станут. Единственная цель этих «попов», единственная их «идеология» — это сохранить существующий порядок **всеми методами, всеми средствами** — вплоть до самых гнусных. В этом смысле они такие же консерваторы, как и патроны, и эта черта неизбежно объединит и тех и других в одно «братство» доминаторов (если можно говорить о братстве соперников, готовых сожрать один другого, если кто-то третий им не угрожает).

Но дело не только в том, что этот обещанный коммунизм не может придти, пока процветают и здравствуют «попы»-гегемоны, а в том, что такой, каким его представляют — **вообще невозможен.** Главный принцип такого коммунизма — это «с каждого по способностям, каждому по потребностям». Означает это что каждый член такого коммунизма будет работать согласно его способностям, а получать предметы потребления в количестве, удовлетворяющем его потребностям. Обе части этой формулы ложны.

Если кто-то «способен» работать 12 часов в сутки, а другой — лишь 1 час, значит, ли это что оба будут работать в точном соответствии с их способностями? Ничего подобного! Никто не будет работать по 12 часов! Люди будут работать минимум времени, на который позволяет уровень техники на данном этапе без заметного ущерба для общественного потребления. И если второй проработает лишь 1 час, то первый — возможно 4, а не все 12 часов согласно «способностям».

Что касается полного удовлетворения потребностей, то это вообще никогда не будет возможным — человеческие потребности будут **всегда** опережать возможности производства — иначе не было бы никакого прогресса, никакого развития. Ведь логически, с момента когда все потребности людей удовлетворены нет никакой нужды ни в научных поисках, ни в усовершенствовании производства и техники, ни в изменении чего бы то ни было. А такая стагнация, застой, неподвижность совершенно немыслимы, и вдобавок — абсолютно несовместимы с эволюционной, диа-

лектической сутью... самого марксизма. А следовательно те, кто обещает создать общество, полностью противоречащее марксизму — извратили этот марксизм «по ошибке» или же, скорее всего, — они просто мошенники.

Что касается панэргонизма, то мы считаем, что это будет общество где люди вполне трудоспособные работают много меньше того, на что они способны, и где каждый будет получать согласно потребностям только при условии, что он сумеет ограничить свои потребности в соответствии с производственными возможностями общества на данном этапе — но никогда и ни в коем случае не будут удовлетворены **все и всяческие** потребности. Обещать это — значит сулить несбыточное.

❦

Но, конечно, эта выдуманная для одурачивания формула о «способностях и потребностях» — даже в исправленном виде — не может выразить сути панэргонизма. Как в любой системе, и здесь самое важное — это вопрос о том, кто и в каких формах объединения владеет средствами производства. Все остальное — лишь следствие.

Каковы же будут следствия этого постепенного, обусловленного изменениями в психике людей, перехода от эргонизма к панэргонизму?

Все их трудно предвидеть, но постараемся определить некоторые.

Две формы собственности (моно- и групп-эгалитарная) переродятся в класс-эгалитарную, а значит оба класса трудящихся изменят свой характер и сольются в один — в класс класс-эгалитарных тружеников, что практически означает конец всякого разделения на классы. То есть можно назвать панэргонизм обществом «одноклассовым», что равносильно понятию бесклассового общества.

Можно также утверждать, что форма собственности, соответствующая панэргонизму — это уже не «собственность» в обычном смысле, а ее отсутствие.

В таком обществе, естественно, денежный обмен будет заменен полностью прямым товарным обменом, ибо обмен между отдельными частями хозяйства, принадлежащего одному и единственному классу, кроме которого никого нет, — не нуждается в денежном пересчете. Для статистики и экономии труда конечно будет производиться учет приведенных часов труда, вложенных в продукт про-

изводства, но деньги, как выражение и носитель ценности будут излишни.

Разделение трудящихся на физических и умственных работников также исчезнет, ибо все получат более или менее равное образование и квалификации, — а это значит, что физический труд будет разделен между всеми, что постоянная иерархическая структура и распределение выработанного продукта пропорционально квалификациям станут ненужными. Через этап равного распределения продуктов люди перейдут к распределению пропорционально потребностям.

Государственная структура в бесклассовом обществе, конечно, теряет всякий смысл, и лишь некоторые координационные органы будут необходимы для учета потребностей и для общего планирования, ибо конкуренция, исчезнув, перестанет регулировать производство. Регулировать его будет человеческий разум, а не стихийные силы экономики, как это происходило в течение тысячелетий. Только тогда можно будет сказать, что Человек Разумный создал, наконец, Общество Разума.

Мы здесь имеем смелость заявить, что эргонизм будет только преддверием, коридором к такому обществу, и лишь панэргонизм будет этим Обществом Разума. Но, не пройдя «коридор», эту школу разума, человечество не сможет создать общество, о котором оно всегда мечтало.

Вряд ли все страны (или точнее — районы, так как понятие «страна» станет весьма относительным еще в группэгалитаризме) придут одновременно к этому этапу, но в тех, которые к нему придут не останется никаких следов прежних наций, если не считать некоторых фольклорных традиций. В конце концов наша планета станет Планетой Людей, а не пауков в банке, какой она была слишком долгое время.

***

Мы не будем слишком углубляться в далекое будущее — трудно угадать в точности каким оно будет. Но можно не сомневаться, что оно удовлетворило бы самые «горячие головы» сегодняшнего человечества. Ибо, по сути дела, именно эти нетерпеливые «горячие головы» правы, именно по их проектам будет создано будущее общество, именно благодаря им человечество идет вперед. Но то, что они хотят осуществить завтра, можно осуществить лишь послезавтра. Поэтому, чтобы подготовить завтрашний день

нужно сотрудничество «горячих» и «умеренно горячих» голов, и вместе они достигнут самых высоких вершин, тогда как одни без других немногого стоят. Мечта плюс реализм вместе — великая сила.

Тем же, кто не верит в осуществление мечты мы напомним турецкую пословицу: «не засыпайте, уверяя что данная мечта неосуществима, ибо вы рискуете быть разбуженным от шума, производимого теми, кто эту мечту осуществляют».

Глава седьмая

ВЫВОДЫ И СРАВНЕНИЯ

Что мы нашли в нашей копилке знаний? . . 215

Типы средств производства 220

Типы доминаторов 220

Категории и классы трудящихся 220

Пустые клетки и «смеси» в таблице обществ 222

Два пути, две системы, ведущие к третьей . . 224

Будет ли переход насильственным? Виды насилия 226

А теперь вытрем пот со лба после тяжких трудов, разобьем нашу копилку знаний, посмотрим что в ней обнаружится и проанализируем содержимое.

Мы выделили 3 основных элемента общества, соотношение которых определяет характер каждой формы собственности и общественной системы, в которой эта форма преобладает. Эти три элемента — доминатор, трудящийся, средства производства — мы обозначили соответственно буквами Д, Т и М и с их помощью вывели формулы шести форм собственности, которым соответствуют пять общественных систем (см. Приложения).

Было показано, что из элементов Д, Т и М — только два последних являются обязательными для всех форм собственности, тогда как элемент Д присутствует лишь в трех формах из шести и с развитием человеческого общества исчезнет.

Вот эти шесть форм собственности и их формулы:

1. Монодоминистская с тремя ее разновидностями:

а) тотальной

б) полулиберальной

в) либеральной $Д \rightarrow М \rightarrow Т$

2. Групп-доминистская $ДД \rightarrow ММ \rightarrow Т$

3. Класс-доминистская $ДДД \rightarrow МММ \rightarrow Т$

4. Моноэгалитарная $Т \rightarrow М$

5. Групп-эгалитарная $ТТ \rightarrow ММ$

6. Класс-эгалитарная $ТТТ \rightarrow МММ$

Как легко заметить, основой каждой формулы является

та часть, которая определяет, — кто является владельцем средств производства («капитала»).

Три первые формы, доминистские, являются нетрудовыми, ибо владельцем средств производства в них является отдельный доминатор, группа их или весь класс доминаторов в целом, а не трудящиеся. В трех последних — напротив — доминаторы отсутствуют и трудящиеся являются непосредственными собственниками средств производства.

Из всех шести форм собственности только две можно назвать частными — монодоминистскую (все три ее разновидности) и моноэгалитарную. Остальные четыре — коллективные.

Но в отличие от марксизма для нас граница между добром и злом проходит не на стыке частных и коллективных форм, а разделяет доминистские и эгалитарные формы — что совсем не то же самое. Если бы мы дали рассортировать наши шесть форм марксисту-догматику, то он положил бы в «плохой мешок» вместе с моно- и групп-доминистской формами также и невинную моноэгалитарную — только за то, что она частная, но зато в «хороший мешок» попала бы класс-доминистская, ибо она коллективная. Вопрос еще или этот догматик признал бы существование класс-доминистской формы, ибо у Маркса нет ни слова о чем бы то ни было, что ее может напоминать. Маркс дал блестящий анализ монодоминизма, но не смог предвидеть класс-доминистскую форму и предполагал, что после монодоминизма тотчас наступит нечто похожее на групп-эгалитаризм или класс-эгалитаризм (надо сказать, что он не был последователен, — в одних случаях говорил об «ассоциациях трудящихся», в других о полном обобществлении — что далеко не одно и то же). В действительности путь к этим формам лежал или через групп-доминизм или через класс-доминизм, и этот последний с большим искусством выдает себя именно за то почти идеальное общество, которое предрекал Маркс. Почти так же, как гоголевский Хлестаков выдавал себя за ревизора, которого все ждали и который явился, хотя несколько позже. Коммунисты, старавшиеся осуществить предсказанное Марксом, но неосуществимое в условиях отсталых стран, сумели только вывести эти страны из состояния отсталости, но выполнив эту миссию, они создали общественную систему совсем не по Марксу и стали силой реакционной. Вместо старого мира хижин и дворцов не возник мир домов для всех. Новое общество стало обществом особняков,

дач для новых доминаторов, и бараков — для трудящихся. Маркс в этом нисколько не виновен (как не виновен рыбак Иешуа из Назарета в том, что его учением злоупотребили и прикрывались всякого рода инквизиторы). В конечном итоге схема Маркса верна, но имеет пробелы. Он перевернул и переставил фисолофию: поставил ее с головы на ноги (бытие человека определяет его сознание, а не наоборот), и перенес с неба на землю (бытие общества определяется материальными условиями, в которых оно живет, а не «универсальным духом»). Но спустившись вместе с философией на землю, Маркс остался философом, т. е. человеком крайностей: частной форме собственности он мог противопоставить лишь форму универсальную. Философски он прав, но на практике переход может совершаться серией скачков (с эволюционным развитием между ними), а не обязательно одним гигантским скачком. Не поняв этого, Маркс совершенно не интересовался анализом возможных переходных стадий. Он «перешел» из монодоминизма прямо в класс-эгалитаризм, не придал значения групп-доминизму, вовсе не предвидел класс-доминизм и отвергал (правда, не всегда) групп-эгалитаризм. Такой «Маркс с пробелами» оказался выгодным тем, кто хотел представить небольшой скачок в класс-доминизм как гигантский прыжок в общество с универсальной формой собственности, предсказанное Марксом. Доказать, что это неверно, — означает дополнить и реабилитировать Маркса, а не опровергнуть его.

Итак, мы рассмотрели 6 форм собственности.

Отметим также, что между всеми формами не всегда можно провести резкую границу, ибо могут существовать переходные формы. К примеру, моноэгалитарный труженик, нанявший одного-двух работников, еще не становится типичным доминатором (мелкие предприятия нередко имеют трудовую базу), но он уже и не типичный трудящийся. Израильские автобусные кооперативы, как мы отметили, — тоже не групп-эгалитарная структура в чистом виде, так же как первобытная община, державшая рабов.

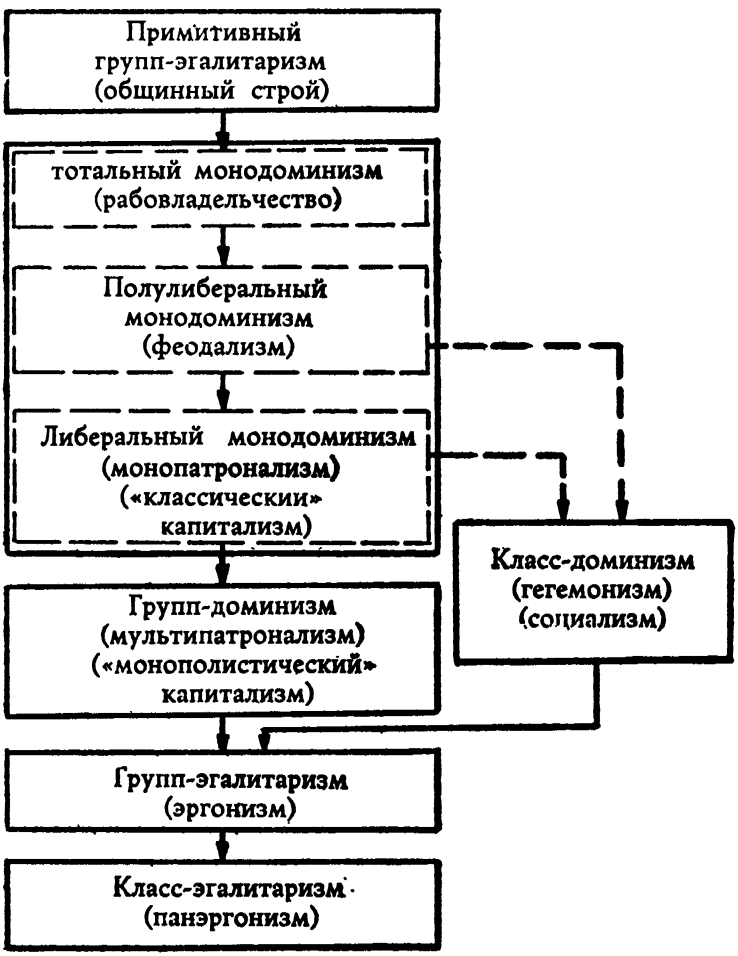
При всех этих нюансах мы можем твердо сказать, что каждая из известных нам общественных систем основана на одной из шести основных форм собственности, как на преобладающей, хотя кроме нее может содержать одну или несколько других форм.

Приведем здесь таблицу всех известных нам общественных систем прошлого, настоящего и будущего:

Название общества согласно форме собственности	Название согласно имени владельца капитала	Общепринятое название	Формула	Примеры стран
Примитивный групп-эгалитаризм	Общинный строй	Первобытный строй	ТТ → ММ	Некоторые племена Африки и Южной Америки.
Монодоминизм — Тотальный	Рабовладельчество	Рабовладельчество	Д → М, Д → Т	Остатки: Судан, Саудовская Аравия.
Монодоминизм — Полулиберальный	Феодализм	Феодализм	Д → М, Д → Т	Индия, Иордания, Афганистан.
Монодоминизм — Либеральный	Монопатронализм	Классический капитализм	Д → М → Т	Ливан, Израиль, Аргентина.
Групп-доминизм	Мультипатронализм	Монополистич. капитализм	ДД → ММ → Т	Франция, Италия, США, Англия, Зап. Германия, Швеция.
Класс-доминизм	Гегемонизм	Социализм	ДДД → МММ → Т	СССР, Китай, Югославия, Польша, Куба.
Групп-эгалитаризм	Эргонизм		ТТ → ММ	
Класс-эгалитаризм	Панэргонизм		ТТТ → МММ	

Таблица общественных систем

Последовательность записи общественных систем в таблице не всегда соответствует последовательности развития общественных систем. Класс-доминизм — не преемник групп-доминизма, а обходная система, система ускоренного «бегства» от более отсталых форм — в основном от полулиберального или либерального монодоминизма (и то, если этот последний не в слишком развитой стадии). Учтя это, мы дадим здесь диаграмму последовательности развития общественных систем. Вот она:



Собрав воедино весь этот материал можно приступить к его анализу.

❦

Просмотрев список форм собственности и их формулы, легко отметить, что средства производства по признаку их принадлежности бывают трех типов: в собственности единоличной (т. е. в индивидуальной или частной, и они тогда обозначены в формуле одной буквой М), в собственности групповой (ММ), и в собственности целого класса (МММ). Эта классификация не зависит от характера собственника (доминаторы или трудящиеся), а лишь от количественной характеристики носителя собственности.

Напомним еще раз, что средства производства — этот мертвый элемент формулы — дает ее обладателю совершенно «живую» силу и реальную власть, и только тот класс, который обладает основной массой средств производства — настоящий хозяин всей общественной системы. Потому вопрос обладания элементом М всегда был и остается ключевым вопросом в отношениях между классами.

❦

Живых элементов в формулах имеется два. Доминаторов мы уже изучили достаточно. Напомним лишь, что их, в общем, имеется три типа, в зависимости от их формы объединения во владении средствами производства — доминатор-одиночка (рабовладелец, феодал, патрон-одиночка), доминатор-совладелец в групповой форме собственности (акционер и т. п.) и доминатор-совладелец собственности, принадлежащей всему классу доминаторов (любой патрон в качестве совладельца «национализированного» сектора, а также гегемон в социализме). При этом одна и та же личность может сочетать в себе одновременно комбинацию разных типов доминаторов, т. е. участвовать во владении средств производства разных типов.

❦

Что касается трудящихся, то их разновидностей еще больше, ибо элемент Т участвует во всех шести формах собственности. Если доминатор всегда свободен, то трудящихся еще нужно разделить на категории согласно кри-

терию их «свободности». Таких категорий две, или. считая переходную категорию за отдельную, — три:

1. трудящийся-раб, являющийся прямой собственностью доминатора,
2. полусвободный трудящийся — крепостной,
3. свободный трудящийся — а таких имеется два вида:

   а) вольнонаемный, но работающий на доминатора и, значит, косвенно зависящий от него, эксплоатируемый и доминируемый,

   б) независимый и работающий на себя, сам владеющий или участвующий во владении средств производства.

Независимых трудящихся три категории (как и доминаторов) — моноэгалитарная (единоличники), групп-эгалитарная и класс-эгалитарная. Получается, что трудящихся имеется шесть категорий:

1. Рабы
2. Крепостные
3. Вольнонаемные
4. Моноэгалитарные
5. Групп-эгалитарные
6. Класс-эгалитарные.

Первые три категории можно бы условно объединить под названием класса доминируемых трудящихся, или, иначе, класса трудящихся, не являющихся собственниками средств производства. Четвертая категория в условиях доминистского общества также косвенно доминируется и эксплоатируется (обычно через посредство государственного аппарата), но в принципе это категория независимая. Пятая — пока еще редкость, но у нее великое будущее. Шестая — появится лишь в более отдаленном будущем.

Можно ли эти категории назвать классами? Пожалуй, да, — если принять понятие класса как общность людей, занимающих одинаковую позицию в формуле (или в формулах) соотношения элементов общества, определяющих ту или иную форму собственности.

Тогда вольнонаемные трудящиеся, выступающие во всех трех формах доминистской собственности, составят один класс, в то время как пролетариат (физические ра-

ботники промышленности) это лишь прослойка этого класса, а не отдельный класс. Отделять пролетариат от других трудящихся сегодня могут желать лишь доминаторы и кандидаты в доминаторы (всегда действующие согласно принципу «разделяй и властвуй»), ибо уже давно понятие «физический работник» и «трудящийся» перестали быть тождественными (как это было во времена Маркса). Сегодня физические работники — лишь часть класса вольнонаемных трудящихся, и при этом — чем страна развитее, тем эта часть в процентном отношении меньше, ибо с развитием техники доля физического труда в производстве уменьшается. Поэтому только догматик марксизма, не понявший изменения состава класса вольнонаемных трудящихся, может продолжать кричать о «диктатуре пролетариата», о борьбе одного лишь пролетариата, оказывая этим медвежью услугу самому пролетариату и способствуя его изоляции, а значит и ослаблению.

Что касается класса моноэгалитарных трудящихся, то его можно разделить на отдельные части в зависимости от вида средств производства, которым они владеют (земля и сельскохозяйственные орудия, или инструменты ремесла, или средства производства коммерческой прибавочной стоимости — соответственно для крестьян, ремесленников и мелких торговцев). Но все эти части объединяет единый характер их представителей — характер единоличных трудящихся-собственников.

Объяснение сути классов групп- и класс-эгалитарных трудящихся ясно из двух предыдущих глав и мы не будем его повторять.

Таким образом, понятием «трудящиеся» объединяется разнообразная система категорий и классов людей. При всей этой сложности и разнообразии, всех этих людей объединяет характеристика понятия «трудящийся»: это человек, который трудится, и при этом не доминирует и не эксплоатирует других людей. Чем не может похвастаться ни один доминатор. А так как трудящиеся по самой своей сути не стараются доминировать других себе подобных, то в обществе где не будет доминаторов — социальный мир будет осуществлен без особых трудностей.

❦

Взглянем на сводную таблицу общественных систем. Каждая система была разобрана в соответствующей главе

и нам не остается много чего добавить. Отметим лишь две вещи.

Пустые клетки в графе общепринятых названий нами оставлены потому, что ни один из известных нам существующих терминов не соответствует ни эргонизму, ни панэргонизму. Назвать эргонизм «истинным социализмом» было бы совершенно ошибочно, так как это подразумевало бы, что где-то существует какой-то неистинный, выдуманный социализм, а никаких «неистинных» общественных систем быть не может — всякая живая система объективна и истинна, основана на реальности, а не на чьих-то выдумках. От того, что какая-то система кому-то не нравится она не перестает быть «истинной». Если социализм (т. е. класс-доминизм) стал «таким», значит он **не мог** не стать таким, значит он **не мог** стать иным. А эргонизм с ним не имеет ничего общего — он **принципиально** новая общественная система, основанная на только ей свойственной групп-эгалитарной форме собственности. Она — наследник групп-доминизма и класс-доминизма, и в самой основе отличается от своих предшественниц.

Панэргонизм также мы не отождествляем с коммунизмом — об этом мы уже говорили.

Сделаем также некоторые замечания о последнем столбце, где даны примеры стран, в которых господствует та или иная форма собственности. Редки страны, в которых какая-либо форма собственности была бы единственной. Обычно рядом уживаются несколько форм или их разновидностей, да и эти формы не всегда существуют в химически чистом виде. Если, к примеру, Индию мы отнесли к феодальной разновидности монодоминизма, то это не противоречит факту, что страна эта начинает переходить к монопатронализму (как это было с Россией перед революцией). Отнеся Израиль к странам монопатронализма, мы не противоречим тому, что в стране этой наряду с островками групп-эгалитаризма уже имеются заметные признаки растущего мультипатронализма. Если взять Египет, то в нем трудно даже определить, что преобладает — феодализм, монопатронализм или гегемонизм. Иначе говоря, страна эта представляет собой смесь монодоминизма с класс-доминизмом.

Что касается стран класс-доминизма, **то и в них эта** основная форма не всегда выступает как единственная. В Польше существует моноэгалитарная собственность, в Китае — остатки монопатронализма, в Югославии и на Кубе — жалкие намеки на групп-эгалитаризм.

Как мы видим, жизнь сложнее формул, но от этого формулы не перестают быть верными. Так же точно в природе не бывает химически чистых веществ, однако почти всегда можно определить преобладающее вещество и дать формулу его состава, как и состава примесей. Наша задача именно в том и состояла, чтобы понять состав общественных «смесей», элементы, составляющие эти смеси и «химические и физические свойства» как частей, так и целого.

***

В диаграмме последовательности развития общественных систем можно легко отличить два пути развития. Один, в вертикальной последовательности — это путь нормальный, без особой спешки, тот которым следовало все человечество до начала нашего века и по которому продолжают шагать многие страны-путники в разной последовательности — одни впереди (уже в пункте, называемом групп-доминизмом), другие сзади.

Но в наше время, когда народы все более связаны между собой и изоляция в отсталости все более недопустима, — некоторые отсталые страны покинули эту проторенную дорогу и, чтобы догнать ушедших вперед, кинулись напрямик по бездорожью. Те, кто повел свой народ по этому трудному пути, были людьми благонамеренными, народ за ними следовал со слепою верой и продвинулся вперед заметно. Но по пути те, кто вел, влезли на спину тех, кого они вели и слезать уже не хотят.

Диаграмма показывает, что народы тех стран, которые прошли вперед по более ровному, хотя и более длинному пути, как и те, которые пошли по бездорожью — должны встретиться в точке, где они сбросят со спины тяжкую ношу (доминаторов) и откуда путь уже будет ясен и без гидов, ибо народы эти в дороге успели получить знания, необходимые чтобы ориентироваться в местности.

Остается сказать, что общность стран, идущих в голове колонны, пошедшей нормальным путем, называют обычно капиталистической системой, а всех тех, кто пошел напрямик — социалистической. Представители второй системы считают себя преемниками первой, что является абсурдом, ибо они вышли из той же точки и идут по параллельным путям, а вражда между ними не меняет этого факта. Доминаторы обеих систем имеют общие интересы — в том, чтобы не допустить рождения третьей системы,

в которой им не останется места — системы эргонистской (или, как мы ее назвали иначе — групп-эгалитарной). Замедлить приход народа к ней они будут стараться изо всех сил, но избежать его не смогут, ибо система эта — объективная необходимость, неизбежное явление, — по двум причинам:

Во-первых, доминаторы в развитых странах потеряли монополию знаний и им все труднее будет доминировать над трудящимися, которые в этой области им ни в чем не уступают, а все чаще даже превосходят и потому будут все меньше склонны терпеть доминацию. Это значит также, что доминаторы объективно становятся излишними, а то что лишне в социальной системе — рано или поздно выбрасывается на свалку. Доминизм не вечен.

Во-вторых, каждая система сменяет предыдущую ввиду того, что она делает труд эффективнее, чем он был прежде. В этом отношении доминизм исчерпал все свои возможности, ибо он органически не в состоянии устранить равнодушие трудящихся к их подневольному труду. А так как наиболее эффективным не может быть иной труд, чем труд совершенно свободного, неэксплоатируемого и недоминируемого трудящегося, знающего что все плоды его труда будут служить ему (и только такой трудящийся может наилучшим образом организовать труд, досуг, общественное устройство), — то рано или поздно общество без доминации и эксплоатации объективно должно возникнуть.

И если раньше не было материальных условий и достаточной суммы знаний в руках трудящихся для устройства такого общества, то сегодня — все для этого есть! И такое общество — общество эргонизма — будет! Всякий иной путь был бы ложным. Мы не знаем другого пути, другой возможности разрешения противоречий, к которым пришли развитые страны доминизма. Перед этими странами стоит не вопрос выбора между «капитализмом и коммунизмом», т. е. употребив нашу терминологию — нет альтернативы: «групп-доминизм или класс-доминизм», — ибо эти формы не единственные, кроме них есть и другие. Альтернатива иная: «доминизм или эргонизм». Ответ трудящихся должен быть ясен. И мы не сомневаемся, что их ответом будет: «долой всякий доминизм!»

Напоминаем, что речь идет о передовых странах обеих систем. Тем странам, которые еще остаются позади, придется пройти через одну из коллективных форм доминиз-

ма, — пока они не создадут у себя условия для уничтожения **всякого доминизма.**

❦

Переход от доминизма к эргонизму будет радикальным во всех отношениях (ибо это переход к **качественно** иной форме собственности), и, конечно, — насильственным, ибо доминаторы ни в коем случае не уберутся добровольно. Насильственный переход еще не означает кровавый, ибо если демонстрация силы трудящихся будет достаточно внушительной, — доминаторы могут отказаться от физического столкновения. Если даже этот переход произойдет без серьезного пролития крови, он от этого не перестанет быть радикальнейшим в человеческой истории, ибо решает не количество пролитой крови, а степень изменения человеческих отношений.

Те люди, которые предпочитают путь реформ и отказываются от насилия, забывают три вещи. Во-первых, реформы оставляют корень зла, ибо они не меняют основу, формулу общественной системы, и только революция ее меняет. Во-вторых, ни одна реформа не проводится если нет той или иной степени давления или насилия со стороны тех кто требует изменений, реформ. В-третьих, не следует сваливать в кучу разные виды социального насилия:

1) насилие одних доминаторов по отношению к другим — причем инструментом обычно служат трудящиеся;
2) насилие доминаторов над трудящимися, осуществляемое с помощью «узаконенного» аппарата насилия — насилие «законное», но с точки зрения угнетенных несправедливое («справедливость», «законность» — понятия относительные, классовые, обычно определяющие то что выгодно определенной группе или классу людей)»
3) «незаконное» (ибо неугодное доминаторам) насилие трудящихся в их борьбе за человеческие условия существования, за их достоинство — против насилия доминаторов.

Трудящийся, отказывающийся от употребления всякого насилия, на деле отказывается лишь от этого третьего вида и тем самым поощряет, консервирует, лелеет два

первых вида насилия: ибо доминатор немыслим без насилия, как волк немыслим без употребления зубов. Единственный способ избавиться от насилия вообще — это уничтожить два первых вида его — с помощью третьего, иначе говоря, свергнуть доминаторов с помощью революции, т. е. насильственно (речь здесь, в общем, о насилии против системы, против класса доминаторов, а не против отдельных личностей).

С изменением классового состава общества изменяются в корне не только классовые отношения, но и отношения между индивидуумами, народами, расами, странами. Пока один человек сидит на шее у другого, один народ будет враждовать с другим, одна страна доминировать другую. Только уничтожив доминизм **внутри** каждой нации, человечество избавится от межнационального доминизма. Главный враг трудящихся — их собственные «национальные» доминаторы, и этого нельзя забывать ни минуты. Натравливание на другие народы служит лишь тому, чтобы трудящиеся забыли эту простую истину. Поэтому один из важнейших лозунгов для них должен быть полнейший, безупречнейший интернационализм, мы бы даже сказали: контрнационализм! Он должен исходить из одного принципа: в мире есть лишь две непримиримые нации (между которыми общность интересов явление редкое и временное) — трудящиеся и доминаторы. Без первых человечество не может существовать ни одного дня. Без вторых — существовать может, должно и будет!

Все что нам осталось — это проанализировать расстановку сил и определить средства, с помощью которых можно будет придти к эргонизму.

Глава восьмая

СИЛЫ И СРЕДСТВА

стр.

Схема расстановки политических сил 229

Пример такой расстановки во Франции . . . 230

...и в Советском Союзе 240

Каковым будет эргонистское движение? . . . 243

Как свергнуть доминизм? 246

Будущее — в ваших руках 248

Ни одна общественная система никогда не была незыблемой и неоспоримой. С самого рождения и до самой смерти всякая система жила в постоянной борьбе между теми, кто хотел ее сохранения и теми, кто намеревался ее сломать или переделать. Явно или скрыто, — такие силы всегда имеются. Характер всех этих сил сильно отличается в разных странах, в разные эпохи и весьма сложен, как сложно человеческое общество, но мы можем попытаться дать общую схему их расстановки, подкрепив ее парой примеров.

В широком смысле под политической силой следует понимать отдельные социальные классы или категории, объединенные общими интересами, а партии и т. п. — лишь выражение, отражение (и не всегда верное) этих сил. Однако партии во многих случаях объединяют в себе наиболее активные элементы отдельных социальных сил, поэтому изучим расстановку и характер этих партий.

В зависимости от отношения партий к существующей системе весьма условно их делят на правые (консервативные) и левые (революционные и «эволюционные»). Если учесть всевозможные нюансы, можно обнаружить такие градации: крайне правые, правые, центр, левый центр, левые, крайне левые.

Вообще говоря, безотносительно к какой-либо стране, крайне правые партии это те, которые хотят возврата к старой, уже ушедшей в прошлое системе; правые хотят сохранения существующей системы без изменений; центр хочет того же, но с некоторыми поправками, мелкими «починками»; левый центр идет чуть-чуть дальше и уже требует более «серьезных» реформ и даже на словах может готовить переход к более прогрессивной общественной системе. Левыми обычно называют те партии, в программе которых — действительное изменение общественной системы, но не всегда в направлении к системе, которая «впереди», а к той, которая «сбоку». Крайне левые тянут вперед (поэтому их можно назвать левым авангардом), но самые крайние из них уже совсем отрываются от действительности, желая тотчас установить систему, которая возможна лишь в более отдаленном будущем. (А не правиль-

нее было бы расположить партии не «справа налево», а «в затылок» — от арьергарда к авангарду?).

❦

Теперь проанализируем вкратце два образца такой расстановки на конкретных примерах.

Начнем с Франции, где определенная политическая свобода позволила почти (!) всем политическим силам иметь свое выражение в форме легальных партий, организаций, профсоюзов и т. д.

Пойдем справа налево.

Крайне правые — это две группировки, известные скорее по имени их главарей, чем по названию. Одна из них под предводительством Тиксье-Виньянкура состоит из воздыхателей по старым добрым временам монопатронализма с его методами «твердой руки» в отношении трудящихся, мечет громы и молнии «против монополий» и представляет, естественно, мелких и средних патронов. Вторая, возглавляемая Пьером Пужадом имеет ту же «антимонопольную программу», но в ее составе немало... моноэгалитарных тружеников (мелких торговцев, ремесленников и крестьян), терпящих от мультипатронализма (убийственная конкуренция крупных универмагов, предприятий, ферм, тяжкое бремя податей и налогов) и не понимающих, что в их интересе — не возврат к монопатронализму, а уничтожение всякого патронализма и переход к эргонистскому обществу.

Правые — это все те, кто лоснится и благоденствует в мультипатроналистской системе. Это хозяева основной массы средств производства, а значит и держатели государственной власти, это «сильные мира сего» и их лакеи. Они представлены экс-голлистским Союзом защиты Республики со всеми приложениями вроде «независимых республиканцев». В их составе не одни сплошные акционеры, финансисты, крупные патроны и домовладельцы, но немало и трудящихся из числа обманутых или подкупленных и из трусливой породы тех, которые всегда стоят на стороне любой власти (быть на стороне «сильного» было всегда выгодно), любят «порядок» (подпорками которого являются их же согнутые спины) и «стабильность» (основанная на «уравновешивании» роста прибылей патронов ростом цен для трудящихся). Основная забота правых — ничего не менять в существующем порядке и оттягивать всякие реформы до последнего срока, за которым это уже попросту опасно.

Партии центра отличаются от правых... бог знает чем

— разве лишь тем, что они стесняются открыто называть себя правыми. В центре больше чем справа представителей независимых профессий, «либеральной» интеллигенции (врачи, адвокаты и т. д.) и это придает центру более «приличный» вид. Во всяком случае их деликатная критика существующего порядка нисколько не означает что партии центра этим порядком недовольны. Для них идеалом является шведский «социализм» — как они называют этот обыкновеннейший групп-доминизм, не менее жестокий чем любой другой (кто в этом сомневается — советуем прочесть книгу Сары Лидман «Рудник», где собраны ее беседы со шведскими рабочими), но более зажиточный, ибо Швеция не воевала в течение полутора столетий.

Левый центр — это уже (не пугайтесь!) «настоящие социалисты» и они так обычно и называются (или точнее — называют себя). По сути дела они бы тоже вполне удовлетворились «социализмом» шведского типа, но после 1968 года они стали «радикальней», чтобы не потерять часть своих сторонников из левого крыла, более искренних в желании изменить общественную систему. Не строя никаких иллюзий в отношении «революционности» левого центра, надо однако отметить, что в него попадают и вполне здоровые элементы, попросту не нашедшие себе места левее, люди, которым идея «настоящего социализма» дорога, но которые понимают этот социализм иначе, чем коммунисты. И если эти люди придают розоватый оттенок левому центру, то все же общий его характер — реформистский, причем и он обычно теряется, как только эти партии приходят к власти (ибо в этом случае не левое, а правое крыло берет верх, а от него до центра один шаг). Однако нельзя не учитывать, что в революционный период левый центр способен значительно «полеветь». В социальном смысле он представляет так называемые «средние слои населения», входящие в состав разных классов и всегда колебавшиеся между путем реформ и путями более радикальными, однако с большей склонностью к реформизму. Кон-Бендит утверждает: «Если социал-демократия еще не мертва, она обязана этим в большой степени сталинизму, который отбросил в ее объятия немало трудящихся». Мы думает, что он прав, но не совсем — без так называемого «сталинизма» левый центр был бы более хилым, но все же жил бы, ибо основа его это «средние слои», а не беглецы от «сталинизма».

Пойдем дальше влево — к собственно левым, т. е. к коммунистам. Они заслужили звание левых тем, что в те-

чение десятков лет были единственной реальной силой, в программе которой было изменение социальной структуры, изменение самой формулы преобладающей формы собственности. Уничтоженную «частную» собственность (напоминаем, что так они называют сразу три формы: моноэгалитарную, моно- и групп-доминистские) они предлагают «национализировать» и ввести централизованное (а значит абсолютно неизбежно бюрократизированное) «плановое» хозяйство, т. е. превратить «частную» в класс-доминистскую форму по советскому образцу. Если в отсталых странах реализация такой программы означала бы шаг вперед, то в развитых это вместо некоторых прежних противоречий внесло бы новые, возможно еще более сложные и — главное: не уничтожило бы доминацию и эксплоатацию, а лишь сменило бы их носителя, заменив класс патронов классом-гегемоном, ядром которого неизбежно стали бы партийные бюрократы. Партийная верхушка это прекрасно сознает и для нее захват власти означает захват министерских портфелей после создания «прогрессивного» или «рабочего» правительства, — с тем чтобы потом усесться на шею как рабочим, так и всем трудящимся вообще.

Достаточно прочесть некоторые высказывания нынешнего главы компартии Франции Жоржа Маршэ, чтобы понять, что он мечтает не о передаче власти непосредственно трудящимся, а о передаче ее в руки аппарата партии. В декабре 1970 г., к пятидесятилетию КПФ, он говорит о том, что коммунисты уже сегодня — «люди государства», способные **управлять** национальными делами, что «благодаря» (!) их компартии трудящиеся смогут завтра **управлять** государством, он повторяет без конца о программе **правительства,** о том что будет, когда «мы придем к власти» и т. д. и т. п. Язык, если вдуматься, довольно красноречивый.

А вот еще образчик. Жорж Сеги, один из «тузов» компартии Франции, генеральный секретарь профсоюза ЦЖТ, 27 сентября 1970 г., непосредственно после посещения польских верфей (в возмущенных, отчаявшихся рабочих этих самых верфей три месяца спустя дали приказ стрелять польские коллеги Сеги) заявляет в газете «Трибуна люду» следующее: «... происходящее ныне в вашей стране дает примерный образ того, что мы намереваемся ввести у нас в будущем». Откровенность, можно сказать ужасающая...

Но, увы, многим из тех кто в развитых странах желал

покончить с доминизмом, официальная программа компартии казалась единственной революционной и они примыкали к ней. Таким образом компартия имеет весьма странный состав: партийная масса, состоящая из тех кто хочет «сломать капиталистические цепи» и построить «социализм с человеческим лицом» (в большинстве это рабочие), и партийной верхушки (социальный состав ее весьма разнороден), которая непрочь сломать эти цепи, но с условием надеть на трудящихся «социалистические цепи», не признающая «человеческим» никакой другой социализм, кроме советского и преданная (если не проданная) советским доминаторам. Самым страшным врагов этих ожиревших партийных бюрократов являются вовсе не патроны и их лакеи из государственного аппарата, а все те, кто требует самоуправления для трудящихся. Против таких «авантюристов и провокаторов» компартия готова бы послать отряды добровольцев в помощь полиции, причем с дубинками подлиннее полицейских. В мае 1968 года она настолько испугалась возможной победы этих «провокаторов», что приняла целый ряд мер, чтобы обуздать и раздавить замечательное Майское движение трудящихся. Спася режим, она обнажила свое истинное лицо и чувство отвращения охватило многих. Чехословацкие события подпортили ее репутацию еще больше, хотя компартия (чтобы спастись от раскола, который был бы для нее смертельным) «осудила» вторжение советского разбойника в чешский дом, но насилие, последовавшее за этим признало «положительным», способствующим «нормализации». Более фальшивое осуждение трудно придумать.

К счастью, все больше людей начинают понимать доминистский характер программы и методов компартии. А так как в развитых странах, во-первых, ее шансы ввести класс-доминизм равны нулю, во-вторых, слева от нее начинает появляться действительно революционная оппозиция — то компартия неизбежно потеряет сторонников, престиж и влияние. И если рядовые члены не ампутируют гнилую верхушку, компартию ждет печальная судьба — дальнейшее загнивание и соглашательство.

Однако, повторяем, партия эта непрочь изменить существующую систему (заменить один вид доминизма другим) — по-своему, тихо (к примеру — путем выборов или болтовней о «передовой демократии»), без потрясений, в которых она опасается потерять контроль над массами, желающими и способными создать общество без мягких кресел для новых доминаторов. Потому правы те, кто гово-

рит, что компартия перестала быть партией революционной, но ошибаются те кто уверяет, что она не хочет никаких изменений социальной структуры. Изменения? Да, но без революции — вот к чему пришла компартия, называющая себя марксистской. Таких «революционеров», кричащих о необходимости революционизирования социальной системы, но не желающих делать революцию — следует называть эволюционерами. Они, как и социалисты, хотят делать яичницу, не разбив яйцо.

Продолжим наш путь влево. Те кто чувствовали, что компартия ведет не вперед, а куда-то в сторону и возможно в тупик, покидали ее и основывали новые «ррррреволюционные» группки (марксисты-ленинисты, троцкисты, сталинисты, маоисты, кастристы и т. п. — в зависимости от избранного идола — без «святого», без икон они уже молиться не могут). Но и они не смогли освободиться от чар старых закостеневших формул: «национализация», «уничтожение частной собственности», «плановое хозяйство», «диктатура пролетариата» и т. д., наивно веря, что та же программа, но проведенная ими, людьми без сомнения порядочными и благонамеренными, приведет к лучшим результатам. Они забывают, что Октябрьскую революцию в России возглавляли люди не менее благородные чем они, и что не благие намерения, а объективные условия определяют направление развития социальной системы. Цепочка: ленинизм, троцкизм, сталинизм должна быть им хорошо известна. Им кажется, что стоит только «объявить борьбу» бюрократизму-сталинизму (как они величают **самые естественные** и легальные проявления класс-доминизма) или «сознавать его опасность» — и он тотчас исчезнет. И хотя эти группки много революционнее компартии и их ряды чище, ибо не содержат закостенелых бюрократов — сеять они предлагают те же семена («национализация», «диктатура пролетариата», и т. д.), уверяя, что из них вырастут другие, лучшие растения чем в огороде коммунистов. Уверения их искренни, но наивны. Ибо чтобы избежать дурных всходов класс-доминизма есть лишь один метод — сеять семена групп-эгалитаризма. К тому же им следует помнить что всякое слепое поклонение идолам — даже добрым — ведет к деспотизму.

И хотя по революционному пылу эти группки можно бы классифицировать как крайне левые, по программе они просто левые — вроде левого крыла компартии. Но по некоторым признакам можно судить, что они начинают слегка догадываться, что пролетариат, составляющий в раз-

витых странах лишь 35-45% всего числа трудящихся (во Франции в 1968 году эта цифра равнялась 42%), вовсе не заинтересован в установлении диктатуры над всеми остальными категориями трудящихся и классами, а просто-напросто в том, что ныне называют самоуправлением, а мы бы назвали самособственностью (понятие более широкое, включающее в себя самоуправление как составную часть и предполагающее устранение доминистских классов, а не «соучастие», т. е. сотрудничество с ними).

И тут, пройдя еще дальше влево, мы встретим интересное явление — маленькую партию, которую по многим признакам можно было бы отнести к левому центру, но один пункт программы превращает ее чуть ли не в самую крайне левую. Пункт этот — ... самоуправление трудящихся, а партия — «Социалистическая Объединенная партия» (ПСЮ). Именно она лучше других поняла устремления трудящихся и студентов во время Майских событий. Все остальные пункты ее программы довольно расплывчаты, и потому успехи этой партии весьма скромны — трудящиеся сегодня не покупают кота в мешке. Что эта партия конкретно понимает под социализмом, построение которого она ставит своей целью, как она собирается сочетать национализацию с самоуправлением (понятия сегодня несовместимые), — ничего этого понять нельзя. Но все же заслуга ее в том, что она помогла саму эту идею самоуправления распространить. Слово это было произнесено, и оно висит над головами доминаторов как Дамоклов меч.

Дальше влево — анархистские группы. Из них наиболее близкой к истине являлось «Движение 22 марта» — то самое, в котором заметную роль играл Даниэль Кон-Бендит — один из тех людей с чистой душой и горячим сердцем, которыми человечество может гордиться. Хотя ныне эта группа «растворилась», идеи ее живы.

Основным принципом этого движения является желание передать реальную власть непосредственно трудящимся, а общество будущего должно быть обществом ассоциаций трудящихся. Основную опасность это движение видит в доминации. До сих пор все замечательно. Так как доминация проявляется через посредство государственного аппарата и иерархии, мартовцы отрицают всякую государственную структуру, всякие организационные рамки, всякую иерархию (даже ту иерархию заработков, которая происходит от градации квалификаций, знаний, опыта). И здесь-то, к сожалению, их программа становится утопической. Ошибка их заключается в том, что они не пони-

мают простой вещи: государственная структура, иерархия и т. п. — не источники, а средства, инструменты доминации. С момента когда доминизм будет уничтожен (а он исчезнет как только средства производства перейдут в руки трудящихся — как этого желают мартовцы), эти же инструменты изменят свою суть и будут прекрасно служить трудящимся, — до тех пор пока без этих инструментов нельзя обойтись (т. е. до времен панэргонизма). Ставить в программе немедленное создание общества без государственной власти (т. е. анархии — в буквальном переводе с греческого это слово означает «безвластие», но многие его отождествляют со словом «беспорядок») и с равной оплатой для всех, — означает оттолкнуть от правильной в корне программы широкие массы трудящихся, а значит испортить ложкой дегтя бочку меда. Приверженность «Движения 22 марта» к некоторым непригодным анархистским догмам — причина его изолированности, оторванности от основных потенциально революционных сил — от трудящихся предприятий. Ибо вне студенческой среды трудно найти любителей полного безвластия (анархии) и уравнения заработков. Не нужно быть большим теоретиком, чтобы понять, что идеи эти сегодня — совершенно утопические. Любой рабочий это понимает. и его, человека со здравым смыслом, невозможно увлечь ими. Повидимому Кон-Бендит и его друзья чувствовали это, ибо когда они декларировали себя в качестве анархистов, то делали это без убеждения и лишь если их принуждали к этому назойливыми вопросами.

Если бы мартовцы не пытались взлететь слишком высоко, они бы могли далеко залететь, и их не постигла бы судьба Икара, которому солнце растопило скрепленные воском крылья.

Есть и другие анархисты, — ряженые, фольклорные, хиппиобразные. Эти больше заняты сексуальными развлечениями и наркоманией, чем политикой, и нам трудно определить куда их следует усадить — слева, в центре или сзади.

Дальше влево ничего быть не может — «Движение 22 марта» со своей отчасти уже утопической программой заняло крайне левый стул. Движение это, правда, ныне не существует в организованной форме, — оно никогда не было «организованным» — но при первом общественном потрясении возродится и займет стул, зарезервированный для него.

В то же время его сосед — партия ПСЮ — с его не-

решительной и расплывчатой программой, уселся не слишком налево и стул между двумя этими течениями свободен. А его могут занять лишь те, кто как Дедал будут летать не слишком близко к солнцу, но и много выше морских брызг, т. е. не впадая в заблуждения анархистов, не ограничатся призрачными фразами о самоуправлении и «демократическом социализме», а поставят ясно и недвусмысленно вопрос о ликвидации доминизма и о переходе к общественной системе, основанной на групп-эгалитарной форме собственности, т. е. к системе эргонизма.

Какой бы ни была форма объединения сторонников этой программы (назовем их эргонистами), — будь то партия со всеми ее атрибутами или необрамленное организационными рамками движение, или же соединение обеих форм — во всех случаях объединение это с его конкретной, реальной и недвусмысленно революционной программой может стать авангардом левых сил, выразителем интересов как класса вольнонаемных, так и класса независимых (моноэгалитарных) трудящихся. Только вокруг такой программы могут объединиться все истинно революционные силы, т. е. все люди, группы, организации, которые хотят покончить со всяким доминизмом. К ним (из перечисленных выше) мы можем отнести: «Движение 22 марта»; партию ПСЮ; некоторые группки слева от компартии (несмотря на их догматические установки, большинство их членов — истинные антидоминисты); широкую массу рядовых членов компартии, да и немало из тех ее кадров, которые сохранили революционный дух — силы, способные изнутри оздоровить и преобразить эту партию; некоторые личности и группы левого крыла левого центра.

Силы эти сегодня немногочисленны, но именно они будут тем снежком, который, покатившись, станет снежным комом, вызвавшим лавину. И лавина эта сметет доминизм.

Чем же этот снежный ком обрастет?

Май 1968 года показал, что основные революционные силы находятся не в партиях, а на предприятиях и в университетах. Ни одна из традиционных партий не имеет программы, полностью отвечающей интересам трудящихся, ни одна из них не осталась незапятнанной, нескомпрометированной в политических интригах. К тому же, вообще говоря, партии по своей сути «доминативны», тогда как массы — истинктивно «эгалитарны». Поэтому основная масса трудящихся не доверяет партиям и остается вне их, и даже вне профсоюзов, а становится активной лишь в

периоды социальных потрясений. Но в такие периоды именно она решит исход борьбы. И только та политическая организация, пусть даже крохотная, которая лучше других будет выражать чаяния масс трудящихся, может надеяться, что ее программа будет реализована.

Пара слов о профсоюзах. Во Франции имеется два больших профсоюза: ЦЖТ (Всеобщая конфедерация труда) и ЦФДТ (Французская Демократическая Конфедерация труда). ЦЖТ — наиболее многочисленный профсоюз, контролируется коммунистической партией и потому подвержен всем ее болезням. Явившись инструментом предательской политики компартии в мае 1968 года, этот профсоюз с тех пор постоянно теряет сторонников — в пользу ЦФДТ, профсоюза подверженного влияниям партии ПСЮ и левых социалистов.

ЦФДТ поддерживает лозунг самоуправления и рабочего контроля (контроль рабочих над патронами вместо экспроприации патронов? — не похоже ли это на контроль овец над длиной волчьих клыков?), и даже начинает робко оспаривать власть патронов на предприятиях. Эти-то пункты программы ЦФДТ, даже произнесенные вполголоса, притягивают в его ряды новые силы.

«Эргонизация» этого профсоюза, т. е. включение в его программу четко выраженного пункта о «самособственности», сделало бы из этого профсоюза могучую силу. Нам каждого предприятия». А если бы ЦФДТ стал таким профосновным пунктом программы которого был бы такой: «конечной целью нашего профсоюза является передача всех прав собственности на предприятии непосредственно и исключительно в руки всего коллектива трудящихся каждого предприятия». А если бы ЦФДТ стал таким профсоюзом, то профсоюзу ЦЖТ ничего другого бы не оставалось, как дилемма: принять такую же программу или превратиться из профсоюза-гиганта в профсоюз-лилипут.

Повидимому эргонисты изберут именно такой путь в профсоюзной области, ибо создание нового, чисто эргонистского профсоюза было бы делом громоздким и долгим. К тому же не следует забывать, что цели профсоюзов ограничены (в основном требованиями материального порядка), и что в профсоюзах объединена лишь часть трудящихся, а так как суть эргонизма в том, чтобы **все** трудящиеся каждого предприятия (и только они сами, без всяких патронов) стали его совладельцами, то значит не профсоюз, а всеобщее собрание или же совет, избранный

всеми трудящимися, будет основной формой организации после установления эргонизма.

Однако роль профсоюза может быть немаловажной в подготовке и проведении эргонистской революции, первым и решающим этапом которой, повидимому, будет всеобщая тотальная забастовка с занятием всех предприятий, объявлением их групп-эгалитарной собственностью и одновременной экспроприацией патронов. Роль эта, однако, вовсе не исключительная, ибо сегодня неорганизованные массы трудящихся на местах («низы») часто решительнее и революционнее профсоюзов и могут сейчас обойтись даже без них, как это доказывают весьма распространенные ныне «дикие» забастовки. И чем сознательнее будут трудящиеся, тем больше будет «диких» забастовок и тем лучшие результаты они будут приносить.

Важную организационную роль в грядущих событиях сыграют «левацкие» студенческие организации. Решимостью и политической сознательностью студенческая среда превосходит все другие категории населения, ибо в ней сочетаются революционизирующие влияния как знаний, так и социального происхождения (студенчество в передовых странах столь многочисленно, что большинство его — дети трудящихся). И рабочим следует сознавать, что студенты — это уже не «дети буржуев», а в большинстве — лучшие их друзья, истинные революционеры, и им можно больше доверять, чем закостенелым партийным и профсоюзным бюрократам, даже вышедшим из рабочей среды. Студентов можно сегодня рассматривать как трудящихся, кующих свои квалификации, — как куются сложные инструменты с помощью которых позже будет выпущена продукция высокого качества. А у трудящихся как заводов, так и университетов — общие интересы: уничтожение доминации и эксплоатации. Единство между ними — абсолютное условие успеха эргонизма, гарантия того, что рабочие не отклонятся по ошибочному пути, ведущему в класс-доминизм (куда их тянет компартия), т. е. в систему, где рабочие станут еще более бесправными, чем в групп-доминизме. Для студентов же этот союз — гарантия, что они не отклонятся по анархистскому пути, который их может привести лишь в тупик изоляции, одиночества и оторванности от трудящихся масс.

Студенты и трудящиеся вместе — сила несокрушимая, сила, которая пойдет по правильному пути — по пути в эргонизм.

Нужно сказать пару слов об еще одной оппозицион-

ной силе, лишенной всякой положительной политической программы — о молодежи, исключившей себя из общества. Ее, очень схематично, можно разделить на две категории:

а) на тех, кто не хочет работать на патронов (таких много среди «битников»),

б) и тех, кто просто не хочет работать (к ним можно отнести большинство «хиппи»).

Такое «решение» проблемы скорее похоже на бегство от проблемы, как наркотики — бегство от жизни. Подобные бездельники могут существовать лишь в обществе, которое трудится, и в конечном-то счете кормятся они милостью трудящихся, а не патронов, становясь, по сути, добавочным бременем для трудящихся. Если все попытаются последовать их примеру — нищета, болезни и голод придут немедленно и общество вернется назад, отдалится от эргонизма. Ибо только благодаря труду (даже если его эксплоатируют) общество прогрессирует, создает условия, в которых доминизм будет уничтожен. И потому главной и единственной силой, которая преобразит общество, являются трудящиеся — создатели всех ценностей, всех знаний, которыми обладает человечество. Только они стоят лицом к жизни. Битники и хиппи стоят к ней спиной. А те, кто отворачиваются от мира — не могут его изменить.

Мы сознаем, что анализ политических сил Франции, данный здесь, неполон и упрощен. Нашей задачей здесь было дать не подробный анализ, а скорее метод анализа. Из него видно, что для общей оценки характера какой-либо политической организации нужно прежде всего определить, как она ответила бы на кардинальный вопрос: «кто в социальной системе, за которую вы боретесь, будет владельцем средств производства?». Согласно ответу можно «разместить по полкам» любую организацию. Тех, от кого не получите ясного ответа — кладите на полочку «левый центр».

Эргонистов отличите без всякого труда — ответ их будет ясен, конкретен и недвусмысленен. Вы знаете этот ответ.

А теперь предлагаем читателю развлечение: угадать и написать на бумажке формулы собственности на средства производства, выписанные невидимыми буквами на знаменах разных партий и группировок.

❦

Попытаемся проанализировать расстановку политических сил в Советском Союзе.

Казалось бы нет ничего проще: существует лишь одна единственная партия (ну, конечно же левая!), — коммунистическая, а кругом нее — пустота.

Легально — это почти так, но на деле: политика, как и природа, не терпит пустоты. Сама партия — тоже не монолит, и в ней скрытно, а иногда и явно проявляются и борются разные тенденции. Что касается людей вне партии, то их мнения (часто скрываемые) соответствуют самым разным политическим позициям, и хотя люди сходные во мнениях не имеют права объединяться в партии или в другие формы организации — от этого ни люди эти, ни их мнения не перестают существовать и тем или иным способом проявлять себя.

Начнем анализ справа.

Крайне правыми в Советском Союзе, как и всюду, следует называть тех, кто хочет возврата к старой, отжившей системе, т. е. в данном случае это будут всякие «политические старички», вздыхающие по царским временам и мечтающие о восстановлении монодоминизма.

Потом идут собственно правые. По нашему определению это те, чье благополучие основано на существующей социальной структуре и которые не хотят ее менять. Но кто же это как не сама коммунистическая партия со всеми ее прислужниками!

Если бы это было возможно, то кроме нее возникла бы какая-нибудь центристская организация с девизом «да-да, но...». Но так как никакое «но» не позволено, то люди с душой центриста пошли в компартию и тем самым приклеили ей центр. И в ней ныне существуют три тенденции. Правое крыло, согласное с существующим гегемонистским порядком, но желавшее бы вернуться немного назад, к «добрым славным» временам не царизма (боже упаси!), а столь им дорогого сталинизма. Это так называемые «догматики», или «твердолобые», или иначе — «твердоправые». Затем — основная тенденция («да, да, да»), отражающая чаяния класса-гегемона в целом — те, кто всем довольны, совершенно ничего не хотят менять и потому могут быть названы консерваторами или просто правыми. И, наконец, «левое» крыло — тот самый приклеенный к партии центр, состоящий из сторонников некоторых реформ и уступок трудящимся, ни в чем однако не подвергающих сомнению саму класс-доминистскую систему. Их обычно называют «либералами» или «ревизионистами» — смотря какой оттенок хотят им придать — одобрительный или презрительный.

Дальше, в принципе уже вне партии, идет левый центр. Это люди, не сумевшие выбрать между реформами и более глубокими изменениями структуры. Среди них немало тех, которые верят, что «по идее» социальная система «правильна», но ее исказили «злые люди», и что смена капитана и некоторые переделки превратят невольничий корабль в прогулочную яхту. Многие из них люди чистые, добронамеренные, но наивные, — считающие, что не может существовать никаких других систем, кроме социалистической и капиталистической, а так как капитализм для них неприемлем, то ничего не остается, кроме как починить, подкрасить прогнивший социализм, создать какой-то «моральный» или «гуманный» социализм. Поэтому многие из них, не желая брать дурно пахнущий партийный билет, все же считают себя «беспартийными коммунистами». По-видимому это самая многочисленная «партия» Советского Союза. От появления ясной эргонистской системы мировоззрения они прозреют и поймут, что гуманным может быть (и не может не быть) лишь эргонизм. И тогда левый центр поредеет.

Левые это те, кто хотят сломать систему, но тянут не вперед, а в сторону — а значит это те более решительные враги класс-доминизма, которые хотят заменить его группдоминизмом — т. е. перейти к системе «как на Западе». Для них идеал — США, или Франция, — в общем любая богатая, развитая капиталистическая страна. У них столько же шансов осуществить свои мечты, сколько у французских коммунистов ввести у себя советские порядки. Ибо общество имеет свойство развиваться не «в сторону», а вперед. Среди них (так же, как во французской компартии) много людей благонамеренных, но заблуждающихся. Эргонизм вылечит и их.

Крайне левые это люди более или менее ясновидящие. Их не так мало, как могло бы казаться. Среди советских рабочих много таких, которым даже липовое югославское самоуправление бередит мысли, а среди интеллигенции ту же роль «искры, из которой возгорелось пламя» сыграла «чешская весна». Но не только эти примеры были причиной «крамольных мыслей». Идея о том. что трудящиеся сами должны решать свою судьбу, что они и только они должны быть хозяевами предприятий и страны — идея эта не умирала никогда со времен Октябрьской революции. Из миллионов людей, преследуемых и сосланных в Сибирь, немалая часть были сознательными или инстинктивными сторонниками именно этой идеи, и именно за нее

они и преследовались. Крайне левая или, иначе, эргонистская «партия» — это та растущая неудержимо сила, которая сметет гегемонизм, и это ей принадлежит будущее, ибо только она представляет истинные интересы трудящихся.

❦

Какие формы может принять эргонистское движение? Формы его будут разными в странах разных систем.

Начнем со стран развитого капитализма.

Так как целью этого движения является полное уничтожение доминизма, а не замена одного его вида другим, то это движение (или партия?) будет совершенно нового типа. Это не может быть «партия-вождь», организация людей, рвущихся к власти и к теплым местечкам, а организация, целью которой будет — помочь трудящимся самим вырвать власть у доминаторов, с тем чтобы вся власть перешла непосредственно в руки трудящихся, без всяких «партий-посредников». Поэтому эргонистская организация не будет возглавлять, вести, тащить за собой массы трудящихся, командовать ими, а должна лишь дать массам недостающие им политические знания, объяснять, помочь им организоваться самим, чтобы они сами, на собственных ногах шли вперед и брали власть, принимали решения, действовали не ожидая политических партий, не доверяя им и их оспаривая.

Естественно, что такая организация не может быть построена так же, как традиционные партии, — с их пирамидальной структурой, центральным комитетом, вождями и руководителями, дисциплиной, обязывающими решениями, партийными билетами, списками членов и т. д. Антидоминистская, эгалитарная организация должна быть абсолютно коллективного, свободного духа, без всех перечисленных выше атрибутов. Но с другой стороны она не может напоминать полностью «Движение 22 марта», в котором вообще никакой объединяющей структуры не было. Для организации дискуссий, собраний, митингов, для выпуска печатных изданий, брошюр, листовок, для распространения эргонистских идей в армии и полиции — для всего этого, бесспорно, нужна будет какая-то форма организации, объединяющая убежденных, активных эргонистов. Помимо этого организованного костяка, «актива» что ли, — любой человек или организация, одобряющие основные идеи эргонизма, могли бы считать себя членами эргонистского движения, нигде не «записываясь», не платя никаких

взносов, и оставаясь совершенно свободными в своих мнениях и действиях. Только так широко понятое эргонистское движение может и будет отражать насущные интересы трудящихся. Ибо движение это — не организация «над» или «во главе» масс — а сами организованные массы трудящихся в действии.

В странах социализма трудящиеся не имеют никаких возможностей создать большую легальную оппозиционную организацию. Даже тайная, но большая организация была бы быстро раскрыта и ликвидирована. Эргонисты могут лишь объединиться в маленькие тайные группы, организационно даже не связанные (если не говорить о связи идейной), главной задачей которых вначале было бы распространение эргонистских идей, т. е. подготовка миллионов нигде не записанных эргонистов — эргонистов в душе. В момент потрясения такая многомиллионная армия трудящихся, объединенных общими идеями, действовала бы как единая мощная организация, внезапно родившаяся «на пустом месте», способная вызвать всеобщую забастовку, переход вооруженных сил на сторону трудящихся и свержение гегемонизма.

Эргонисты стран патронализма, имеющие возможности легальной деятельности, могли бы во многом помочь своим братьям из стран гегемонизма — ведь дело у эргонистов всех стран общее, цели — одни. Между эргонистами всех стран нет границ («Пролетарии не имеют родины» — цитата из «Коммунистического Манифеста» найденная у Кон-Бендита, но забытая коммунистами). Единственная «граница», которую они признают — это линия фронта между ними и доминаторами. Для эргониста «иностранцы» — это доминаторы **любой страны,** даже его собственной, но трудящиеся всего мира — его друзья и братья.

К какой категории можно будет отнести эргонистское движение после установления групп-эгалитаризма? Станет ли оно самодовольным, почивающим на лаврах, т. е. не желающим изменения установленной им же системы, а значит — «правым» движением? Никак нет! Оно останется крайне левым. Парадокс? Ничуть! Эргонисты, это люди, сознающие, что даже групп-эгалитарная система еще не идеальна, и что она не будет и не может быть застывшей, неподвижной системой, а будет развиваться в направлении класс-эгалитаризма, т. е. панэргонизма.

Некоторые из активных эргонистов могут все же обманывать себя иллюзиями, что после победы они станут

новыми сановниками, важными людьми, «шишками на ровном месте», жильцами верхушки пирамиды.

Победа эргонизма означает победу не эргонистов, а трудящихся вообще и суть эргонизма — это власть на местах, на предприятиях. А с пирамидальной структурой общества, характерной для доминизма, будет покончено раз и навсегда. Или, точнее, это будет перевернутая пирамида, где основные решения принимаются «низами», а объединяющие координационные органы будут исполнителями, проводниками этих решений.

Ленин сказал как-то после Октябрьской революции, что теперь каждая кухарка должна научиться управлять государством. Но он забыл важную деталь, что кухарка, не являющаяся хозяйкой на своей-же кухне, — никак не может управлять государством. Бухарин иронически вопрошал: «Но что бы случилось, если бы было назначено по комиссару, чтобы командовать каждой кухаркой?». Случилось именно это, и еще во времена Ленина (и в этом суть социализма, возникающего там, где «кухарки» безграмотны) и бедная кухарка не только перестала мечтать об управлении государством, но даже и об управлении кухней (потому-то блюда в такой кухне — горькие!).

Эргонистское общество — это будет именно такое общество, в котором «кухарки» являются полноправными и единственными хозяйками каждой «кухни», где они сами будут управлять ею, выбирать или смещать «шеф-повара» (без него не обойтись, пока все «кухарки» не будут обладать уровнем знаний «шеф-повара»), но где не будет ни патрона, ни представителя «Треста комиссаров», владеющего всеми «кухнями». **Только в таком обществе** кухарки могут управлять государством. И если прежде главной ролью государства было сохранение власти патронов или «Треста комиссаров» над «кухарками», то в эргонизме роль его будет много скромнее — координация между «кухнями». Аппарат такого государства станет много меньше, дешевле, — тем более что ни один из его членов не будет получать дутых заработков, превышающих тот, который соответствует их квалификации.

Поэтому всякий, кто «идет в эргонисты», мечтая о получении министерского портфеля после революции, — делает ошибку. Такому лучше записаться в компартию. Карьеристам нечего делать в эргонистском движении. Цель этого движения — создать общество, где каждый сам думает и решает. А людям думающим не нужны наполеоны, идолы, вожди, выскочки, узурпаторы.

❦

Как свергнуть доминизм?

Готовых рецептов на это мы не имеем. Но учитывая, что главная цель эргонистской революции — передача всех прав собственности на предприятиях непосредственно в руки трудящихся, — можно предположить, что первым этапом революции будет всеобщая забастовка с окончательным занятием предприятий и объявлением их собственностью коллективов трудящихся (даже победа в выборах не отменит эту «процедуру»). Патроны будут экспроприированы и, в зависимости от решения коллектива, смогут (или нет) работать согласно их квалификациям на равных правах со всеми трудящимися. Если этот этап будет проведен решительно и повсеместно — никакие силы полиции не смогут «очистить» тысячи предприятий, занятых трудящимися, тем более если они окажут вооруженное сопротивление или сами перейдут в контратаку.

К тому же можно предполагать, что ясные и недвусмысленные идеи эргонизма могут разложить даже полицию, не говоря уже об армии, которая не только не двинется против трудящихся (какой рабочий в солдатской форме станет атаковать завод, занятый рабочими?), но может даже стать на их сторону, и тогда полиция вообще будет нейтрализована. Так произойти может только в случае, если эргонисты серьезно поработают, чтобы объяснить цели и характер эргонизма в рядах вооруженных сил, ни минуты не забывая, что, к примеру, полицейский это не доминатор, а инструмент доминаторов, эксплоатируется ими не меньше, чем другие трудящиеся и нередко происходит из рабочих, оказавшихся безработными.

Забастовка будет сопровождаться требованием отставки правительства (не с тем, чтобы сменить одних демагогов другими, а чтобы смести его навсегда), собраниями на предприятиях по выработке организационных форм управления, выборами советов или других органов управления, организацией самообороны, созывом съезда представителей коллективов трудящихся, районов, армии и т. д., который должен будет заменить все старые органы власти, служившие доминаторам.

И тогда начнется второй этап — пуск в ход предприятий новыми хозяевами. Это будет началом новой эры — эры эргонизма.

Если доминаторы, спасая свои денежные мешки и привилегии, решатся рисковать головой и спровоцируют гражданскую войну — чтож, тем хуже для них — они потеряют

все. Тогда вторым этапом будет война, вместе с пуском предприятий для военных нужд, а установление эргонистского общества будет третьим этапом. Ибо нет сомнения — в войне между защитниками привилегий и борцами за человеческое достоинство (именно в этом была бы суть гражданской войны) победят эти последние. Ведь их больше, они сильнее морально (справедливость, с народной точки зрения, полностью на их стороне), да и физически (предприятия будут в их руках, армия или часть ее — с ними, а доминаторы сами не способны пустить в ход ни одно предприятие — без трудящихся они беспомощны).

Из трех условий, которые необходимы для проведения эргонистской революции: высокая политическая сознательность трудящихся, широкое распространение знаний среди трудящихся, развитая материальная база — первые два важнее третьего. Поэтому эргонистская революция сначала произойдет в странах, которые в большей степени отвечают этим двум условиям, а вовсе не в технически более развитых. Ибо не машины делают революцию, а люди. Правда, эти условия связаны — если какая-то страна создала сложную технику, значит ее трудящиеся образованны, но политическое их сознание, однако, может быть усыплено. С другой стороны — одна политическая сознательность, без достаточно образованного населения и при узкой материальной базе могут привести к революции — но не к эргонистской, а к класс-доминистской, социалистической.

Взвесив относительную важность всех трех факторов, можно попытаться предположить, что эргонистская революция произойдет в разных странах в такой, примерно, последовательности: Франция, Италия, Англия, Чехословакия, Югославия, Западная Германия, Бенилюксы, Дания, Венгрия, Румыния, Польша, СССР, Канада, США, Швеция и т. д. Дальше гадать не будем. Важно одно — как только эргонистская революция победит в одной стране — пример ее произведет действие столь заразительное, столь увлекающее, столь гипнотизирующее, вызовет такую неимоверную волну восхищения и сочувствия, надежд и ожиданий, солидарности и братства — что триумф эргонизма в развитых странах может стать делом нескольких лет. И это будет началом преобразования нашей планеты в Планету Людей, на которой самыми великими ценностями станут Любовь, Дружба, Доброта, Юмор, Сердечность.

Старый прогнивший «порядок», основанный на доминации и эксплоатации, — обречен. И капитализм и социализм там, где они выполнили свое предназначение — рухнут. Мы накануне нового мира. И это вам, читатель, который хочет изменить мир — быть автором, свидетелем и акушером его рождения. Мы живем в Великое время — время самого важного перелома в истории людей, время когда люди, чтобы покончить с угнетением, покончат с разделением их рода на угнетателей и угнетенных, и создадут Общество Людей, Общество Разума.

Сегодняшний мир должен измениться. Достоинство человека требует этого. И мы ни минуты не сомневаемся, что мир изменится. Это неизбежно. Пока человек угнетен, он не может быть счастлив, а он хочет и должен быть счастлив, и он этого заслуживает. Неправы те, кто говорит, что люди плохи, несовершенны. Это не люди, а общество несовершенно и это его надо изменить сначала. Такое общество навязано людям меньшинством — теми кого мы назвали доминаторами — и это они и их система плохи, а не человек вообще. Сломайте их систему, создайте такую, которая удовлетворит всех, кто трудится — и вы увидите каким прекрасным, добрым, великодушным может быть человек.

«Сломать систему» не значит «ломать все». «Старый дом» все же построен людьми и не все в нем бесчеловечно. Гнев левого авангарда не может быть слепым, направленным против «всех и вся». «Бешеные» 1968 года сделали замечательную работу, разбудив заснувших, заставив думать отупевших, но сегодня их гнев должен стать селективным, сознательным, почти «научно обоснованным» — если они хотят быть понятыми. Целеустремленная ярость — это уже сила конструктивная, сила, которая разрушает только то, что нужно переделать, — разрушает чтобы строить, зная заранее что и как строить. Только такое сознающее цели борьбы активное меньшинство может увлечь тех, кто сегодня кажутся пассивными, но без участия которых победа эргонистской революции невозможна.

Это активное меньшинство может служить только «будильником», катализатором движения, но оно не может ни само провести революцию, ни само строить эргонистское общество. Ибо суть эргонизма в том, чтобы не какое бы то ни было меньшинство, пусть даже составленное из самых великодушных людей, решало судьбу большинства, судьбу трудящихся, а в том, чтобы каждый уча-

ствовал в ее решении, в решении общих и своих собственных проблем.

Проблемы трудящихся не будет разрешены, пока трудящиеся сами не возьмутся за их разрешение. Доминаторы не могут и не хотят их разрешить, как волк не разрешит овечьих проблем. Потому путь один — создать не общество, где «волки и овцы» сотрудничают, а общество без волков.

Трудящиеся уже сегодня фактически исполняют почти все функции управления и лишь узловые органы решения, ключевые посты находятся в руках доминаторов. Предстоит же трудящимся управлять всеми делами. Поэтому им нужно учиться, учиться управлять. Только трудящиеся, вооруженные знаниями, могут свергнуть доминаторов, заменить их, недопустить возрождения доминизма, избавиться от него навсегда.

Только трудящийся, ясно сознающий расстановку политических сил, социальную структуру общества, истинные интересы каждого класса, — только такой трудящийся сможет освободить себя, сможет изменить мир, сделать его миром, принадлежащим тем, кто трудится. Трудящийся, который «не разбирается в политике» — это человек слепой, это несознательный помощник доминатора, это человек, в голове которого поселился полицейский (или агент КГБ — что за разница?). Самая большая трудность — это изгнать из головы именно этого, наиболее эффективного полицейского. Если миллионам людей это удастся — то бессильна будет армия полицейских, стоящих с дубинками над их головами, армия, которая сильна лишь против изолированных групп оппозиции, но которая всегда оказывалась беспомощной перед лицом масс, вооруженных ясной идеей.

Мы надеемся, что эта книга поможет тем, кто старается понять наше время, а тот кто начинает понимать — перестает повиноваться, как говорят французы. Человек, имеющий в руках крепкий идеологический булыжник, — обладатель самого сильного оружия. Главной целью этого труда было именно — понять, а не «дать программу». Ибо всю нашу «программу» можно свести к одной фразе: создать общество, в котором вы все, те кто трудится, создавали бы сами свои программы, и где бы каждый участвовал в выработке общей программы. И нам кажется, что из этой книги ясно, — такое общество не только возможно, но и неизбежно. Не мы его выдумали. Ростки его уже пробиваются всюду. 1968 год прояснил умы многих. Париж-

ский Май и Пражская Весна — начало конца доминизма — первые ласточки Весны Человечества, которая — близко.

Ибо все дороги ведут к эргонизму. Только он может объединить мир, расколотый ныне на две доминистские системы, только он избавит человечество от войн, насилия, унижения, неравенства, зависти, ненависти, несправедливости, — от всего что порождено доминизмом.

Вы — человек поколения, которое может избавиться от доминации и эксплоатации. Все условия для этого существуют. Перед нашим поколением стоит альтернатива: распрямить спины или же умереть сгорбленными, стать свободными или умереть рабами. От нашего выбора зависит — заслужим ли мы уважение всех грядущих поколений, или же нас будут презирать уже наши дети. Ведь мы не сможем сказать, как наши отцы и деды: «мы не понимали, мы заблуждались, мы не распознали зло, мы были бессильны». У нас не будет таких оправданий. Наше достоинство требует, чтобы мы сделали все что в наших силах для избавления от скрытого рабства, в котором мы живем, для свержения новых рабовладельцев и паразитов, как бы они ни назывались.

Мы должны стать поколением Революции. Только тогда наша жизнь будет иметь смысл, только тогда она будет оправдана.

Тем кто хочет оправдать свое бездействие рассуждениями о том, что сегодня революция еще не возможна, следует ответить — только благодаря таким пессимистам она еще не осуществлена. Рассуждения типа «возможно — невозможно» бесполезны. Революция необходима, а значит — возможна. Нужно чтобы большинство трудящихся это поняло. Ибо делать революцию это кроме всего, а может и — прежде всего — переубеждать тех, кто в Нее не верит, тех кто Ее не понимает. Революция — не однодневный, а многолетний процесс, кульминационной фазой которого является Восстание. Как одна битва, даже решающая, — это еще не вся война, так Восстание — это еще не вся Революция. И если сегодня, когда мы пишем эти строки, правы те, кто говорит, что Восстание пока неподготовлено, то Революция не только возможна, но фактически Она уже началась. С 1968 года революционный процесс — в действии! Трудящиеся должны готовиться к решающим битвам. И хотя победа эргонизма неминуема, срок этой победы зависит от решительности нашего поколения. Вопрос в том, удастся ли уже ему освободиться, или же оно передаст рабство в наследство своим детям.

Чтобы мы сами стали кузнецами нашей судьбы необходимо свергнуть тех, кто узурпировал права собственности и права решения — доминаторов. Только убрав эту преграду с пути, можно придти к Обществу Людей, в котором каждый получит право и думать, и решать, и действовать.

Общество, в котором люди делятся на угнетателей и угнетенных, будет похоронено навсегда. Мир должен принадлежать тем, чьи руки и умы создают все ценности, все знания — трудящимся. И он будет им принадлежать! В этом нет никакого сомнения. Когда? Это зависит от вас, товарищ.

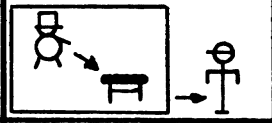
Февраль 1969 - февраль 1971.

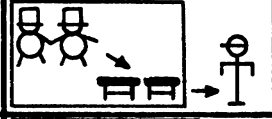
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Таблица основных элементов общества.

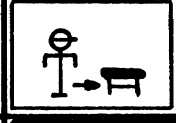
Основные элементы общества	Графическое обозначение	Буквенное обозначение	Определение
Средства производства		М	Орудия и материалы служащие в производстве.
Трудящийся		Т	Человек пользующийся средствами производства (принадлежащими ему или другим лицам) в целях производства и не нанимающий других людей.
Доминатор		Д	Собственник средств производства, нанимающий трудящихся для действий над этими средствами в целях производства.

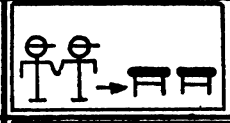
Приложение 2. Таблица форм собственности на средства производства.





Форма собственности на средства производства	Ячейка собственности (график)	Формула собственности	Общество в котором данная форма преобладает
Монодоминистская (доминатор, индивидуальный собственник средств производства).		(Д → М, Т) (Д → М, Т) Д → М → Т	(Рабовладельчество) (Феодализм) «Классический» капитализм
Групп-доминистская (группа доминаторов, коллективные собственники средств производства).		ДД → ММ → Т	«Монополистический капитализм
Класс-доминистская (целый класс доминаторов в совместном владении средств производства).		ДДД → МММ → Т	Социализм. «Национализированный» сектор в других системах.
Моноэгалитарная (отдельный трудящийся, или семья, в индивидуальном владении средств производства).		Т → М	Форма присутствующая во всех системах как побочная
Групп-эгалитарная (группа трудящихся, коллективные собственники средств производства).		ТТ → ММ	Доисторическое общество. Эргонизм (общество близкого будущего развитых стран).
Класс-эгалитарная (целый класс трудящихся в совместном владении средств производства).		ТТТ → МММ	Панэргонизм (общество более отдаленного будущего).





ACHEVE D'IMPRIMER SUR
LES PRESSES DE LA SOCIETE
D'IMPRIMERIE PERIODIQUES
ET D'EDITIONS, 32, RUE DE
MENILMONTANT, PARIS (20e)
EN AVRIL 1971

Dépôt légal : 2e trimestre 1971 - N° 1032